

ЗОЛОТОЙ ЖУК

СБОРНИК
РАССКАЗОВ
АМЕРИКАНСКИХ
КЛАССИКОВ

ДЕТГИЗ
1943

Золотой жук: рассказы американских классиков [сборник]

Эдгар Аллен По, Натаниэль Готорн, Эдвард Эверет Гейл, Марк Твен, Джек Лондон

Аннотация
Золотой жук. (сборник рассказов американских классиков)
Эдгар Аллен По. Золотой жук
Натаниель Готорн. Гибель мистера Хиггинботама
Эдвард Эверет Гейл. Человек без родины
Марк Твен. Похищение белого слона
I
II
III
Джек Лондон. Любовь к жизни
От составителя

Аннотация

Сборник рассказов американских классиков.

Для старшего возраста.

—

Составитель сборники: *А. И. Старцев*

Иллюстрации, обложка: *Н. В. Кузьмин*

Содержание:

Эдгар Аллен По. **Золотой жук.** (Перевод под редакцией А. И. Старцева)

Натаниель Готорн. **Гибель мистера Хиггинботама.** (Перевод Е. Д. Калашниковой)

Эдвард Эверет Гейл. **Человек без родины.** (Перевод А. И. Старцева)

Марк Твен. **Похищение белого слона.** (Перевод Н. Г. Волжиной)

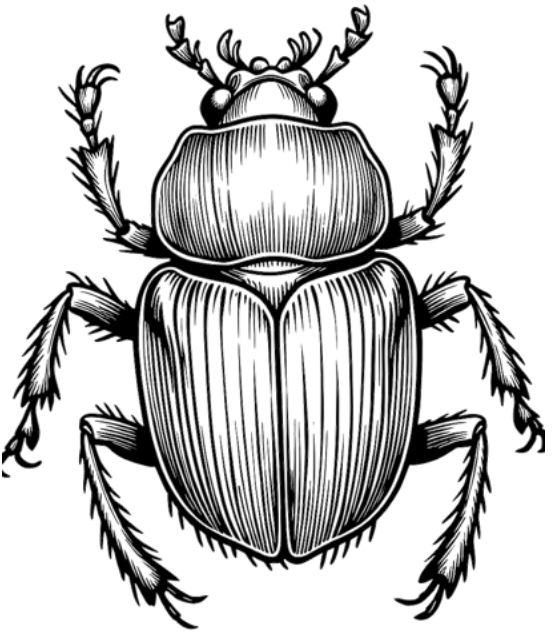
Джек Лондон. **Любовь к жизни.** (Перевод под редакцией А. Х. Горфинкеля)

От составителя.

Сохранена орфография оригинального текста!

CL
COOLLID·NET

Золотой жук (сборник рассказов американских классиков)

Эдгар Аллен По
Золотой жук

Смотрите! Эй! Как пляшет этот малый! Его, наверное, ужалил тарантул!
Артур Мерфи «Все не так».

Несколько лет тому назад я близко сошелся с некиим Вильямом Леграном. Он принадлежал к старинной гугенотской семье и был когда-то богат, но ряд неудач довел его до разорения. Что-

бы избегнуть унизительных последствий этого несчастья, он покинул Нью-Орлеан, город своих предков, и переселился на остров Сэлливан, близ Чарльстона, в Южной Каролине.

Это весьма замечательный остров. Он состоит почти сплошь из морского песка. Длина его три мили, наибольшая ширина не превышает четверти мили. Он отделен от материка едва заметным проливом, пробирающимся сквозь тину и заросли камыша, приют болотных курочек. Растительность, как легко можно себе представить, скудная, низенькая; сколько-нибудь крупных деревьев совсем нет. Только на западной оконечности острова, вокруг форта Моултри и нескольких жалких домиков, занимаемых в летнее время чарльстонскими жителями, спасающимися от городской пыли и духоты, встречаются колючие карликовые пальмы; но, за исключением этого местечка и нагой белесоватой полосы песка вдоль берега, весь остров одет густыми кустами душистого, мирта, столь ценимого английскими садоводами. Местами он достигает пятнадцати-двадцати футов в вышину, образуя почти непроходимую чащу и наполняя воздух благоуханием.

В самой глубине этой чащи, недалеко от во-

сточной, наиболее удаленной от континента оконечности острова, Легран выстроил сам себе хижину, где и проживал в то время, когда я совершенно случайно познакомился с ним. Знакомство вскоре превратилось в дружбу, так как многие черты в характере милого отшельника возбуждали сочувствие и уважение. Я убедился, что он получил хорошее образование, обладает недюжинным умом, но заражен мизантропией[1] и подвержен странным перемежающимся припадкам энтузиазма и меланхолии. У него было с собой много книг, но ок редко обращался к ним. Больше всего он любил охоту, рыбную ловлю, прогулки по морскому берегу и среди зарослей в поисках раковин и насекомых. Его энтомологической коллекции позавидовал бы Сваммердам[2]. В этих экскурсиях его сопровождал старый негр Юпитер, освобожденный еще до разорения, но, несмотря ни на какие угрозы и обещания, не соглашавшийся расстаться со своим молодым «масса Виллем». Он считал своим правом всюду следовать за ним. Весьма возможно, что родственники Леграна, опасавшиеся за его рассудок,

---

[1] Примечания: 1

Мизантроп — нелюдим, человеконенавистник.

[2] Примечания: 2

Сваммердам Ян (1637–1680) — известный голландский натуралист.

поддерживали Юпитера в его упрямстве в видах надзора и ухода за беглецом.

На широте острова Сэлливан зимы редко бывают суровы, к в осенние месяцы почти не приходится топить печи. Однако в половине октября 18.. года выдался исключительно холодный день. Перед самым закатом я пробрался сквозь чащу вечнозеленых кустарников к хижине моего приятеля, которого не навещал уже несколько недель. Я жил тогда в Чарльстоне, в девяти милях от острова, а сообщение между этими двумя пунктами было в те времена далеко не так удобно, как ныне. Добравшись до хижины, я, по обыкновению, постучал и, не получив ответа, отыскал ключ (я знал, где он хранится), отворил дверь и вошел. Яркий огонь пылал в печи. Это была неожиданность — и, разумеется, очень приятная. Я снял пальто, придвинул кресло поближе к весело трещавшим дровам и стал терпеливо ждать прихода хозяев.

Они явились с наступлением темноты и приветствовали меня очень сердечно. Юпитер, растянув в улыбке рот до ушей, принялся ощипывать болотных курочек и стряпать ужин. Легран оказался на этот раз в припадке энтузиазма — как иначе можно назвать то состояние, в котором

он находился? Он нашел неизвестную еще двустворчатую раковину; лучше того, он поймал с помощью Юпитера жука, который ему казался представителем совершенно нового вида и которого он обещал показать мне завтра утром.

— Почему же не сегодня вечером? — спросил я, потирая перед огнем руки и мысленно посылая к чорту всех жуков на свете.

— Да если б я знал, что вы заглянете! — ответил Легран. — Но вы так давно не навещали меня! Мог ли я угадать, что вы придете именно сегодня? Возвращаясь домой, я встретил поручика Г. из форта и имел глупость отдать ему жука, так что вам не удастся видеть его до завтра. Оставайтесь ночевать. Юп сбегает за ним на рассвете. Это самая прекрасная вещь в мире!

— Что? Рассвет?

— Да нет, чорт возьми, жук!.. Он яркозолотого цвета, величиной с крупный орех, с двумя черными, как смоль, пятнышками на верхнем конце спинки и третьим, подлиннее, на нижнем. Его усики и голова...

— Олова совсем нет в нем, масса Билль, бьюсь об заклад, — перебил Юпитер, — жук золотой, весь золотой, внутри и снаружи, только крылья не золотые; я никогда не видал такого тяжелого

жука.

— Хорошо, допустим, что ты прав, Юп, — сказал Легран, как мне Показалось, несколько более серьезным тоном, чем того требовали обстоятельства, — но разве из этого следует, что дичь должна подгореть? Действительно, — продолжал он, обращаясь ко мне, — его цвет почти оправдывает утверждение Юпа. Вряд ли вы когда-нибудь видали надкрылья такого яркого металлического блеска… Да вот завтра сами посмотрите. Пока я постараюсь дать вам понятие о его форме.

С этими словами Легран уселся за столик, на котором стояла чернильница с пером, но бумаги на нем не было. Он пошарил в ящике, но и там ничего не оказалось.

— Все равно, — сказал он наконец, — и эта годится.

Он вытащил из кармана клочок очень грязной старой бумаги и набросал пером рисунок. Пока он возился с ним, я попрежнему грелся у огня, так как все еще чувствовал озноб. Кончив рисунок, Легран передал его мне, не вставая с места. В эту минуту послышалось громкое рычанье и кто-то стал царапаться в дверь. Юпитер отворил, и огромный ньюфаундленд Леграна ворвался в комнату, кинулся мне на плечи и осыпал меня

ласками, — я очень подружился с ним в мои прежние посещения. Когда он угомонился, я взглянул на бумажку и, правду сказать, весьма заинтересовался рисунком моего друга.

— Да, — сказал я, поглядев на него несколько минут, — признаюсь, странный жук, совершенно для меня новый, я никогда не видал ничего подобного, кроме разве черепа. На череп же он похож поразительно.

— На череп! — повторил Легран. — А… да… пожалуй, на рисунке он несколько напоминает череп. Два черных верхних пятнышка имеют вид глаз, а длинное нижнее представляет рот, общая форма овальная…

— Может быть, и так, — ответил я, — но, Легран, боюсь, что вы не мастер рисовать. Уж я лучше подожду самого жука, прежде чем судить о его наружности.

— Как хотите, — сказал он, слегка задетый, — но я, кажется, рисую сносно, по крайней мере должен был бы рисовать сносно. Я учился у хороших мастеров и сознаюсь, что не считаю себя совсем бездарным.

— В таком случае, дружище, вы подшутили надо мною, — возразил я, — это очень недурной череп, можно даже сказать, превосходный череп, отвечающий самым точным требованиям остеологии, и если ваш жук похож на него, то это действительно самый странный жук на свете. Он может подать повод к какому-нибудь суеверию.

Вы, конечно, назовете его *Scarabaeus caput hominis* или как-нибудь в этом роде, такие названия часто встречаются в естественной истории. Но где же у него усики?

— Усики! — с непонятной для меня горячностью сказал Легран. — Неужели вы не видите усиков? Я нарисовал их такими же явственными, как и в натуре; надеюсь, этого довольно.

— Ну что ж, — ответил я, — допустим, что вы их нарисовали, но я их не вижу.

И я протянул Леграну бумажку без дальнейших возражений, так как мне не хотелось выводить его из себя. Но меня очень удивлял оборот, который приняла эта история; его раздражение сбивало меня с толку: — на рисунке положительно не было никаких усиков, и в целом он изумительно походил на обычное изображение черепа.

Легран с недовольным видом взял бумагу и хотел скомкать ее и бросить в огонь, но, случайно посмотрев на рисунок, остановился, словно прикованный к нему взглядом. Лицо его побагровело, потом сильно побледнело. В течение нескольких минут он, не двигаясь с места, внимательно рассматривал рисунок. Затем встал, взял со стола свечу и уселся на сундуке на дру-

гом конце комнаты. Там он снова углубился в рассматривание бумаги, вертя ее во все стороны. Однако он ничего не сказал, и хотя его поведение очень удивляло меня, я не желал расспросами усилить его раздражение. Наконец Легран достал из кармана бумажник, тщательно уложил в него листок и спрятал в конторку, замкнув ее на ключ. После этого он успокоился, но прежний энтузиазм уже не возвращался к нему. Впрочем, он казался скорее задумчивым, чем угрюмым. Задумчивость эта росла с часу на час, и все мои попытки рассеять ее оставались тщетными. Я хотел было переночевать в хижине, как часто делал это раньше, но при таком настроении хозяина счел более удобным уйти. Он не удерживал меня, но на прощание пожал мне руку еще сердечнее, чем обычно.

Спустя месяц (в течение которого я ничего не слыхал о Легране) ко мне в Чарльстон явился его слуга Юпитер. Я никогда еще не видал добродушного старого негра в таком удрученном состоянии и не на шутку испугался: не случилось ли с моим приятелем какой серьезной беды?

— Ну, Юп, — спросил я, — что нового? Как поживает твой господин?

— Сказать правду, масса, поживает он не так

хорошо, как бы следовало.

— Нехорошо? Очень грустно слышать это. На что же он жалуется?

— Ах, вот в том-то и дело! Он никогда ни на что не жалуется, но он очень болен.

— Очень болен? Что же ты сразу не сказал! Он лежит?

— Нет, нет, не лежит! Но ему худо. Меня очень беспокоит бедный масса Билль.

— Что ты мелешь, Юпитер! Понять не могу! Ты сказал, что твой господин болен. А он не говорил тебе, что с ним?

— Вы не сердитесь, масса. Масса Билль уверяет, что с ним ничего… Но зачем же тогда он ходит взад и вперед, согнув плечи, опустив голову и белый, как гусь? И зачем все время пишет и пишет цифры?

— Что он пишет, Юп?!

— Пишет цифры и значки на грифельной доске. Таких смешных значков я еще никогда не видал. Я боюсь, не спускаю с него глаз. Вчера он убежал на заре и пропал на целый день… Припас палку, хотел отдуть его, когда он вернется, но он пришел такой печальный, и мне, дураку, стало жалко…

— Вот как! В самом деле? Нет, зачем же такая жестокость! Ты не бей его, Юпитер, он, пожалуй,

не вынесет этого. Но что же вызвало эту болезнь, или, вернее, эту перемену в его поведении? Случилось что-нибудь неприятное после того, как я был у вас?

— Нет, масса, после того не было ничего неприятного, а раньше того было. Боюсь, что это случилось в тот самый день.

— Как? Что ты хочешь сказать?

— Да, масса. Я хочу сказать, что это жук, вот и все.

— Что?

— Жук… Я уверен, что золотой жук укусил масса Билля в голову.

— Да почему же ты так думаешь, Юп?

— У него огромные когти и морда. Я никогда не видал такого проклятого жука: он кусает что ни попадется. Масса-Билль сперва схватил его за ногу, но тотчас же выпустил, — тогда-то жук и укусил его. Мне этот жук и его рот не понравились — я не хотел брать его руками, но я взял клочок бумажки и завернул его в нее да и в рот ему сунул бумажку. Вот как я сделал.

— Так ты думаешь, что жук действительно укусил твоего господина и от этого он заболел?

— Я не думаю, нечего думать, — я знаю. Почему быт ему все видеть во сне золото, ноли золотой

жук не укусил его? Я слышал уж о них, об этих золотых жуках!

— Да почему ты знаешь, что он видит во сне золото?

— Почему знаю? Да он говорит во сне про жука, — вот почему знаю.

— Ну, может быть, ты и прав, Юп, но какому счастливому обстоятельству обязан я сегодня честью твоего посещения?

— Что такое, масса?

— Ты с каким-нибудь поручением от господина Леграна?

— Нет, масса, у меня только вот эта записка.

И Юпитер подал мне бумажку, на которой я прочел:

«Дорогой мой!

Что это вас не видно? Неужели вы обиделись на маленькую резкость с моей стороны? Но нет, это слишком невероятно.

С тех пор как мы виделись с вами последний раз, меня-одолевают заботы. Мне нужно рассказать вам кое-что, но я не знаю, как за это приняться, не знаю даже, рассказывать ли вообще.

В последнее время мне нездоровилось, и бедный старик Юпитер доконал меня своими заботами. Поверите ли, на-днях он вырезал здоровенную ду-

бину и хотел отколотить меня за то, что я ушел утром, не сказавши ему, и провел весь день один среди холмов на материке. Кажется, только мой болезненный вид избавил меня от побоев.

Со времени нашей последней встречи я ничего не прибавил к своей коллекции.

Если возможно, приезжайте с Юпитером. Приезжайте. Мне необходимо видеть вас сегодня по важному делу. Уверяю вас, по очень важному делу. Весь ваш,

***Вильям Легран**».*

Что-то необычное в тоне этой записки серьезно встревожило меня. Она совсем не походила на обычные письма Леграна. Что за фантазия пришла ему в голову? Какая новая химера обуяла его слишком впечатлительный мозг? Какое «очень важное дело» могло быть у него? Рассказ Юпитера не сулил ничего доброго. Я опасался, что постоянные неудачи в конце концов серьезно повредили рассудок моего друга. Я ни минуты не колебался и отправился вместе с негром.

У берега нас ожидала лодка, на дне которой я увидел косу и три заступа.

— Это что же такое, Юп? — спросил я.

— Это, масса, коса и заступы.

— Вижу. Но зачем они?

— Масса Билль приказал мне купить ему в городе косу и заступы, и я заплатил за них дьявольскую кучу денег.

— Да объясни же мне, во имя всего таинственного, на что твоему «масса Билль» коса и заступы?

— Этого я не знаю, и чорт меня побери, если он сам знает это! Все дело в жуке.

Видя, что от Юпитера, мысли которого сосредоточились на жуке, ничего путного не добьешься, я уселся в лодку и поднял парус. Свежий сильный ветер живо доставил нас в заливчик к северу от форта Моултри; оттуда, сделав около двух миль, мы подошли к хижине. Было почти три часа пополудни. Легран ждал нас с большим нетерпением. Он пожал мою руку с нервной горячностью, встревожившей меня и усилившей мои зарождающиеся подозрения. Лицо его поразило меня своей прозрачной бледностью, а глубокие глаза его светились неестественным блеском. Осведомившись о его здоровье и не зная, что еще сказать, я спросил, получил ли он наконец жука от поручика Г.

— О да, — ответил он, сильно покраснев, — получил на другое же утро. Я ни за что на свете не расстанусь с этим жуком! Вы знаете, ведь Юпитер-то совершенно прав.

— Как так? — опросил я, и сердце мое сжалось от грустного предчувствия.

— Помните, он говорил, что жук из чистого золота. — Легран произнес эти слова тоном глубокого убеждения смутившим меня донельзя. — Жуку этому суждено добыть мне богатства, — продолжал он с торжествующей улыбкой, — он возместит мне мое утраченное наследство. Как же мне не дорожить им? Раз фортуна послала мне его, я: должен только суметь его использовать, и я найду золото на которое он указывает. Юпитер, принеси мне жука!

— Что? Жука, масса? Нет, я не хочу иметь с ним дело, берите его сами!

Легран встал с важным и серьезным видом и, вынув: жука из-под стеклянного футляра, где он помещался, поднес его мне. Это был великолепный жук, в то время еще неизвестный естествоиспытателям, — находка бесспорно интересная с научной точки зрения. На верхнем конце спинки у него было два черных круглых пятнышка, на нижнем — одно продолговатое. Твердые блестящие надкрылья горели, как настоящее золото. Насекомое оказалось на редкость тяжелым, так что, приняв в соображение все эти обстоятельства я не мог удивляться мнению

Юпитера, но решительно не понимал, почему Легран соглашался с ним.

— Я послал за вами, — сказал он торжественным тоном, когда я осмотрел жука, — я послал за вами, чтобы просить у вас совета и помощи в осуществлении указаний Судьбы и жука…

— Дорогой Легран, — воскликнул я, перебивая его, — вы положительно нездоровы, вам следует принять меры предосторожности. Лягте-ка в постель, а я останусь с вами несколько дней, пока вы не поправитесь. У вас лихорадка и…

— Пощупайте мой пульс, — сказал он.

Я пощупал и, правду сказать, не заметил ни малейших признаков лихорадки.

— Ну, может быть, не лихорадка, а что-нибудь другое. Послушайтесь меня хоть раз. Прежде всего ложитесь в постель. Потом…

— Вы ошибаетесь, — прервал он меня, — я здоров, как только можно быть здоровым при моем возбуждении. Если вы действительно расположены ко мне, помогите мне избавиться от этого возбуждения.

— Что я должен для этого сделать?

— Самую простую вещь. Я предпринимаю с Юпитером небольшую экскурсию на материк, и нам понадобится помощь третьего лица, на кото-

рое мы могли бы положиться. Вы единственный человек, которому я могу довериться. Удастся ли нам наше предприятие, или нет — во всяком случае, возбуждение мое пройдет.

— Я рад вам помочь всем, чем могу, — ответил я, — но — скажите: этот проклятый жук имеет связь с вашей экскурсией?

— Да, разумеется.

— В таком случае, Легран, я не могу принять участия в столь нелепом предприятии.

— Жаль, очень жаль! Придется нам взяться за него одним.

— Одним! Нет, он решительно сумасшедший! Постойте… Надолго вы думаете отправиться?

— По всей вероятности, на всю ночь. Мы пойдем сейчас и вернемся на рассвете.

— Дайте мне слово, что когда причуда будет исполнена и вы получите от своего жука все, что вам нужно (боже правый!), вы вернетесь домой и будете слушаться моих предписаний, как если бы я был врачом.

— Извольте, даю слово. А теперь в путь, нам нельзя терять времени!

С тяжелым сердцем последовал я за своим другом. Мы отправились в четыре часа — Легран, Юпитер, собака и я. Юпитер взял косу и заступы;

он во что бы то ни стало хотел нести эти орудия сам, повидимому не столько вследствие усердия или любезности, сколько потому, что боялся дать их в руки своему господину.

Он был зол, как собака, и единственные слова, вырывавшиеся из его уст во все время пути, были: «Проклятый жук!»

Я нес два потайных фонаря. Что до Леграна, то он взял с собой лишь жука; он привязал его на веревочку и размахивал им вокруг себя с видом заклинателя. При виде этого явного доказательства безумия моего друга я едва мог удержаться от слез. Но я все-таки счел за лучшее потакать его причудам, по крайней мере до тех пор, пока не представится случай принять более энергические меры с надеждой на успех. Мне не удалось, однако, добиться толку относительно цели нашего путешествия. Убедив меня отправиться с ним, Легран, повидимому, не желал больше разговаривать и на все мои вопросы отвечал только: «Увидим!»

Мы переправились через пролив на челне и, поднявшись на высокий берег материка, пошли, к северо-западу по дикой, унылой местности, где, кажется, еще не ступала человеческая нога. Легран двигался без — колебаний, останавливаясь

время от времени и проверяя путь по заметкам, вделанным им, повидимому, в одну из прежних прогулок.

Так шли мы часа два и к закату солнца очутились в местности еще более угрюмой, чем всё, что мы видели до тех пор. То был род плоскогорья у вершины почти неприступного холма, сверху донизу заросшего лесом и усеянного огромными каменными глыбами, которые в беспорядке лежали на его склонах; многие из них скатились бы вниз, если бы их не задерживали деревья. Глубокие ущелья пересекали эту местность во всех направлениях и придавали ей еще более мрачный и торжественный вид.

Площадка, на которую мы взобрались, так густо заросла цепким кустарником, что без помощи косы невозможно было бы пробраться. Юпитер, по приказанию своего господина, стал пролагать нам тропинку к подножию гигантского тюльпанного дерева, возвышавшегося среди восьми или десяти дубов и далеко превосходившего их и все остальные попадавшиеся в этой местности деревья красотою листвы и очертании, громадностью раскидистых ветвей и общей (величавостью.

Когда мы достигли этого дерева, Легран повернулся к Юпитеру и спросил его, сможет ли он на

него взобраться. Бедный старик, повидимому, был несколько удивлен этим вопросом и не сразу ответил. Наконец он приблизился к высокому стволу, медленно обошел вокруг него и внимательно осмотрел дерево. Затем, кончив осмотр, просто сказал:

— Да, масса, Юп еще не видел дерева, на которое не мог бы влезть.

— Ну так влезай и живо, а то стемнеет, и мы не успеем сделать дела.

— Высоко лезть, масса? — спросил Юпитер.

— Сначала до первых ветвей, а там я скажу... Постой, захвати с собой жука.

— Жука, масса Билль? Золотого жука?! — воскликнул негр, в страхе отшатнувшись. — Зачем жуку лезть на дерево? Будь я проклят, если возьму его с собой!

— Послушай, Юп, если ты, рослый негр, здоровый, толстый негр, боишься тронуть эту безобидную мертвую тварь, ты можешь держать ее на веревочке, но во всяком случае ты возьмешь жука с собой, или я принужден буду проломить тебе голову этим заступом.

— Боже мой, да что такое, масса? — сказал пристыженный Юп, сдаваясь. — Вы всегда готовы обидеть старого негра. Я ведь только пошутил!

Чтобы я боялся жука! Велика важность — жук!

Тут он осторожно взял конец веревки и, стараясь держать жука как можно дальше от себя, полез на дерево.

Тюльпанное дерево, великолепнейшее из американских деревьев, в молодости имеет совершенно гладкую кору к часто не дает сучьев до значительной высоты; но с возрастом кора у него становится шероховатой и неровной и на стволе появляется множество коротеньких сучков. Таким образом, взлезть на это дерево было не так трудно, как казалось. Охватив высокий цилиндр ствола как можно плотнее руками и коленями, цепляясь пальцами за всякий выступ и упираясь ступнями в неровности коры, Юпитер, раза два-три счастливо избежав падения, взобрался наконец на первый большой сук и уселся на нем, считая, по-видимому, свою задачу оконченной. Действительно, главная опасность миновала, хотя сук находился на высоте шестидесяти или семидесяти футов над землей.

— Куда теперь лезть, масса Билль? — спросил он.

— Взбирайся вверх по самой большой ветке, вон той, видишь? — крикнул Легран.

Негр тотчас повиновался и, повидимому, без особенных затруднений стал взбираться все выше и выше, пока его коренастая фигура не исчезла в густой листве. Тогда послышался его голос:

— До которых же пор мне лезть?

— Высоко ты взобрался?

— Высоко-высоко, — ответил негр, — так высоко, что сквозь вершину мне видно небо.

— Оставь небо в покое и слушай меня. Сосчитай, сколько ветвей на стволе ниже тебя с этой стороны.

— Одна, две, три, четыре, пять — на шестую я сел, масса.

— Поднимись еще на одну ветку.

Через несколько мгновений Юпитер закричал, что добрался до седьмой.

— Теперь, Юп, — крикнул Легран с очевидным волнением, — подвигайся по этой ветке как можно дальше и, если увидишь на ней что-нибудь особенное, скажи мне.

С этой минуты у меня не осталось никаких сомнений насчет болезненного состояния моего друга. Его помешательство стало для меня очевидным, и я с беспокойством думал, как бы увести его домой. Пока я соображал, как лучше за это взяться, голос Юпитера послышался снова:

— По этому суку страшно лезть, он совсем сухой, ой почти весь мертвый.

— Ты говоришь — мертвый, Юпитер? — крикнул Легран прерывающимся от волнения голосом.

— Да, масса, мертвый, как дверной гвоздь, совсем не живой.

— Господи, что же делать! — воскликнул Легран с настоящим отчаянием.

— Что делать? — подхватил я, радуясь случаю вставить разумное слово. — Итти домой и лечь спать. Пойдемте, уже поздно, и притом вспомните ваше обещание.

— Юпитер, — крикнул Легран, не обратив на мои слова ни малейшего внимания, — ты слышишь меня?

— Да, масса Билль, очень ясно слышу.

— Попробуй дерево ножом — очень оно гнилое?

— Гнилое, масса, довольно гнилое, — ответил спустя несколько мгновений негр, — но все-таки не совсем гнилое. Я мог бы подвинуться по суку еще немного, но только один.

— Один? Что ты хочешь сказать?

— Я говорю про жука, он очень тяжелый. Если я его брошу, сук не сломается под тяжестью одного негра.

— Ах ты, чортова каналья! — закричал Легран с видимым облегчением. — Что ты говоришь глупости? Только попробуй у меня бросить жука, я сверну тебе шею. Помни Это, Юпитер! Ты меня

понимаешь?

— Да, масса, незачем так ругать бедного негра.

— Теперь слушай меня хорошенько! Если ты влезешь на этот сук так далеко, как только можно, и не выпустишь жука, я подарю тебе серебряный доллар.

— Лезу, масса Билль, — быстро ответил негр, — вот… я почти на самом конце.

— На самом конце! — воскликнул, смягчившись, Легран. — Ты хочешь сказать, что ты на самом конце этого сука?

— Сейчас будет конец, масса. 0-о-о-ой! Господи боже! Что это тут на дереве?

— Ну, что такое? — радостно воскликнул Легран.

— Э, это только череп — кто-то оставил на суку свою голову, и вороны склевали все мясо.

— Ты говоришь — череп? Отлично! Как он держится на стволе? Чем он прикреплен?

— О! Он хорошо держится… надо посмотреть чем… Вот так штука! Ей-богу, в череп воткнут большой гвоздь, он прибит к дереву гвоздем.

— Ладно, Юпитер! Теперь делай в точности то, что я буду тебе говорить, — слышишь?

— Да, масса.

— Будь же внимателен! Отыщи левый глаз

черепа.

— А! Э! Да как же! Тут совсем нет левого глаза.

— Проклятый олух! Там, где был левый глаз! Умеешь ты отличить левую руку от правой?

— Да, умею! Хорошо умею! Левая рука та, которой я колю дрова.

— Ну да, ты левша. И твой левый глаз на той же стороне, где левая рука. Теперь, надеюсь, ты отыщешь левый глаз черепа, или то место, где был левый глаз. Нашел?

Наступила продолжительная пауза. Наконец негр спросил:

— Левый глаз на черепе там же, где левая рука черепа, да? Но на черепе вовсе нет руки! Ничего, я все-таки нашел левый глаз. Вот левый глаз — что теперь делать?

— Пропусти в него жука, насколько позволит шнурок, — только смотри не урони его.

— Готово, масса Билль, — очень просто пропустить жука в дырку… вот он внизу.

В течение этого разговора Юпитер оставался невидимым; но насекомое, которое он пропустил в пустую орбиту черепа, показалось на конце шнурка, сверкая, точно шарик червонного золота, в последних лучах заходящего солнца, еще озарявших слабым светом возвышенность, где

мы стояли. Жук спускался, раздвигая ветви, и, если бы Юпитер уронил его, упал бы к нашим ногам. Легран немедленно взял косу и расчистил пространство в три или четыре ярда в поперечнике, как рад под жуком, затем велел Юпитеру выпустить шнурок и слезть с дерева.

С необычайной старательностью мой друг воткнул колышек в том самом месте, где упал жук, и достал из кармана Землемерную ленту. Прикрепив один конец ленты к дереву в ближайшем к колышку пункте, он начал разматывать ее по направлению от дерева через колышек и отмерил таким образом пятьдесят футов; Юпитер расчищал ему в это время дорогу косой. Тут он вколотил другой колышек и велел Юпитеру расчистить вокруг него небольшое пространство, около четырех футов в диаметре. Затем он взял заступ и, дав по заступу мне и Юпитеру, попросил нас рыть как можно усерднее.

По правде сказать, я никогда не питал особого вкуса к такому занятию и охотно отказался бы от этого удовольствия, так как ночь наступала и я был без того переутомлен нашим путешествием; но я не видел возможности отказаться, боясь расстроить моего бедного друга. Если бы я мог рассчитывать на помощь Юпитера, то увел

бы безумца домой; но я слишком хорошо знал старого негра, чтобы надеяться на его поддержку в случае личного столкновения с его господином при каких бы то ни было обстоятельствах. Я был уверен, что Легран свихнулся на какой-нибудь из бесчисленных историй о кладах, столь распространенных на юге, и что химера эта засела у него в голове под влиянием находки жука, а быть может, и упорного утверждения Юпитера, будто жук «из чистого золота».

Мозг, предрасположенный к помешательству, легко поддается таким внушениям, особенно если они согласуются с предвзятыми идеями, и я хорошо помнил слова бедняги о жуке, который «добудет ему богатство». Вообще я был жестоко расстроен, но я конце концов решил покориться неизбежному и взяться за лопату, чтобы поскорее на деле доказать безумцу несостоятельность его мечтаний.

Мы зажгли фонари и принялись за работу с рвением, достойным более разумной цели. Озаренные дрожащим светом фонарей, мы, без сомнения, представляли очень живописную группу, и я невольно подумал, какое странное и дикое впечатление произвела бы наша работа на путника, случайно завернувшего в эти места.

Мы усердно рыли в течение двух часов. Мы мало разговаривали. Больше всего нам мешала собака, лаявшая и, по-видимому, очень интересовавшаяся нашей работой. Наконец она подняла такой отчаянный вой, что мы стали опасаться, как бы он не возбудил тревоги в окрестностных жителях, вернее, этого очень боялся Легран, ибо я, со своей стороны, был бы рад всякому вмешательству, которое помогло бы мне отвести моего бедного друга домой. В конце концов вой этот был прекращен Юпитером, который с решительным видом выскочил из ямы, завязал морду собаке собственной подтяжкой и, значительно ухмыляясь, снова взялся За заступ.

По истечении двух часов мы достигли глубины в пять футов, но никаких следов сокровища не было видно. Мы остановились, и я начал надеяться, что комедия близится к концу. Однако Легран, хотя и очень смущенный, задумчиво вытер потный лоб и снова взялся за заступ. Вырыв яму на пространстве всего расчищенного круга в четыре фута диаметром, мы перешли за эту границу и углубили яму еще на два фута. Ничего не оказалось. Наконец мой искатель кладов, которого мне было глубоко жаль, выскочил из ямы с крайне расстроенным видом и принялся

медленно, с неохотой надевать куртку, снятую перед началом работы. Я остерегался сделать какое-либо замечание. Юпитер, по знаку своего господина, стал собирать инструменты. Затем, развязав морду собаки, мы в глубоком молчании направились домой.

Мы отошли шагов на двенадцать, как вдруг Легран с громким ругательством кинулся на Юпитера и схватил его за ворот. Ошеломленный негр выпучил глаза, разинул рот, уронил инструменты и упал на колени.

— Бездельник! — сквозь зубы прошипел Легран. — Проклятый негодяй! Говори! Отвечай сию же минуту без уверток! Где у тебя… где у тебя левый глаз?

— О, масса Билль! Вот левый глаз, вот он! — ревел испуганный негр, положив руку на правый глаз и плотно прижимая ее, как будто опасаясь за его целость.

— Я так и думал! Я так и знал! Ура! — завопил Легран, оставляя негра и пускаясь в пляс, к великому изумлению своего слуги, который, поднявшись, безмолвно переводил взоры с меня на своего господина и со своего господина на меня.

— Идем! Мы должны вернуться! — сказал последний. — Не все еще потеряно!

И он направился обратно к тюльпанному дереву.

— Юпитер, — сказал Легран, когда мы подошли к подножию, — поди сюда! Как был прибит череп: лицом наружу или лицом к стволу?

— Лицом наружу, масса, — воронам удобно было клевать глаз.

— Ладно. Так в этот или в тот глаз опустил ты жука?

И Легран поочередно дотронулся до обоих глаз негра.

— В этот, масса, в левый, как вы и приказали, — ответил Юпитер: бедный негр попрежнему указывал на правый глаз.

— Ну, нужно начать сначала.

Тут мой друг, в помешательстве которого я видел или думал, что вижу, некоторую методичность, переставил колышек, воткнутый в том месте, где упал жук, на три дюйма к западу. Затем, снова протянув ленту от ближайшей точки ствола к колышку, он отмерил в том же направлении пятьдесят футов и отметил новый пункт в нескольких ярдах от того места, где мы рыли.

Вокруг этого нового центра был расчищен круг несколько шире первого, и мы снова взялись за лопаты. Я устал страшно, но, сам не зная почему,

теперь не чувствовал такого отвращения к работе, как прежде. И даже необъяснимым образом заинтересовался ею, мало того — испытывал волнение. Быть может, решительность и какое-то пророческое вдохновение Леграна действовали на меня. Я усердно рыл и время от времени ловил себя на том, что поглядываю на яму с чувством, весьма похожим на ожидание воображаемого сокровища, мечта о котором свела с ума моего злополучного друга. После полуторачасовой работы, когда безумные мысли эти с особенной силой овладели мной, собака снова принялась неистово лаять. В первый раз лай ее был, очевидно, результатом каприза или веселой шаловливости, но теперь в нем слышались более серьезные и определенные ноты. Юпитер попытался было снова связать ей морду, но собака оказала отчаянное сопротивление и, бросившись в яму, принялась яростно скрести землю лапами. Вскоре она откопала груду человеческих костей — два полных скелета, — среди которых виднелось несколько металлических пуговиц и остатки истлевшей шерстяной ткани. Несколько ударов заступом открыли лезвие большого испанского ножа. Мы углубили яму еще немного и увидали несколько рассыпанных золотых и серебряных монет.

Тут Юпитер едва мог сдержать свою радость, но лицо Леграна отразило ужасное разочарование. Он умолял нас все же продолжать работу, и не успел он окончить свою речь, как я споткнулся и упал плашмя вперед, зацепив ногою за железное кольцо, наполовину закрытое свежей землей.

Мы с новым жаром принялись за работу; я никогда еще не испытывал такого волнения. Через десять минут мы вырыли продолговатый сундук, удивительно хорошо сохранившийся и твердый, как камень, — очевидно, дерево было пропитано каким-нибудь составом, может быть двухлористой ртутью. Сундук имел три с половиной фута в длину, три фута в ширину и два с половиной в вышину. Он был окован железными полосами, перекрещивавшимися в виде сети. С каждой стороны было по три железных кольца — всего шесть, так, чтобы за него могли взяться шесть человек. Наши соединенные усилия только чуть-чуть сдвинули этот ящик. Мы сразу же убедились в полной невозможности унести такую тяжесть. К счастью, он был заперт только на две Задвижки. Мы отперли их, дрожа и задыхаясь от волнения. Неоценимые сокровища предстали нашим глазам. Свет от фонарей падал на яму, и груда золота и драгоценных камней, сверкающая нестерпи-

мым искрящимся блеском, почти ослепила нас.

Не берусь передать мои чувства при виде этого зрелища. Изумление, конечно, господствовало над всем остальным. Легран, казалось, изнемогал от волнения и не произносил почти ни слова. Что до Юпитера, то лицо его покрылось смертельной бледностью, насколько это возможно для негра. Юпитер казался пораженным громом. Потом он бросился в яме на колени и по локоть засунул свои голые руки в золото, блаженно купаясь в нем. Наконец с глубоким вздохом он воскликнул, словно обращаясь к самому себе:

— И все это золотой жук! Милый золотой жук! Бедный золотой жучок! Я так бранил, так проклинал его! И не стыдно тебе, старый негр? А? Отвечай!

Мне пришлось, так сказать, привести в чувство господина и слугу, дав им понять, что необходимо поскорее унести сокровище. Становилось поздно, и нам следовало поторопиться, если мы хотели, чтобы все очутилось в безопасном месте до рассвета. Мы не знали, как быть, и долго обсуждали этот вопрос: так смутны были наши мысли. В конце концов мы вынули из сундука почти две трети его содержимого, и нам удалось, все еще не без труда, вытащить его из ямы. Вы-

нутые сокровища были спрятаны в кустарник; пса оставили сторожить их. Юпитер строжайше наказал ему не трогаться с места и не разевать пасти до нашего возвращения. Затем мы поспешили с сундуком домой и добрались к часу ночи до хижины благополучно, но страшно усталые. И Легран, и я, и Юпитер так измучились, что не могли заставить себя тронуться в обратный путь. Мы отдохнули до двух часов, поужинали и снова отправились к холмам, захватив три больших мешка, по счастью найденные нами в хижине. Около четырех часов мы были на месте, разделили на три части остатки сокровища и, не дав себе труда зарыть яму, направились к хижине, где и сложили наш груз как раз в то самое время, когда первые полосы света озарили восток.

Мы были совершенно разбиты, но возбужденное состояние не позволило нам как следует отдохнуть. Проспав часа три-четыре беспокойным сном, мы разом, точно сговорившись, вскочили и принялись осматривать сокровища.

Сундук был полон до краев, и мы провели весь день и часть следующей ночи за разборкой его содержимого. Оно было навалено как попало, без всякого порядка. Рассортировав его, мы убедились, что обладали богатством еще боль-

шим, чем казалось с первого взгляда. Тут было более четырехсот пятидесяти тысяч долларов звонкой монетой, вычисляя стоимость монет по существующим расчетам. Серебра вовсе не было — исключительно золотые, старинной чеканки и разных стран: французские, испанские, немецкие, несколько английских гиней и каких-то монет, о которых мы и понятия не имели. Попадались тяжелые большие монеты, настолько стертые, что нельзя было разобрать их надписи. Американских не было вовсе. Стоимость драгоценных камней мы несколько затруднялись определить. Были тут алмазы — некоторые из них громадные и замечательной красоты, — всего сто десять штук, в том числе ни одного мелкого; восемнадцать рубинов удивительного блеска; триста десять прекрасных изумрудов; двадцать один сапфир и один опал. Все эти камни были вынуты из оправ и грудою свалены в сундук. Самые оправы были, казалось, сплющены молотком, по всей вероятности для того, чтобы их не могли узнать. Кроме всего этого, в сундуке оказалось множество золотых украшений: около двухсот массивных колец и серег; великолепные цепи — если не ошибаюсь, тридцать штук; восемьдесят три больших тяжелых распятия; огромная

золотая пуншевая чаша, украшенная резьбой в виде виноградных листьев и вакхических фигур; пять золотых очень ценных кадильниц; две рукоятки шпаг замечательной работы и масса мелких вещиц, которых я не упомню. Вес этих драгоценностей превосходил триста пятьдесят фунтов, не считая ста девяноста семи великолепных золотых часов, в числе которых трое стоили не менее чем по пятисот долларов. Многие из них были очень старинной работы, с попорченным механизмом, негодные для употребления, но с богатыми инкрустациями и в дорогих футлярах. Стоимость всего содержимого ящика мы определили в эту ночь в полтора миллиона долларов, но впоследствии, по продаже драгоценностей и золотых вещей (мы сохранили лишь немногие для собственного употребления), оказалось, что оценка наша была чрезвычайно низка.

Когда наконец мы кончили разборку и общее волнение несколько улеглось, Легран, видя, что я сгораю от нетерпения получить разгадку этой необычайной истории, приступил к подробному рассказу всех относящихся к ней обстоятельств.

— Вы помните, — сказал он, — тот вечер, когда я показал вам беглый набросок жука. Вы помните также, я рассердился на вас за то, что вы уверяли,

будто мой рисунок напоминает череп. Сначала я думал, что вы шутите, но, вспомнив об особенных пятнышках на спинке насекомого, согласился, что ваше сравнение не лишено основания. Но все же насмешка над моими художественными способностями задела меня, так как я считаюсь хорошим рисовальщиком, и, когда вы возвратили мне клочок пергамента, я в сердцах хотел скомкать его и бросить в печку.

— Клочок бумаги, хотите вы сказать? — заметил я.

— Нет, я сам думал сначала, что это бумага, но, начав рисовать, тотчас убедился, что это клочок очень тонкого пергамента. Он был очень грязен, вы, верно, помните. Так вот, собираясь скомкать его, я уронил взгляд на рисунок, который вы рассматривали, — и можете себе представить мое изумление, когда я действительно увидел череп в том месте, где, казалось мне, я нарисовал жука. В первую минуту я ничего не мог понять. Я знал, что мой рисунок в деталях резко отличался от этого, хотя в общих очертаниях было известное сходство. Я взял тогда свечу и, усевшись в другом конце комнаты, стал тщательно исследовать пергамент. Повернув его, я нашел свой рисунок на другой стороне. Первое, что я почув-

ствовал, было удивление: в контурах рисунков было поистине странное сходство, и благодаря поразительному совпадению рисунок черепа находился (неведомо для меня) как раз под моим рисунком и походил на него не только очертаниями, но и размерами. Знаете, это странное совпадение в первую минуту совершенно ошеломило меня. Таково обычное действие подобных происшествий. Рассудок старается установить связь явлений, отношения причины и следствия и, не будучи в силах сделать это, на минуту как бы парализуется. Но, собравшись с мыслями, я мало-помалу пришел к убеждению, поразившему меня еще сильнее. Я совершенно отчетливо, ясно вспомнил, что никакого другого рисунка на пергаменте не было, когда я рисовал моего жука. Я был в этом уверен, так как помнил, что переворачивал клочок несколько раз, отыскивая место почище. Будь на нем рисунок черепа, я не мог бы не заметить его. Тут была загадка, которой я не мог объяснить; но даже в эту первую минуту в скрытых тайниках моего разума замерцало, подобно светляку, предвидение разгадки, так блистательно оправдавшееся в прошлую ночь. Я решительно поднялся и, спрятав пергамент, отложил всякую попытку дальнейшего разъясне-

ния до того, как останусь один.

Когда вы ушли, а Юпитер лег спать, я принялся за более методическое расследование. Прежде всего я постарался вспомнить, каким образом этот пергамент попал мне в руки. Мы нашли жука на берегу, на материке, приблизительно в миле к востоку от острова и невдалеке от линии пролива. Когда я схватил его, он укусил меня так сильно, что я его выпустил. Юпитер со своей обычной осторожностью, прежде чем взять отлетевшего жука, оглянулся, нет ли поблизости листа или чего-нибудь в этом роде. В ту же минуту его взгляд — и мой также — упал на клочок пергамента, показавшегося мне тогда бумагой. Он лежал полузакрытый в песке, один уголок его торчал наружу. Поблизости я заметил остатки лодки, походившей размерами на корабельную шлюпку. Эти обломки гнили здесь, должно быть, давно, ибо они уже утратили почти всякую форму.

Итак, Юпитер подобрал пергамент, завернул в него жука и передал мне. Вскоре после этого мы отправились домой и по дороге встретили лейтенанта Г. Я показал ему насекомое, и он попросил разрешения взять его с собой в форт. Я согласился, он положил жука в карман, а пергамент остался

у меня, в руках. Может быть, он боялся, что я передумаю, и оттого поспешил спрятать жука — вы знаете его пристрастие к естественной истории. Очевидно, тогда я совершенно машинально сунул пергамент в карман.

Вы помните, что, усевшись за стол, чтобы нарисовать жука, я не нашел под рукой бумаги. Я заглянул в ящик, и там ее не оказалось. Я пошарил в карманах, надеясь найти какое-нибудь старое письмо, и мне попался пергамент. Я описываю с такими подробностями все обстоятельства, вследствие которых он оказался у меня в руках, потому что обстоятельства эти произвели на меня глубокое впечатление.

Без сомнения, вы сочтете меня фантазером, но я к этому времени уже установил некоторые логические связи. Я соединил два звена длинной цепи. На берегу лежала шлюпка; недалеко от нее пергамент — не бумага, заметьте, — с изображением черепа. Вы, конечно, спросите: «Какая же тут связь?» Я отвечу, что череп как символ смерти — принятая эмблема пиратов. Нападая или защищаясь, они всегда поднимали флат с изображением черепа.

Я сказал, что находка оказалась пергаментом, а не бумагой. Пергамент сохраняется долго, почти

вечно. Для записей, не имеющих значения, редко употребляют пергамент, тем более что на нем гораздо менее удобно рисовать или писать, чем на бумаге. Это соображение наводило на мысль, заставляло думать об особом смысле, о тайне, связанной с изображением черепа. Я не мог не обратить внимания и на форму пергамента. Хотя один из его уголков был оборван (случайно, надо думать), ясно было, что первоначальная форма его продолговатая. Словом, это был именно такой пергамент, какие употребляются для важных документов, для записей, которые надо долго и тщательно хранить…

— Позвольте, — перебил я, — вы Сказали, что черепа не было на пергаменте, когда вы начали рисовать. Как же вы устанавливаете связь между лодкой и черепом, раз этот череп, по вашим же словам, был нарисован (бог знает как и кем) уже после того, как вы нарисовали жука?

— А на этом-то и держится вся тайна; хотя именно в этой части разгадка lie Представила для меня особых затруднений. Ход моих мыслей был строго логичен и мог привести лишь к одному выводу. Я рассуждал так: когда я рисовал жука, на пергаменте не было и следов черепа. Кончив рисунок, я передал его вам и не спускал с вас глаз

все время, пока вы не возвратили мне листка. Стало быть, вы не могли нарисовать череп, а кроме вас рисовать было некому. Следовательно, он не был никем нарисован. Тем не менее он был тут, у меня перед глазами.

Добравшись до этого пункта своих рассуждений, я стал припоминать и припомнил с полной точностью все, (что [происходило в течение этого времени. Погода была холодная (о, редкая и счастливая случайность!), и в печке пылал огонь. Я разогрелся от ходьбы и сел за стол. Вы же придвинули стул к самой печке. Как только я передал вам пергамент и вы собрались рассматривать его, Волк, мой ньюфаундленд, ворвался в комнату и бросился к вам прямо на плечи. Левой рукой вы погладили и отстранили его, а правую, с пергаментом, машинально опустили между колен, к самому огню. Я уже думал, что пергамент вспыхнет, и хотел предупредить вас, но прежде чем я заговорил, вы подняли руку и стали рассматривать рисунок. Сопоставив все эти факты, я не мог ни минуты сомневаться, что причиной, вызвавшей на пергаменте изображение черепа, было действие теплоты. Вы знаете, что существуют с незапамятных времен химические (составы, с помощью которых можно писать на

бумаге или пергаменте невидимыми буквами, обнаруживающимися только при действии на них огня. Иногда употребляют раствор сафлора в азотной кислоте, разведенный четырьмя объемами воды, тогда Получаются зеленые буквы. Кобальтовый королек, растворенный в нитрокислоте, дает красные буквы. Цвет исчезает вскоре после охлаждения бумаги, но появляется снова, стоит — только вновь ее нагреть.

Я внимательно рассмотрел тогда изображение черепа. Его внешние, то есть ближние к краям пергамента, очертания выделялись резче, чем остальная часть рисунка. Очевидно, действие теплоты было неравномерно. Я тотчас развел огонь и стал тщательно нагревать пергамент. Сначала яснее выступили очертания черепа, но потом в углу листка, противостоящем по диагонали тому, где находился рисунок черепа, появилась фигура, которую я принял сначала за изображение козы. При ближайшем исследовании я убедился, что оно походит скорее на козленка.

— А… а, — сказал я, — я не вправе смеяться над вами — полтора миллиона долларов не тема для легкомысленных шуток. Но вы не отыщете третьего звена цепи, вам не удастся установить связь между вашими пиратами и козою — пираты, как

известно, не имели дела с козами.

— Но ведь я только что сказал, что фигура не была изображением козы.

— Ну, козленка, это почти одно и то же.

— Почти, — но не совсем, — возразил Легран. — Приходилось ли вам слышать о некоем капитане Кидде (Kidd и Kid — козленок); игра слов здесь напрашивается сама собой. При нервом же взгляде на рисунок мне пришло в голову, что это должна быть символическая или иероглифическая подпись. Я говорю подпись, потому что место, которое он на пергаменте занимал, заставляло предполагать именно это. Изображение черепа в противоположном по диагонали углу можно было по тем же мотивам посчитать За печать. Но меня жестоко сбивало с толку отсутствие главного текста моего воображаемого документа.

— Вы ожидали найти запись между печатью и подписью?

— Да, в этом роде. Дело в том, что я проникся неотразимым предчувствием огромного богатства. Почему — я и сам не знаю. Может быть, это была скорее преднамеренность, чем вера; но, представьте, нелепые слова Юпитера о том, что жук из чистого золота, оказали на мое воображение замечательное действие. Потом эта

цепь случайностей и совпадений — не было ли это странно? Надо же было всем этим событиям произойти в тот единственный день в течение целого года, когда холод заставил затопить печку, а не будь печка затоплена или появись собака минутой позднее, я никогда не узнал бы о существовании черепа, никогда не завладел бы сокровищем.

— Продолжайте же, я сгораю от нетерпения.

— Хорошо. Так вы, без сомнения, слышали рассказы — тысячи смутных преданий о сокровище, зарытом где-то на Атлантическом побережье Киддом и его соратниками. Эти толки должны были иметь некоторое основание. И если они в течение такого долгого времени и так упорно продолжали жить, то лишь потому, казалось мне, что зарытое сокровище до сих пор еще не было найдено. Если бы Кидд спрятал свою добычу только на время, а потом снова забрал бы ее, вряд ли эти предания дошли бы до нас в столь неизменной форме. Заметьте, что все они рассказывают о поисках клада, а не о найденных сокровищах. Если бы пират отрыл свое богатство, о нем вскоре бы замолчали. Мне казалось, что какая-нибудь случайность, например потеря плана, на котором было обозначено точное местонахождение со-

кровища, лишила пирата возможности отыскать его. Я предполагал далее, что это обстоятельство сделалось известным его товарищам, которых иначе он никогда не посвятил бы в тайну, и что своими бесплодными поисками в различных местах они подали повод к этим толкам, дошедшим до нас в виде старых преданий. Приходилось ли вам когда-нибудь слышать о нахождении на этом берегу большого клада?

— Никогда.

— А между тем хорошо известно, что Кидд собрал несметные богатства. И я пришел к убеждению, что земля еще хранит их. Вам не должно показаться странным, что во мне затеплилась надежда, почти граничащая с уверенностью', что пергамент, так странно попавший в мои руки, содержит исчезнувшие указания на место, где был зарыт неведомый клад.

— Но как же вы их обнаружили?

— Я снова стал нагревать пергамент, усиливая постепенно огонь. Но буквы не появлялись. Я вспомнил о слое грязи и осторожно обмыл пергамент, поливая его теплой водой, потом положил его на жестяную сковороду рисунком вниз и поставил на уголья. Через несколько минут сковорода накалилась, я снял листок и с невыра-

зимой радостью заметил на нем какие-то знаки, похожие на цифры, расположенные строчками. Я снова положил листок на сковороду и подержал его там еще минуту. После этого выступила вся надпись — так, как вы ее сейчас увидите.

Тут Легран погрел у огня пергамент и передал его мне.

Я увидел между черепом и козленком следующие знаки, грубо начертанные красными чернилами:

53‡‡+305))6*;4826)4‡.)4‡);806*;
48+8π60))85;I‡(;:‡*8+83(88)5*+
;46(;88*96*?;8)*‡(;485);5*+2:*‡(;
4956*2(5*-4)8π8*;4069285);)6+8)4‡‡;
I(‡9;48081;8:8‡I;48†85;4)485+528806*
81(‡9;48;(88;4(‡?34;48)4‡;I6I;:I
88;‡?;

— Но, — сказал я, возвращая ему листок, — для меня это китайская грамота. Я ничего не разобрал бы тут, хотя бы меня ожидали все алмазы Голконды.

— А между тем, — возразил Легран, — разгадать такой шифр не так трудно, как это может показаться с первого взгляда. Очевидно, это шифр, но, зная, что представлял собою Кидд, я не считал

его способным на составление очень сложной криптограммы. Я тотчас решил, что шифр должен быть очень простой, однако такой, который примитивному воображению моряка должен был казаться совершенно неразгадываемым.

— И вы разобрали его?

— Без труда. Такие ли шифры мне случалось разбирать! Обстоятельства и природная склонность ума способствовали моему интересу к подобного рода загадкам, и я склонен думать, что человеческое остроумие не в силах изобрести такой шифр, которого человеческое же остроумие, надлежаще направленное, не сумело бы разгадать. Имея в руках Зашифрованный текст в приличной сохранности, я никогда не затруднялся раскрыть его смысл.

Прежде всего предо мной стал, как всегда в этих случаях, вопрос о языке текста, так как принципы решения, особенно в простых шифрах, зависят от строя языка и соответственно различаются. Большею частью решающему приходится пробовать последовательно (руководясь вероятностью) все языки, ему известные, пока он не нападет на след. Здесь, однако, это затруднение устранялось подписью. Игра слов «Kidd» и «Kid» свидетельствовала в пользу английского языка. Не будь

этого, я начал бы с испанского или французского, так как пираты испанского побережья, всего вероятнее, прибегли бы к этим языкам. Таким образом, я предположил, что криптограмма написана по-английски.

Вы замечаете, что текст здесь идет в сплошную строку? Если бы отдельные слова были выделены, задача значительно упростилась бы. В таком случае я начал бы с анализа самых коротких слов, и если бы попалось слово, состоящее из одной буквы (вроде, например, *a* или *I*), я считал бы свою задачу решенной. Но раз слова шли сплошь, мне предстояло определить сравнительную частоту знаков в этом тексте. Подсчитав их, я составил следующую табличку:

Знак	**8**	встречается	33	раза
;	>>	26	>>	
4	>>	19	>>	
‡ и **)**	>>	16	>>	
*	>>	13	>>	

5	>>	12	>>
6	>>	11	>>
+ и **I**	>>	8	>>
0	>>	6	>>
9 и **2**	>>	5	>>
: и **3**	>>	4	>>
?	>>	3	>>
π	>>	2	>>
-	>>	1	>>

В английском тексте чаще всего, как известно, встречается буква *e*. Остальные следуют в таком порядке: *a o i d h n r s t u y c f g l m w b k p q x z. E*, однако, господствует в такой степени, что в мало-мальски длинной фразе это почти всегда самая частая буква.

Итак, у нас уже с самого начала есть база для решения, не одни только догадки. Ясно, какое

употребление можно сделать из такого рода таблицы, но в этом шифре мы ею воспользуемся лишь в малой мере. Начнем с того, что будем считать господствующий знак **8** за букву *e*. Чтобы проверить это предположение, посмотрим, часто ли **8** встречается два раза подряд, потому что буква *e* в английском языке постоянно удваивается, например в словах *meet, speed, seen, been, agree* и т. д. Здесь, как видите, знак **8** удваивается пять раз, хотя криптограмма очень короткая.

Итак, пусть **8** означает *e*. Теперь из всех слов в английском языке самое употребительное — определенный артикль *the*. Следовательно, надо посмотреть, не повторяется ли тут несколько раз одно и то же сочетание трех Знаков, в котором последним был бы **8**. Если мы найдем такие сочетания, то очень вероятно, что они будут представлять слово *the*.

Рассмотрев криптограмму, мы находим не менее семи рад сочетание знаков **;48**. Мы можем, следовательно, предположить, что знак; означает *t*, **4** — *h* и **8** — *e*. Значение последнего, таким образом, попутно подтверждается. Вот уже важный шаг вперед.

Мы определили только одно слово, но это уже дает нам громадное преимущество, позволяет

определить границы некоторых других слов. Возьмем, например, предпоследнее из сочетаний **;48**. Следующий да ним знак; является, очевидно, начальной буквой слова, а из пяти дальнейших знаков мы знаем целых четыре. Заменим же эти шесть знаков соответствующими им буквами, оставив свободное место для неизвестного — *t eeth*.

Прежде всего нужно отделить буквы *th*, потому что такого окончания нет ни у одного слова, начинающегося с *t*, в этом легко убедиться, поставив все буквы алфавита по очереди на место недостающей. Отделив *th*, мы получаем: *t ee* и опять-таки, перепробовав, если нужно, все буквы алфавита, убеждаемся, что оно может быть только словом *tree* (дерево).

Таким образом, мы узнали еще букву *r*, обозначаемую посредством **(**, и получили слова *the tree* (дерево).

Несколько дальше мы вновь встречаем сочетание **;48**. Воспользуемся им, чтобы определить окончание. Мы имеем следующий ряд: *the tree* **; 4 (‡? 34** *the.*

Заменив известные уже нам знаки буквами, получаем: *the tree thr* **‡? 3** *h the.*

Теперь, подставив вместо неизвестных нам

знаков точки, читаем: *the tree thr...h the* — тут слово *through* (через) напрашивается, так сказать, само собою. Но это открытие дает нам еще три буквы *o, u, g*, обозначаемые посредством **‡,?** и **3**.

Поищем теперь внимательно в криптограмме сочетания известных нам букв, и мы найдем недалеко от начала группу 83 (88, или *egree*, которая, очевидно, может быть только окончанием слова *degree* (градус) и дает нам еще букву *d*, обозначаемую +.

Через четыре точки после слова градус встречаем сочетание **;46(;88***.

Заменив известные нам знаки буквами, а неизвестный точкой, получим *th. rtee*, что немедленно подсказывает нам слово *thirteen* (тринадцать). Мы узнаем таким образом еще две буквы: *i* и *n*, обозначаемые посредством **6** и ***.

Обращаясь к началу криптограммы, находим сочетание: **53‡‡**+.

Подставляя буквы, как мы уже это делали, мы читаем *good* (хорошее), откуда следует, что первая буква есть *a*, а первые слова: *a good* (хорошее).

Теперь во избежание путаницы расположим наши изыскания в виде таблички. Тогда у нас будет начало ключа:

5	означает	*a*				
+	>>	*d*	|	*	>>	*n*
8	>>	*e*	|	‡	>>	*o*
3	>>	*g*	|	**(**	>>	*r*
4	>>	*h*	|	;	>>	*t*
6	>>	*i*	|	?	>>	*u*

Таким образом, мы получили одиннадцать самых важных букв. Я думаю, нет надобности рассказывать вам, как я определил остальное. Вам теперь ясно, в чем есть подобного шифра и как к нему подходить. Напоминаю вам, впрочем, что наша криптограмма относится к разряду самых простых криптограмм. Теперь мне остается только заменить все знаки буквами, то есть дать вам полный перевод шифра. Вот он: *«A good glass in the bishop's hostel in the devil's seat forty one degrees and thirteen minutes northeast and by north main branch seventh limb east side shoot from the center eye of the death's head a bee line from the tree*

through the shot fifty feet out».

«Хорошее стекло в доме епископа на чортовом стуле сорок один градус тринадцать минут норд-норд-ост главный ствол седьмой сук восточная сторона стрелять из левого глаза мертвой головы прямая линия от дерева через выстрел на пятьдесят футов дальше».

— Что же, — сказал я, — я не вижу большого улучшения. Это же сущая тарабарщина: «дом епископа», «мертвая голова» и «чортов стул».

— Не отрицаю, — ответил Легран, — на первый взгляд текст кажется довольно темным. Прежде всего я постарался разбить его на отдельные предложения.

— Расставить знаки препинания?

— Да, нечто в этом роде.

— Но как же вам это удалось сделать?

— Я предположил, что автор криптограммы, стремясь осложнить разгадку шифра, с умыслом писал в сплошную строку. Задавшись такой целью, человек не очень тонкий непременно должен был перейти меру. Там, где кончается предложение и требуется пауза, он, наоборот, ставит знаки теснее, чем в остальном тексте. Вглядитесь внимательно в эту рукопись, вы найдете пять таких мест. Основываясь на этом, я

разделил текст следующим образом:

«Хорошее стекло в доме епископа на чортовом стуле — сорок один градус тринадцать минут — норд-норд-ост — главный ствол седьмой сук восточная сторона — стрелять из левого глаза мертвой головы — прямая линия от дерева через выстрел пятьдесят футов дальше».

— Допустим, — сказал я, — но все равно смысл остается для меня темен.

— И для меня он оставался темным, — возразил Легран, — в течение нескольких дней, пока я разузнавал, нет ли где по соседству с островом Сэлливан какого-нибудь строения, называемого «домом епископа». Не добившись толку, я намеревался расширить сферу моих поисков и приняться за них более систематично, когда однажды утром мне пришло в голову, что слова «дом епископа» (bishop's hostel) могут относиться к старинной фамилии «Bessop», когда-то, в незапамятные времена, владевшей усадьбой в пяти милях к северу от острова. Я отправился туда и принялся расспрашивать старых негров на плантации. Наконец одна древняя старушка сказала мне, что она слыхала про место, называемое «замок епископа», и может меня провести туда, но что это вовсе не замок и даже не трактир,

а высокая скала.

Я обещал хорошо заплатить за труды, и после некоторого колебания она согласилась проводить меня на это место. Мы нашли его без особого труда, затем я отпустил ее и принялся за исследование местности. «Замок» состоял из группы скал и утесов, один из которых особенно выделялся высотой и необычной формой, напоминавшей искусственное сооружение. Я взобрался на его вершину и почувствовал себя в затруднении, не зная, что предпринять дальше.

Пока я размышлял, взгляд мой упал на узкий выступ на восточном скате утеса приблизительно на ярд ниже того места, где я стоял. Он выдавался дюймов на восемнадцать и в ширину имел не более фута; над ним в стене утеса находилось углубление, так что в общем он напоминал старинные стулья с изогнутыми спинками. Я сразу же понял, что Это и есть «чортов стул», о котором упоминается в пергаменте, и ключ к загадке был у меня в руках.

«Хорошее стекло» могло означать только подзорную трубу, так как слово «стекло» часто употребляется моряками именно в этом смысле. Очевидно, нужно было смотреть отсюда в подзорную трубу из определенного фиксированного

положения. Слова «сорок один градус тринадцать минут» и «норд-норд-ост» указывали направление трубы. Взволнованный этими открытиями, я поспешил домой, взял подзорную трубу и вернулся на утес.

Спустившись на выступ, я убедился, что на нем можно было сидеть только в одном определенном положении. Это подтверждало мои догадки. Я взялся за подзорную трубу. Указание «сорок один градус тринадцать минут» могло относиться только к высоте над видимым горизонтом, так как горизонтальное направление указывалось в словах «норд-норд-ост». Определив его с помощью карманного компаса, я установил трубу приблизительно под углом б сорок один градус и стал осторожно передвигать ее по вертикали, пока взгляд мой не остановился на круглом просвете в листве огромного дерева, значительно возвышавшегося над другими. В центре просвета я заметил белое пятнышко, но сначала не мог разобрать, что оно собою представляет. Отрегулировав трубу, я убедился, что это был человеческий череп.

Теперь загадка была окончательно решена, потому что слова «главный ствол, седьмой сук, восточная сторона» могли относиться только к

положению черепа на дереве, а выражение «стрелять из левого глаза мертвой головы» допускало тоже лишь одно объяснение: нужно опустить пулю в левую орбиту черепа. Далее следовало провести «прямую линию» от ближайшей точки дерева через «выстрел», то есть через место попадания пули, и отмерить пятьдесят футов в этом направлении. Таким образом определялось место, в котором могло быть зарыто сокровище.

— Все это звучит очень убедительно, — сказал я, — и при всей запутанности просто и логично. Что вы предприняли дальше?

— Заметив хорошенько дерево, я вернулся домой. Как только я встал с «чортова стула», просвет в листве дерева исчез, и я не мог его найти больше, несмотря на все мои старания. Все остроумие замысла, по-моему, в том и заключалось, что этот просвет, как я убедился, повторив несколько раз опыт, можно видеть лишь с единственного пункта — с узкого выступа скалы.

В этой экскурсии в «дом епископа» меня сопровождал Юпитер, без сомнения заметивший мое странное поведение да последнее время и решительно не отстававший от меня. Но на следующий день я поднялся очень рано, ускользнул от него и отправился разыскивать дерево. Я на-

шел его с большим трудом.

Когда я вернулся вечером домой, Юпитер собирался поколотить меня. Что было дальше, вы знаете теперь сами.

— Нужно думать, — сказал я, — в первый раз вы ошиблись местом по милости Юпитера, опустившего жука не в левый, а в правый глаз черепа?

— Разумеется. Разница составляет всего два с половиной дюйма в отношении «выстрела», то есть первого колышка; и если бы сокровище находилось под выстрелом, эта ошибка не имела бы значения; но «выстрел» и ближайшая к нему точка дерева указывали только направление; и как бы ни была незначительна разница в исходном пункте, она возрастала по мере удаления от дерева, а на расстоянии пятидесяти футов делалась очень существенной. Не будь я так глубоко убежден, что зарытое сокровище находится где-нибудь поблизости, все наши труды пропали бы даром.

— Но ваш высокоторжественный тон, ваши загадочные манипуляции с жуком, что это за чудачество? Я был уверен, что вы помешались! И почему вам вздумалось вместо пули опустить в череп непременно жука?

— Видите ли, сказать правду, я был раздосадо-

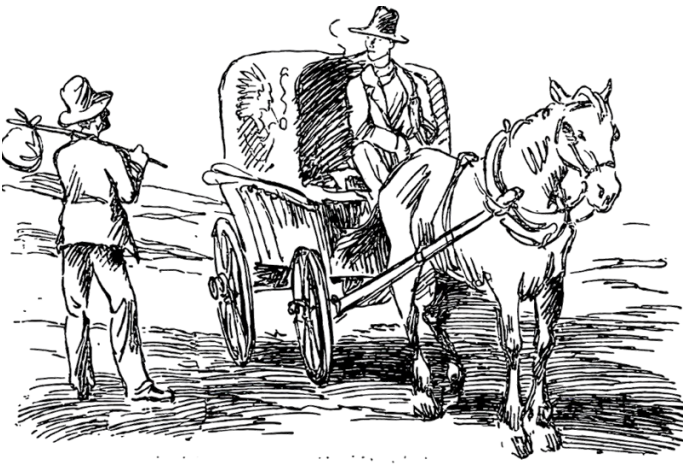
ван вашими сомнениями насчет моего рассудка и решил отплатить вам маленькой мистификацией. Вот почему я проделывал все эти штуки с жуком и воспользовался им вместо пули. Ваше замечание о его тяжести подало мне эту мысль.

— Понимаю. Теперь остается еще один вопрос. Откуда взялись скелеты, что мы отрыли?

— Ну, об этом я так же мало знаю, как и вы. Кажется, тут возможно только одно объяснение, хотя оно предполагает такую страшную жестокость, что подумать жутко. Ясно, что Кидд — если только это сокровище Кидда, в чем я лично не сомневаюсь — не мог зарыть клад один. Но когда работа была кончена, он мог счесть за лучшее отделаться от лишних свидетелей. Быть может, двух ударов ломом, пока его сообщники еще водились в яме, оказалось достаточно; быть может, понадобился добрый десяток. Кто скажет нам это?

Натаниель Готорн
Гибель мистера Хиггинботама

Однажды по Морристаунской дороге ехал молодой парень, табачный торговец по ремеслу; он только что продал большую партию товара старосте общины шэйкеров[3] и теперь направлялся в городок Паркер Фоллз, что на Солмон-ривер.

---

[3] Примечания: 3
Шэйксры — религиозная секта.

У него была славная маленькая тележка, выкрашенная в зеленый цвет, на боковых стенках которой изображены были по зеленому полю коробка сигар, индейский вождь с трубкой в руке и золотой стебель табаку. Торговец, сам правивший резвой маленькой лошадкой, был молодой человек весьма приятного нрава, и хотя он умел блюсти свою выгоду, но тем не менее пользовался неизменным расположением янки, от которых я не рад слыхал, что уж если быть бритым, то лучше острой бритвой, чем тупой. Особенно любили его хорошенькие девушки с берегов Коннектикута, чьей благо-склонности он не рад добивался, щедро угощая их лучшими образчиками своего товара, так как знал, что деревенские красотки Новой Англии завзятые курильщицы табаку. Ко всему тому, как видно будет из моего рассказа, торговец был крайне любопытен и даже болтлив, и его постоянно так и тянуло разузнать побольше новостей и пересказать их скорее другим.

Позавтракав на рассвете в Морристауне, табачный торговец — его звали Доминикус Пайк — тотчас же тронулся в путь и семь миль проехал глухой лесной дорогой, не имея иных собеседников, кроме самого себя и своей серой кобылы. Был уже седьмой час, и он испытывал такую же

потребность в утренней порции сплетен, как лавочник в утренней газете. Случай как будто не замедлил представиться: только что он закурил сигару с помощью зажигательного стекла, как на вершине холма, у подножия которого он остановил свою зеленую тележку, показался одинокий путник. Покуда он спускался с холма, Доминикус успел разглядеть, что он несет на плече узелок, надетый на палку, и что подвигается вперед усталым, но решительным шагом. Так едва ли шагал бы человек, начавший свой путь в свежей прохладе утра; скорее можно было заключить, что он шел всю ночь напролет и собирается итти весь день.

— Доброе утро, мистер! — сказал Доминикус, когда тот почти поровнялся с ним. — Шагаете вы исправно. Что новенького в Паркер Фоллз?

Спрошенный торопливо надвинул на глаза широкополую серую шляпу и отвечал довольно угрюмо, что идет не из Паркер Фоллз; последний был, впрочем, назван торговцем лишь потому, что то была конечная цель его путешествия.

— Нужды нет, — возразил Доминикус Пайк, — послушаем, что новенького там, откуда вы идете. Мне что Паркер Фоллз, что не Паркер Фоллз, — были бы новости, а откуда — неважно.

Видя подобную настойчивость, путник, являвший собой, кстати сказать, фигуру, с какой никто не пожелал бы повстречаться один-на-один в глухом лесу, заколебался, то ли припоминая какие-нибудь новости, то ли раздумывая, рассказывать ли их. Наконец, ступив на подножку, он стал шептать Доминикусу на ухо, хотя даже кричи он во все горло, и то ни одна живая душа не услышала бы его в этомпустынном месте.

— Вот есть одна маленькая новость, — сказал он. — Вчера в восемь часов вечера мистера Хиггинботама из Кимбалтона повесили в его собственном фруктовом саду ирландец и негр. Они вздернули его на сук груши святого Михаила, зная, что там его до утра никому не найти.

Сообщив это страшное известие, незнакомец тотчас же зашагал своей дорогой еще быстрее прежнего и даже не повернул головы на уговоры Доминикуса выкурить испанскую сигару и поподробнее рассказать о происшествии. Торговец свистнул своей кобыле и стал подниматься в гору, размышляя о горестной судьбе мистера Хиггинботама, который был в числе его клиентов и перебрал у него немало девятицентовых сигар и листового табаку для самокруток. Несколько удивляла его быстрота, с которой новость рас-

пространилась. До Кимбалтона было добрых шестьдесят миль прямого пути; убийство совершилось только в восемь часов вечера накануне, однако он, Доминикус, узнал об этом уже в семь утра, в тот самый час, когда, по всей вероятности, близкие бедного мистера Хиггинботама только что обнаружили его труп, болтавшийся на груше святого Михаила. Чтобы пешком покрыть такое расстояние за такой короткий срок, незнакомец должен был иметь семимильные сапоги.

«Говорят, худая весть без крыльев летит, — подумал Доминикус Пайк, — но это выходит даже почище железной дороги. Надо бы президенту нанять этого молодчика в свой личные курьеры».

Вернее всего было предположить, что незнакомец попросту ошибся на один день, говоря о совершившемся злодействе; поэтому наш друг без колебания рассказывал новость во всех встречных тавернах и мелочных лавках и до вечера успел не менее двадцати раз повторить ее перед собранием потрясенных слушателей, а заодно и расторговать целый ящик испанского бандерольного табаку. Повсюду он оказывался первым вестником случившегося несчастья, и его так осаждали расспросами, что он не устоял перед искушением заполнить некоторые пробелы в

рассказе и мало-помалу составил вполне связную и правдоподобную историю. Один раз ему даже представился случай подкрепить свой рассказ свидетельскими показаниями. Мистер Хиггинботам был купцом, и в одной деревне среди тех, кому Доминикус рассказывал о происшедшем, случился бывший его конторщик, который подтвердил, что почтенному джентльмену свойственна была привычка под вечер возвращаться домой через фруктовый сад с деньгами и ценными бумагами в кармане. Конторщик не выразил большого огорчения по поводу гибели мистера Хиггинботама, намекнув, что, впрочем, торговец знал и по личному опыту, что покойный был прескверный старикашка, кулак и скряга. Все его состояние должно было теперь перейти к хорошенькой племяннице, школьной учительнице в Кимбалтоне.

Проводя время в рассказах и торговле с пользой для других и с выгодой для себя, Доминикус так задержался в пути, что решил остановиться на ночлег в придорожной таверне, не доезжая миль пяти до Паркер Фоллз. После ужина он уселся у стойки, закурил одну из своих лучших сигар и начал рассказ об убийстве, который к этому времени обогатился уже столькими подробностями,

что ему понадобилось не менее получаса, чтобы досказать его до конца. В комнате находилось человек двадцать, и девятнадцать из них принимали каждое слово торговца за святую истину. Двадцатым же был пожилой фермер, который незадолго до того верхом приехал в таверну и сидел теперь в уголке, молча покуривая трубку. Когда рассказ был окончен, он с вызывающим видом поднялся на ноги, взял свой стул, поставил его напротив Доминикуса и, усевшись, пустил ему прямо в лицо струю такого отвратительного табачного дыма, какого тому никогда не доводилось нюхать.

— Беретесь ли вы подтвердить под присягой, — спросил он тоном судьи, учиняющего допрос, — что старый сквайр Хиггинботам из Кимбалтона был убит позавчера вечером в своем фруктовом саду и вчера утром найден висящим на большой груше?

— Я только рассказываю, что сам слышал от других, мистер, — отвечал Доминикус, уронив недокуренную сигару. — Я не говорю, что видел это своими глазами, и не стал бы присягать, что дело произошло в точности так, как мне передавали.

— Но зато я, — сказал фермер, — готов при-

сягнуть, что если сквайр Хиггинботам был убит позавчера вечером, то, Значит, нынче утром я пил пиво с его духом. Мы с ним соседи, и когда я проезжал мимо его лавки, он зазвал меня к себе, угостил и просил исполнить небольшое поручение. О своей смерти он, видимо, знал столько же, сколько и я.

— Так, значит, это неправда? — вскричал Доминикус Пайк.

— Должно быть, не то он бы мне, верно, сказал об Этом, — сказал старый фермер и отодвинул свой стул в прежний угол, оставив Доминикуса сильно обескураженным.

Некстати воскрес старый мистер Хиггинботам! У нашего торговца пропало всякое желание продолжать разговор; выпив в утешение себе стакан джину с водой, он отправился спать, и всю ночь ему снилось, будто он висит на груше святого Михаила.

Чтобы не встретиться со старым фермером, которого он так возненавидел, что был бы очень рад, если б его повесили вместо мистера Хиггинботама, Доминикус встал до зари, запряг свою кобылу в зеленую тележку и рысцой погнал ее к Паркер Фоллз. Свежий ветерок, блеск росы на дороге, розовый летний восход вернули ему

хорошее расположение духа, и, быть может, он даже решился бы повторить вчерашний рассказ, случись ему в этот ранний час какой-нибудь слушатель; но по дороге не попадалось ни одной упряжки волов, ни одного возка, коляски, всадника или пешехода. И только уже на мосту через Солмон-ривер повстречался ему человек с надетым на палку узелком на плече.

— Доброе утро, мистер, — сказал торговец, натягивая вожжи. — Если вы из Кимбалтона или откуда-нибудь поблизости, не расскажете ли вы мне толком, что там стряслось с мистером Хигинботамом? Правда ли, что старика не то два, не то три дня тому назад убили негр с ирландцем?

Второпях Доминикус не успел разглядеть, что в незнакомце самом заметна примесь негритянской крови. Услышав этот неожиданный вопрос, африканец словно переменился в цвете: желтоватый оттенок его кожи уступил место мертвенной бледности, и, запинаясь и весь дрожа, он ответил так:

— Нет, нет, никакого негра там не было. Его повесил ирландец вчера в восемь часов вечера, а я вышел в семь. Его еще, верно, и не нашли там, в фруктовом саду.

На этом прохожий оборвал свою речь и, несмот-

ря на то, что казался усталым, зашагал дальше с такой быстротой, что кобыле торговца пришлось бы показать всю свою прыть, чтобы за ним угнаться. Доминикус поглядел ему вслед, окончательно сбитый с толку. Если убийство совершилось только во вторник вечером, кто же был тот провидец, который предсказал его еще во вторник утром? Если родные мистера Хиггинботама до сих пор не обнаружили его труп, откуда же этот мулат, находясь за тридцать миль оттуда, мог знать, что он висит на груше в фруктовом саду, особенно если принять во внимание, что сам он вышел из Кимбалтона за час до того, как несчастный был повешен? Эти загадочные обстоятельства и, с другой стороны, испуг и смущение незнакомца заставили Доминикуса подумать, что, пожалуй, следовало задержать его как соучастника преступления, поскольку, видимо, преступление все-таки было совершено.

«Да нет, бог с ним, — решил, пораздумав, торговец. — Не хочу я, чтобы его черная кровь пала на мою голову, и к тому же, если негра и повесят, мистера Хиггинботама это не воскресит. Воскресить мистера Хиггинботама?! Хоть это и очень грешно, но я вовсе не хочу, чтобы старикашка во второй раз ожил и выставил меня *л*жецом».

С такими мыслями Доминикус Пайк въехал на главную улицу Паркер Фоллз, городка, процветающего, как и надлежит городку, где есть три бумагопрядильных фабрики и лесопилка. Машины еще не работали и двери лавок только еще начинали открываться, когда он въехал во двор таверны и первым долгом приказал засыпать кобыле четыре гарнца овса. Вторым его делом, как нетрудно догадаться, было рассказать конюху о гибели мистера Хиггинботама. Однако он счел благоразумным не называть чересчур определенно день этого прискорбного события, а также не давать точного объяснения, кто совершил убийство — негр ли с ирландцем, или сын Эрина один. Остерегся он также рассказывать всю историю от своего имени или от чьего-нибудь еще и выдал ее просто за слух, ходивший в округе.

Новость распространилась по городу, как огонь среди окольцованных деревьев, и (вызвала повсюду столько разговоров, что скоро уже нельзя было дознаться, кто первый пустил ее. Мистера Хиггинботама в Паркер Фоллз знал стар и мал, потому что он имел долю в лесопилке и держал солидный пакет акций бумагопрядильных фабрик. Жители городка чувствовали, что собственное их благосостояние связано с его судьбой. Волне-

ние было так велико, что паркер — фоллзский «Курьер» вышел за два дня до положенного срока, (причем одна (полоса была пустая, а другую занимало сообщение, набранное в два столбца жирным цицеро[4] со множеством прописных, под заголовком «ЗВЕРСКОЕ УБИЙСТВО МИСТЕРА ХИГГИНБОТАМА». Среди прочих устрашающих подробностей в ртом печатном отчете описывался след веревки на шее покойника и приводилось точное число тысяч долларов, унесенных грабителями; в весьма трогательных выражениях говорилось также о горе его племянницы, которая с той самой минуты, как дядю ее нашли с вывернутыми карманами висящим на груше святого Михаила, лежала в обмороке, приходя в себя лишь для того, чтобы впасть в еще более глубокое беспамятство. Местный поэт сверх того увековечил скорбь молодой леди семнадцатью строфами в жанре баллады. Городской совет спешно собрался на заседание и постановил ввиду особых заслуг мистера Хигинботама перед городом выпустить афиши с объявлением награды в пять тысяч долларов тому, кто поймает убийц и вернет (похищенное имущество.

---

[4] Примечания: 4
Цицеро — особый размер типографского шрифта.

Между тем все население Паркер Фоллз, состоявшее из лавочников, содержательниц пансионов, фабричных рабочих и школьников, толпилось на улице, безумолку треща, чем с лихвой возмещалось молчание прядильных машин, которые прекратили обычный свой грохот из уважения к памяти покойного. Если безвременно погибший мистер Хиггинботам Заботился о посмертной славе, его дух должен был наслаждаться этой суматохой.

Наш друг Доминикус, движимый праздным тщеславием, позабыл всю свою предосторожность и, взобравшись на городскую водокачку, во всеуслышание объявил, что он первый принес в город достоверное известие, которое произвело такой необычайный эффект. Он немедленно сделался героем дня и только что громовым голосом бродячего проповедника начал новый вариант своего рассказа, как на главную улицу Паркер Фоллз въехала почтовая карета. Она была в пути всю ночь и в три часа утра должна была менять лошадей в Кимбалтоне.

— Сейчас мы узнаем все подробности! — закричала толпа.

Карета с грохотом подкатила к таверне, и ее тотчас же окружило не меньше тысячи человек,

потому что если до этой минуты кто-нибудь в городе и занимался еще своим делом, то тут уж все побросали всякие занятия, торопясь услышать новость. Торговец, бежавший впереди «всех, разглядел в карете двух пассажиров, которые, внезапно очнувшись от приятной дремоты, увидели себя посреди бушующей толпы. Каждый спрашивал о чем-то, все кричали разом, и оба пассажира от растерянности не могли вымолвить ни слова, хотя то были адвокат и молодая девушка.

— Мистер Хиггинботам! Мистер Хиггинботам! Расскажите нам подробнее о мистере Хиггинботаме! — ревела толпа. — Что говорит следователь? Пойманы ли преступники? Оправилась ли племянница мистера Хиггинботама от своих обмороков? Мистер Хиггинботам! Мистер Хиггинботам!

Кучер не отвечал ни слова, только крепко обругал конюха да то, что тот не спешит дать ему лошадей. Адвокат, сидевший в карете, не терял сообразительности даже во сне: узнав о причине волнения, он первым делом достал из кармана большой сафьяновый бумажник. Тем временем Доминикус Пайк, будучи весьма учтивым молодым человеком и рассудив, кроме того, что женщине развязать язык не труднее, чем адво-

кату, помог молодой леди выйти из кареты. Это была красивая, славная девушка; она уже совсем проснулась и была свежа, как рода, а губки были такие свежие и хорошенькие, что Доминикус охотнее выслушал бы ид них признание в любви, чем рассказ о кровавом преступлении.

— Джентльмены и леди! — обратился адвокат к лавочникам, школьникам и фабричным работницам. — Смею заверить вас, что причиной вашего незаурядного возбуждения послужила какая-то необъяснимая ошибка Или, что более вероятно, лживые слухи, умышленно распространяемые с целью подорвать кредит мистера Хиггинботама. Мы останавливались в Кимбалтоне сегодня в три часа утра и несомненно узнали бы об убийстве, если бы таковое имело место. Но я могу представить вам доказательство противного, почти столь же неоспоримое, как личное показание самого мистера Хиггинботама. Вот записка, полученная мною от вышеуказанного джентльмена в связи с одним его делом, назначенным к слушанию в Коннектикутском суде. На ней стоит вчерашнее число, десять часов вечера.

С этими словами адвокат поднял над головой записку, дата и подпись которой не оставляли никаких сомнений в том, что либо этот зловред-

ный мистер Хиггинботам был живехонек, когда писал ее, либо — и это многим показалось более вероятным предположением — он настолько был поглощен мирскими делами, что даже после смерти продолжал ими заниматься. Но тут явились доказательства еще более неожиданные. Молодая леди, выслушав объяснения торговца, улучила минутку, чтобы оправить складки платья и привести в порядок локоны, и затем, взойдя на крыльцо таверны, скромно попросила внимания.

— Добрые люди, — сказала она, — я племянница мистера Хиггинботама.

Ропот удивления прошел в толпе при виде розового и сияющего личика той, которая, по уверению паркер-фоллзского «Курьера», лежала в обмороке на пороге дома усопшего. Впрочем, некоторые здравомыслящие люди с самого начала сомневались в том, станет ли молодая племянница проявлять столь безудержное горе по поводу смерти богатого старого дядюшки.

— Как видите, — с улыбкой продолжала мисс Хиггинботам, — В том, что касается меня, эта странная история лишена всяких оснований, и я беру на себя смелость утверждать, что так же обстоит дело и с моим дорогим дядей Хиггинбо-

тамом. По доброте сердца он предоставляет мне кров в своем доме, хотя я зарабатываю на свое содержание уроками в местной школе. Я выехала из Кимбалтона сегодня утром, намереваясь перед началом семестра провести неделю у подруги, живущей в пяти милях от Паркер Фоллз. Мой великодушный дядя, услыхав, как я спускалась по лестнице, подозвал меня к своей постели и дал мне два доллара и пятьдесят центов на проезд и еще доллар на непредвиденные расходы. После этого он положил бумажник под подушку, пожал мне руку и посоветовал положить в сумочку немного печенья, чтобы не завтракать по дороге. Поэтому я с уверенностью говорю, что оставила своего нежно любимого родственника живым и здоровым и надеюсь по возвращении застать его таким же.

Тут мисс Хиггинботам присела и тем закончила свою речь, которая была так разумна и складна и с таким тактом и изяществом произнесена, что все сочли молодую леди достойной места наставницы в лучшем учебном заведении штата. Однако человеку постороннему могло бы показаться, что мистер Хиггинботам служил в Паркер Фоллз предметом всеобщей ненависти и что гибель его рассматривалась как особое благоде-

яние судьбы — так велика была ярость жителей города, когда они обнаружили свою ошибку. Рабочие с лесопилки тут же решили воздать Доминикусу Пайку общественные почести и только спорили, вымазать ли его смолой и обвалять в перьях, прокатить ли по городу верхом на жерди, или подвергнуть освежающему омовению у той самой водокачки, с высоты которой он недавно хвастливо отстаивал свое первенство. Городской совет по наущению адвоката обсуждал, не привлечь ли его к суду за нарушение общественного порядка выразившееся в злостном распространении непроверенных слухов. Ничто не спасло бы Доминикуса Пайка от расправы толпы или от скамьи подсудимых, если бы не красноречивое заступничество молодой леди. Сказав несколько прочувствованных слов своей благодетельнице, он уселся в зеленую тележку и выехал из города под артиллерийским обстрелом школьников, черпавших свои боевые запасы в мусорных ямах и сточных канавах городка. Когда он повернул голову, чтобы обменяться с племянницей мистера Хиггинботама прощальным взглядом, ему прямо в лицо шлепнулась пригоршня какой-то жижи, похожей на саламату, отчего его внешность приобрела весьма мрачный вид. Вскоре

он был облеплен грязью с ног до головы, так что готов был даже повернуть назад и умолять об обещанном омовении род «водокачкой, ибо, задуманное как кара, оно явилось бы теперь актом милосердия.

Но вот солнце пригрело бедного Доминикуса, и грязь, как эмблема всякого незаслуженного позора, высохла и легко счистилась. Добродушный по природе, он скоро ободрился и утешился и даже не мог удержаться от громкого смеха при мысли о той суматохе, которую наделал своим рассказом. Афиши городских старшин заставят переловить всех бродяг штата; статья паркер-фоллзского «Курьера» будет перепечатана всеми газетами от Мэйна до Флориды, а может быть, попадет и в лондонскую печать; и немало скупцов станет дрожать за свою жизнь и за свой денежный мешок, узнав об ужасной гибели мистера Хиггинботама. Торговец также восторженно вспоминал о прелестной молодой учительнице и готов был поклясться, что даже Даниэль Уэбстер не походил так на ангела видом и речами, как мисс Хиггинботам, защищающая его от разъяренной черни.

Доминикус теперь держал путь к кимбалтонской заставе, приняв твердое решение побывать в Кимбалтоне, несмотря на то, что это заставляло

его значительно уклониться от своего пути. Приближаясь к месту несостоявшегося убийства, он продолжал размышлять над всем происшедшим и пришел к выводу, что дело все-таки выглядит более чем странно. Если бы рассказ первого путника не получил никакого подтверждения, можно было бы счесть его за мистификацию, но ведь и мулату известно было если не самое событие, то по крайней мере слух о нем, и разве не загадочен был его испуг и смятение при неожиданном вопросе торговца? Если же к этим удивительным событиям прибавить тот факт, что пущенный слух в точности соответствовал склонностям и привычкам мистера Хиггинботама, что у него действительно имелся фруктовый сад и груша святого Михаила, мимо которой он всегда проходил с наступлением темноты, — доказательства становились столь вескими, что Доминикус начинал сомневаться, можно ли противопоставить им собственноручную подпись, на которую ссылался адвокат, или даже непосредственные показания племянницы. Дорогою ему также удалось узнать из осторожных расспросов, что у мистера Хиггинботама был слуга-ирландец, сомнительная личность, которого он нанял без всяких рекомендаций, польстившись на деше-

визну.

— Пусть меня самого повесят, — вскричал Доминикус Пайк, выехав на вершину одинокого холма, — но я поверю, что старый Хиггинботам (не повешен, только когда увижу его собственными глазами и услышу об этом из его собственных уст! А так как он известный плут, то я еще потребую, чтобы священник или другой почтенный человек поручился за его слова.

Уже темнело, когда он подъехал к сторожке у кимбалтонской заставы, отстоявшей примерно на четверть мили от городка того же названия. Серая кобылка бежала резво и почти нагнала трусившего впереди верхового, который миновал шлагбаум на несколько минут раньше Пайка, кивнул сторожу и продолжал свой путь. Доминикус знавал сторожа и раньше и, пока тот отсчитывал сдачу, обменялся с ним обычными замечаниями о погоде.

— Скажите-ка, — спросил торговец, занося кнут, чтобы легче перышка коснуться им крутого бока кобылы, — не видали вы за последние день-два старого мистера Хиггинботама?

— Как же, — отвечал сторож, — он только что перед вами проехал заставу, вон и сейчас еще видно его, если вы можете разглядеть в темноте.

Он нынче ездил в Вудфилд на торги. Обычно старик останавливается поздороваться со мной и потолковать о том, о сем, но сегодня он только кивнул, точно хотел сказать: «Получите, что следует», и проехал дальше; он, видите ли, где бы ни был, к восьми часам непременно возвращается домой.

— Да, я слыхал об этом, — сказал Доминикус.

— Никогда не видел, чтобы человек был так желт и худ, как этот старый сквайр, — продолжал сторож. — Сегодня я как увидел его, так сейчас же подумал: старик больше похож на привидение или на мумию египетскую, чем на живого человека из плоти и крови.

Торговец, напрягая глаза, вгляделся в полумрак и далеко впереди смутно различил фигуру одинокого всадника. Ему показалось, что он узнал спину мистера Хиггинботама, но вечерние тени вкупе с облаком пыли из-под копыт лошади делали его очертания такими расплывчатыми и туманными, что казалось, будто вся фигура таинственного старика вылеплена из мглы и серых сумерек.

Доминикус вздрогнул. «Это он с того света возвращается через кимбалтонскую заставу», подумал он. Потом он дернул вожжи и поехал

вперед, держась на прежнем расстоянии позади серой тени старика, покуда та не исчезла за поворотом дороги. Теперь торговец уже не видел ни лошади, ни всадника, но зато перед ним открылась деревенская улица и невдалеке несколько лавок и две таверны, сбившиеся в кучу вокруг молитвенного дома. Слева тянулась каменная стена, огораживающая лесной участок, дальше за воротами виднелся фруктовый сад, потом скошенный луг и наконец дом. То были владения мистера Хиггинботама; прежде его дом стоял у самой дороги, но когда в Кимбалтоне устроили заставу, он остался в стороне.

Доминикусу не раз случалось бывать в этих местах, и серая кобылка сама остановилась, потому что, думая о своем, он позабыл натянуть вожжи. «Будь я неладен, если проеду мимо этих ворот, — сказал он себе, весь дрожа. — Не знать мне покоя, покуда не погляжу, висит мистер Хиггинботам на груше святого Михаила или не висит». Он соскочил с зеленой тележки, накинул вожжи на столб у ворот и пустится бежать по лесному участку так, словно нечистая сила гналась за ним по пятам. В это самое время часы на башне начали бить восемь, и с каждым ударом Доминикус прибавлял ходу, пока наконец на открытой полянке посреди

фруктового сада не обрисовалось в полумраке роковое дерево. Огромный сук, отделяясь от узловатого искривленного ствола, торчал поперек тропинки, отбрасывая густую тень. Внизу, под суком, как будто что-то шевелилось.

Наш торговец никогда не приписывал себе больше храбрости, чем полагается мирным людям его промысла, и сам не мог бы объяснить, откуда взялась у него такая прыть в этот решительный миг. Достоверно однако, что он бросился вперед, ударом кнутовища сшиб с ног здоровенного ирландца и увидел перед собой мистера Хиггинботама собственной особой, который, правда, не висел на груше святого Михаила, но стоял под ней и трясся с веревкой на шее.

— Мистер Хиггинботам, — сказал Доминикус дрожащим голосом, — вы честный человек, и я поверю вам на слово. Скажите мне, повесили вас или нет?

Если читатель до сих пор не разгадал еще секрета, достаточно будет нескольких слов, чтобы объяснить ему несложную механику, благодаря которой это грядущее событие «отбросило вперед свою тень». Трое людей сговорились убить мистера Хиггинботама; двое из них струсили и бежали один за другим, тем самым оттягивая

преступление каждый на один день; а третий уже начал приводить замысел в исполнение, когда был застигнут неожиданным спасителем, который явился в лице Доминикуса Пайка, подобно героям старинных преданий, повинуясь слепо зову судьбы.

Остается только сказать, что с этого дня старый мистер Хиггинботам проникся необыкновенным расположением к табачному торговцу, благословил его сердечную склонность к хорошенькой учительнице и все свое состояние завещал их детям, ограничив долю родителей процентами. В надлежащий срок он оказал им это последнее благодеяние и умер христианской смертью в своей постели, после какового прискорбного события Доминикус Пайк с семьей покинул Кимбалтон и открыл крупную табачную торговлю в моем родном городе.

Эдвард Эверет Гейл
Человек без родины

Вероятно, мало кто из читавших «Нью-Йорк геральд» 13 августа 1863 года заметил в укромном уголке газетного листа, в колонке «Смерти», извещение:

«Нолан.

На борту корвета США «Левант», 2°11′ южной широты 131° западной долготы, 11 мая скончался

Филипп Нолан».

Я прочитал его только потому, что, томясь в старом здании миссии в Макину в ожидании сильно опаздывавшего парохода, поглощал всю литературу, какая попадалась мне под руку, от первой буквы до последней, включая и столбцы «Смертей» и «Бракосочетаний» в «Геральде». У меня вообще хорошая память на лица и на имена; помнить же, кто такой Филипп Нолан, как читатель убедится в дальнейшем, я имел достаточное основание. Наверное, не одна сотня читателей «Геральда» призадумалась бы над извещением, если бы составлявший его офицер «Леванта» написал: «11 мая скончался Человек без родины». Бедный Филипп Нолан, ведь он был Человек без родины для всех офицеров, чьему наблюдению его поручали в течение более чем пятидесяти лет, да и вообще для всех, кто плавал с ним все эти годы. Я берусь утверждать, что многие из тех, кто обедал с ним за одним столом раз в две недели в продолжение трехлетнего плавания, не имели даже понятия, что его зовут Нолан, не знали даже, есть ли у несчастного вообще какое-нибудь имя.

Теперь историю Нолана могут узнать все. До сих пор к этому были препятствия. После президентства Мэдисона в 1817 году соблюдение

этого дела в строжайшей тайне было вопросом чести для офицеров флота, возивших Нолана на своих кораблях. То, что в печати не появилось никаких намеков на это дело и оно осталось неизвестным стране, говорит о строгом понимании чести и высокой коллегиальности в среде моряков. Расследование, которое я произвел в архиве морского министерства в то время, когда я состоял при Бюро сооружений, заставляет думать, что все документы, относящиеся к делу этого человека, сгорели, когда Росс сжег правительственные здания в Вашингтоне[5], В конце войны Нолан находился на корабле одного из Тэкеров — или Это был один из Уотсонов? Так или иначе, когда Тэкер или Уотсон, возвратившись из плавания, сделал донесение в Вашингтоне одному из Крауниншилдов, который сидел тогда в морском министерстве, он обнаружил, что министерство полностью игнорирует дело Нолана. Действительно ли они ничего не знали, или же это было «non mi recordo»[6], принятое как линия

[5] Примечания: 5

Летом 1814 года английские войска под командованием генерала Росса захватили столицу США Вашингтон и сожгли правительственные здания.

[6] Примечания: 6

Non mi recordo — не помню (*итал.*).

поведения, мне неизвестно. Зато мне известно, что начиная с 1817 года, а быть может и ранее, ни один из морских офицеров не упоминал более в своих донесениях имени Нолана.

Как я уже сказал, теперь нет основания хранить тайну. Несчастный умер, и мне кажется поучительным поведать его историю, чтобы показать американской молодежи наших дней, что значит быть Человеком без родины.

Филипп Нолан был блестящим молодым офицером «Западного легиона», как тогда называли западный корпус нашей армии. Когда Эйрон Барр[7] в 1805 году совершал свою первую дерзкую вылазку на юг к Новому Орлеану, он с дьявольской хитростью приблизил к себе этого веселого, одаренного, ветреного молодого человека. Он познакомился с ним, если не ошибаюсь, в форте Массак, за каким-то званым обедом. Барр был любезен с Ноланом, вел с ним беседы, прогуливался рука об руку, взял его с собою на день-два покататься на своем плоскодонном баркасе, словом

[7] Примечания: 7

Эйрон Барр — американский адвокат и политический деятель. Будучи вице-президентом США, он в 1806 году пытался отделить юго-западные территории США, во главе которых намеревался стать сам. Хотя процесс Барра («ричмондский процесс») имел благоприятный для него исход, историки считают доказанными его изменнические действия.

— очаровал его. Когда Барр уехал, гарнизонная жизнь показалась пресной бедному Нолану. Иногда он, пользуясь разрешением «великого человека», обращался к нему с письмом. Это были длинные, вдохновенные, высокопарные письма; бедный юноша много трудился, составляя и переписывая их. Но он не получал от своего искусителя ни слова в ответ. Другие офицеры насмехались над ним, потому что он тратил на эту ничем не вознаграждаемую привязанность к политическому деятелю драгоценное время, которое они посвящали водке и азартной игре в кости, хайлоу-джеку. Бурбон, юкр и покер[8] в то время не были еще известны. Однако наступил день, когда торжествовал Нолан. Это случилось, когда Барр спустился по Миссисипи не как адвокат, приискивающий себе резиденцию, а как замаскированный завоеватель. Он выиграл несметное число процессов, он блистал на несметном числе банкетов, его прославлял несметный хор «Еженедельных Аргусов», и молва утверждала, что за ним следует армия и что его ожидает империя. Это был ослепительный день — день его приезда — для бедного Нолана. Не

[8] Примечания: 8
Названия карточных игр.

пробыл Барр и часа в форте, как вызвал Нолана к себе. Вечером он попросил Нолана покатать его в ялике, заявив, что хочет посмотреть на тростниковые заросли и хлопковое дерево. На самом деле он хотел окончательно завербовать Нолана. Когда они вернулись с прогулки, Нолан был верным человеком Барра. С того самого момента, хотя он еще не отдавал себе в этом отчета, он начал жизнь Человека без родины.

Каковы были точные планы Барра, мне известно не более, чем вам, дорогой читатель. Мы можем сейчас не обсуждать этого вопроса. Когда же наступил крах и Джефферсон[9]совместно с Конгрессом, приняв решение раздавить в зародыше измену родине, устроили знаменитый ричмондский процесс, эти мероприятия нашли отклик на далекой Миссисипи, казавшейся тогда более отдаленным местом, чем сейчас, скажем, Пьюджет Саунд[10]. Местные власти решили не отставать от центра и, чтобы поразмыкать летнюю скуку, предали ряд офицеров в форте Адамсе военному суду. Под суд пошло несколько

[9] Примечания: 9

Томас Джефферсон — президент США.

[10] Примечания: 10

Пьюджет Саунд — отдаленный пункт в северо-западной оконечности США.

полковников и майоров и, в заключение, юный Нолан, против которого были очевидные улики. Кто не знал, что он манкировал службой, что он был готов изменить присяге и по приказу, подписанному «Его превосходительством Эйроном Барром», отправиться когда угодно и куда угодно во главе тех, кто за ним решился бы последовать! Полковники и майоры были оправданы, насколько мне известно, с полным основанием. Вина Нолана, как и уже сказал, была ясна! Тем не менее ни я, ни вы, читатель, никогда не услыхали бы его имени, если бы не инцидент, произошедший в самом конце судебного заседания. Когда председательствующий спросил Нолана, не желает ли он сказать что-либо в свою защиту, что показало бы, что он всегда был предан Соединенным штатам, Нолан закричал в исступлении:

— Будь они прокляты, Соединенные штаты! Я слышать не хочу больше о Соединенных штатах!

Я думаю, что он не представлял себе, какое тяжкое впечатление произвели его слова на старого полковника Моргана, председательствовавшего на суде. Добрая половина офицеров, членов суда, сражалась в годы революции и проливала свою кровь за идею, воплотившуюся в имени Соединенные штаты, которое Нолан проклял походя

в своей ярости. Что до самого Нолана, то он вырос на западной окраине страны, воспитывался на плантации, где сливками общества считали испанского офицера или француза-торговца из Орлеана. Помнится, он рассказывал мне об англичане-гувернере, жившем у них одну зиму. Он совершенствовал свое образование, каково бы оно ни было, в поездках с коммерческими целями в Вера-Крус. Юношеские годы он провел со старшим братом в Техасе, охотясь на лошадей. Словом, для него имя «Соединенные штаты» едва ли имело глубокое содержание. Но эти Соединенные штаты давали ему хлеб все годы, которые он служил в армии. Этим Соединенным штатам он присягал как христианин на верность. Эти Соединенные штаты даровали ему мундир и шпагу. Увы, мой бедный Нолан, если бы эти Соединенные штаты не облекли тебя высоким доверием, Эйрон Барр уделил бы тебе не больше внимания, чем лодочникам плоскодонки, на которой он спустился по Миссисипи. Я не беру под защиту Нолана, я только хочу объяснить читателю, как могло случиться, что он проклял свою родину и пожелал не слышать больше ее имени.

Ему пришлось услышать ее имя еще один только раз. С 23 сентября 1807 года, дня суда, до 11 мая

1863 года, дня смерти, он не слышал ее имени. В продолжение более чем полувека он был Человеком без родины.

Старый Морган, как я уже сказал, был глубоко потрясен. Он удалился вместе с судом и вернулся через пятнадцать минут. Его лицо было белее мела.

— Заключенный, слушайте приговор суда! — сказал он. — Суд решил, что вы не услышите больше имени Соединенных штатов. Приговор подлежит утверждению президента.

Нолан захохотал. Но никто больше не смеялся. Старый Морган сохранял глубокую важность, и в зале царила мертвая тишина. Дерзость Нолана поблекла. Морган сказал, обращаясь к судебному маршалу:

— Маршал, доставьте заключенного под вооруженной охраной в Орлеан и препоручите его морскому командованию.

Маршал скомандовал, и заключенного увели.

— Маршал, — продолжал Морган, — следите, чтобы в пути заключенный не слышал имени Соединенных штатов. Засвидетельствуйте мое почтение маршал-лейтенанту Митчелу в Орлеане и передайте, чтобы он озаботился, чтобы заключенный не слышал на борту корабля имени

Соединенных штатов. Вы получите письменный приказ через дежурного офицера сегодня вечером. Судебное заседание прерывается на неопределенное время.

Я подозреваю, что полковник Морган лично отправился в Вашингтон и доложил о решении суда президенту Джефферсону. Так или иначе, известно, что президент одобрил его, то есть известно, поскольку можно верить людям, утверждавшим, что они видели собственноручную подпись президента. Не успел еще «Наутилус» с заключенным на борту обогнуть материк на пути из Орлеана к атлантическому побережью, «как приговор был утвержден и Филипп Нолан стал Человеком без родины.

План, принятый тогда, был в основном тем самым планом, которым руководствовались и в более позднее время. Возможно, что на него натолкнула необходимость отправить Нолана морским путем из Орлеана. Морской министр — это-был, должно быть, первый Крауниншилд, хотя я твердо в этом не уверен — получил предписание взять Нолана на борт военного корабля, отправляющегося в дальнее плавание, и обеспечить режим, при котором он не смог бы ни видеть родной страны, ни слышать о ней. Во-

енные корабли редко ходили тогда в дальние плавания, флот вообще был в загоне. Как я уже говорил, вся эта история основывается на изустных источниках, и я не смог установить, каков был первый рейс Нолана. Во всяком случае, командир первого корабля, на борту которого он очутился (возможно, что это был Тинджи или Шоу, хотя я склонен думать, что это был кто-нибудь из молодых), выработал процедуру заключения и весь необходимый этикет, связанный с пребыванием Нолана на корабле. В дальнейшем правила не менялись, я думаю, до самой смерти Нолана.

Когда тридцатью годами позже я был первым помощником на «Инперипиде», мне пришлось увидеть подлинную инструкцию морского министерства. Я очень жалею теперь, что не снял с нее копии. Она выглядела примерно так:

«Вашингтон (дата относилась к концу 1807 года).

Сэр, вы примете от лейтенанта Била заключенного Филиппа Нолана, бывшего лейтенанта армии Соединенных штатов. Заключенный Нолан, преданный военному суду, проклял свою родину и заявил, что «не хочет слышать больше о Соединенных штатах».

Суд постановил удовлетворить его желание.

Выполнение приговора суда возложено президентом на морское министерство.

Вы примете заключенного на борт корабля и обеспечите необходимые меры, чтобы он не мог совершить побег.

Вы обеспечите его жилищем, продовольствием и одеждой в той мере, какая соответствовала бы его прежнему званию.

Офицеры корабля могут общаться с заключенным в той мере, в какой сочтут для себя удобным. Обращение с заключенным на корабле не должно иметь в себе ничего унижающего его достоинство, равным образом не следует без надобности напоминать ему, что он находится в заключении. Но ни под каким видом заключенный не должен слышать о родине или получать о ней какие-либо сведения. Вы сделаете специальное внушение всем офицерам вашего корабля в том смысле, что строжайшее соблюдение этого правила является основным условием осуществления приговора.

Решение правительства предусматривает, что заключенный более не увидит родину, от которой он отрекся. Перед концом вашего плавания вы получите приказания, дополняющие настоящую инструкцию в указанном смысле.

Примите мои заверения.
За морского министра,
В. Саутард».

Если бы я сохранил документ целиком, мы обладали бы первым звеном в истории заключения Нолана. От капитана Шоу, если это был действительно Шоу, документ перешел к тому, кто наследовал его инструкцию, и дальше к следующему таким же образом.

Правила обращения с Человеком без родины, которые я наблюдал на нескольких кораблях, были, как я уже сказал, выработаны в самом начале. Ни одна кают-компания не желала видеть Нолана своим постоянным гостем, потому что в его присутствии нельзя было говорить ни о родной стране, ни о возвращении домой, ни о политике, ни о литературе, ни о перспективах войны и мира — словом, налагался запрет почти на все излюбленные в дальнем плавании застольные темы. Однако лишать его совсем общества казалось жестоким. С матросами ему разрешалось беседовать лишь в присутствии офицера. С офицерами он мог общаться невозбранно. Он постепенно становился замкнутым, хотя к некоторым из нас привязался; так, он подружился со мной. По понедельникам капитан приглашал его к обеду.

Дальше следовали приглашения кают-компаний в порядке очереди. В зависимости от размеров корабля офицеры встречались с ним за обедом чаще или реже. Завтракал он в одиночестве в своей каюте, дверь в которую всегда была в поле зрения часового или кого-нибудь из вахтенных. Ужинал он также один. Когда у морской пехоты или у матросов было какое-нибудь торжество, им разрешалось иногда приглашать «Штатские пуговицы», как они называли Нолана. Он приходил в сопровождении офицера, и матросам запрещалось в это время говорить о родине. Эти визиты, очевидно, должны были служить в назидание команде. Матросы прозвали Нолана «Штатские пуговицы», так как на принятом в армии форменном платье, которое он всегда, по собственному выбору, носил, ему запрещалось иметь форменные пуговицы, украшенные гербом отвергнутой им родины.

Как-то вскоре после моего поступления во флот я был на берегу в компании старших офицеров с нашего корабля и с «Брендиуайна», который мы встретили в Александрии. Нам разрешили совершить прогулку в Каир и к пирамидам. В то время как мы тащились туда (путь приходилось проделывать на ослах), у старших офицеров

завязался разговор о Нолане, и кто-то из них рассказал о принятой системе контроля за его чтением и вообще за литературой, попадающей к нему в руки. Нолану не разрешалось сходить ка берег, даже если корабль стоял в порту месяцами, и время для него текло медленно. Поэтому всем разрешалось снабжать его книгами, при том непременном условии, что книги не были изданы в Америке и ни словом о ней не упоминали. Это было не столь трудным условием, ибо в Восточном полушарии тогда интересовались Соединенными штатами не больше, чем сейчас Парагваем. Нолан прочитывал также рано или поздно все иностранные газеты, попадавшие на корабль, но прежде их просматривал кто-либо и удалял при помощи ножниц все упоминания об Америке. Это получалось подчас не очень удачно, в особенности когда на оборотной стороне листа было что-нибудь весьма невинное. Читая речь английского министра или описание одного из наполеоновских сражений, бедный Нолан вдруг видел перед собой дыру, потому что на обороте было вырезано объявление о рейсах нью-йоркского пакетбота или выдержка из обращения президента Соединенных штатов. Я впервые тогда услышал об этой системе контроля, которую

потом мне пришлось самому усердно проводить в жизнь. Я хорошо это помню, потому что как раз тогда бедняга Филипс, ехавший с нами, рассказал о происшествии, случившемся с Ноланом в его первое плавание; больше об ртом плавании мне ничего так и не пришлось узнать.

Они огибали мыс Доброй Надежды и задержались, чтобы нанести визит английскому адмиралу. Когда они собрались продолжать свое плавание — а они направлялись в Индийский океан — Филипсу посчастливилось позаимствовать у английского офицера целую библиотеку. Среди этих книг была уготованная самим дьяволом «Песнь последнего менестреля»[11], о которой все они много слыхали, «о которую еще никто не читал. Она, я думаю, тогда только что появилась. Никому, конечно, не приходило в голову, что в книге может быть что-либо неподходящее для Нолана. Итак, однажды после обеда они пригласили Нолана присоединиться к их кружку. Они сидели на палубе, курили и читали вслух по очереди; сейчас это редко можно наблюдать на корабле, но когда я был молод, мы постоянно проводили так свободное время. Когда пришла очередь

---

[11] Примечания: 11
Поэма Вальтера Скотта, вышедшая в 1805 году.

Нолана, он взял книгу и стал читать. Читал он очень хорошо. Как я уже говорил, поэму никто не знал ранее, знали только, что там говорится про чудеса и про рыцарские подвиги и что все это происходило добрую тысячу лет назад. Бедный Нолан прочитал всю пятую песнь, сделал паузу, отпил из стакана и начал, ничего не подозревая:

Коль жив без сердца человек,

Не знавший радости вовек…

Сейчас кажется странным, что можно было не знать, что следует за этими строками. Однако было именно так, и бедный Нолан продолжал механически читать:

Вскричать: «О, родина моя!»

Тут слушатели почувствовали себя не в своей тарелке. Он же решил, очевидно, «проскочить» и, слегка изменившись в лице, продолжал:

И услыхать ответный зов,

Презрев для милых берегов

Чужие, дальние моря,

Коль жив такой, приметь его…

Теперь все были в страшном волнении. Каждый надеялся, что Нолан перевернет страницу

и начнет с нового места. Но он уже не владел собой. Он замолк на мгновение, лицо его залилось густой краской, он продолжал:

Знай, менестрель, не для него
Музыка песни сладкой той.
Пускай он в злате, знаменит,
Блаженство от него бежит,
Несчастный полон лишь собой…

Бедняга задохнулся и не мог читать дальше. Он вскочил с места, швырнул книгу за борт и исчез в своей каюте. «Верьте или нет, — сказал Филипс, — он не показывался оттуда в продолжение двух месяцев. Пришлось сочинить потом целую историю, чтобы объяснить моему англичанину, куда девался его Вальтер Скотт».

Эта история показывает, что напускного молодечества Нолану хватило не надолго. Сперва он, как рассказывают, держался весьма развязно, называл приговор мистификацией и фарсом, утверждал, что очень доволен путешествием, и тому подобное. Однако, когда он вышел из своей каюты после случая с Вальтером Скоттом, это был другой человек. Он никогда больше не участвовал в чтении вслух, разве только если читали Шекспира, или библию, или что-нибудь столь же

знакомое. Но не только это. Он никогда больше не общался коротко с другими молодыми людьми. Когда мне пришлось познакомиться с ним, он был робок и замкнут, очень редко заговаривал первым с людьми, и лицо его носило выражение усталости и тревоги.

Когда капитан Шоу — если это, повторяю, был Шоу — направлялся домой, корабль, к общему удивлению, бросил якорь у одного из Уиндвордских островов и стоял там целую неделю. Команда шутила, что офицерам наскучила солонина и они решили, прежде чем плыть домой, полакомиться супом из черепахи. Однако через несколько дней у того же острова появился «Уоррен». Корабли обменялись приветствиями. С «Уоррена» прислали почту и газеты для направляющихся на родину и сообщили, что идут в дальнее плавание и имеют инструкцию принять на борт Нолана со всеми его пожитками. Нолан был очень бледен, когда ему предложили приготовиться ко второму путешествию. Он достаточно хорошо ориентировался по звездам и знал, что близок к дому. Теперь оказывалось, что ему туда не вернуться, даже в тюрьму. Это была первая из двадцати пересадок, ознаменовавших длинное путешествие Нолана. Он побывал на доброй половине лучших кораб-

лей нашего флота, и он ни разу не подошел ближе чем на несколько сот миль к берегам родины, имя которой он пожелал никогда не слышать.

Это, должно быть, произошло в то плавание — я имею в виду бал, на котором Нолан танцовал с миссис Грэф, прославленной в то время красавицей-южанкой. Корабль долго стоял в неапольской бухте, наши офицеры очень сдружились с англичанами и решили после многих празднеств дать ответный бал на борту корабля. Как это им удалось на «Уоррене», честное слово, не знаю. Возможно, конечно, что это был не «Уоррен», а возможно также, что дамы в то время требовали для себя меньше места. Офицеры решили использовать для каких-то надобностей каюту Нолана, но они никак не хотели просить его об одолжении, не пригласив его самого на бал. Капитан разрешил пригласить Нолана, однако с условием, что офицеры возьмут на себя ответственность, что он не будет разговаривать с посторонними, которые могли бы «передать ему сведения».

Итак, бал был в разгаре, самый веселый, конечно, бал на свете, ибо я не слыхал о бале на борту военного корабля, который не имел бы этого отличительного качества. Дамское общество состояло из семьи американского консула, двух

или трех путешественниц, забравшихся в эти далекие края, и прелестного цветника англичанок — девиц и дам.

Офицеры, сменяя друг друга, держались подле Нолана иг занимали его беседой, чтобы помешать ему завести разговор с кем-нибудь из гостей. Один танец сменялся другим, веселье возрастало, и постепенно даже почетные охранители Нолана решили, что все сошло без задоринки. Правда, когда одна из англичанок попросила, чтобы ее познакомили с американскими танцами, случилось небольшое происшествие. Тогда все танцовали контрдансы. Негритянский оркестр, радостно посовещавшись, грянул «Вирджин-Рил», затем перешел на «Моней-Маск», и следующим номером, по обычаю, должен был быть «Дорогие тринадцать»[12]. Только что Дик, дирижер, постучал палочкой своим скрипкам и повернулся с изысканным поклоном, чтобы объявить: «Дорогие тринадцать», леди и джентльмены!», как он до этого объявлял «Вирджин-Рил», пожалуйста!» и «Моней-Маск», пожалуйста!» — вдруг юнга трогает его за плечо, шепчет ему что-то на ухо, и Дик не объявляет названия танца. Он ограничивается

[12] Примечания: 12

Имеются в виду тринадцать звезд на флаге США (по числу существовавших в то время штатов).

поклоном, взмахивает палочкой, и все принимаются танцовать. Офицеры учат англичанок новым па, но не объясняют им, почему танец не имеет названия.

Но это не та история, о которой я начал рассказывать. Как я уже сказал, Нолан и его охранители постепенно перестали стеснять друг друга, и вот Нолан с самым естественным видом подходит к ослепительной миссис Грэф и кланяется ей.

— Я надеюсь, вы помните меня, мисс Рэтледж, — говорит он. — Окажите же мне честь потанцовать со мной.

Это произошло в одно мгновение. Феллоуз, который был с ним, ничего не мог поделать.

Красавица засмеялась.

— Я уже больше не мисс Рэтледж, мистер Нолан, — сказала она, — но я все же охотно с вами протанцую.

Она кивнула Феллоузу, как бы говоря, что он может на нее положиться, и ушла с Ноланом.

Нолан решил, что судьба ниспослала ему счастливый случай. Он знал свою даму по Филадельфии, встречался с нею не рад в других местах, это была настоящая удача. В контрдансах нельзя помногу разговаривать, как, например, в котильоне или даже в вальсе, но все же и здесь вы

можете обменяться словами, так же как взглядом и улыбкой. Он начал издалека, заговорил о ее путешествии, о Европе, о Везувии, о французах, а когда они прошлись и стали сзади, ожидая снова очереди, он спросил в упор, чуточку побледнев, как она позднее мне рассказывала:

— Ну, что слышно на родине, миссис Грэф?

И тогда эта удивительная женщина поглядела на него. Боже, как она на него поглядела!

— На родине, мистер Нолан? Разве вы не пожелали не слышать больше о вашей родине?

И она, бросив его, ушла на палубу к своему мужу. Нолан остался один, — он, должно быть, уже привык к этому. Больше он не танцовал.

Я чувствую, что рассказываю очень сбивчиво, но едва ли кто мог бы связать теперь все эти происшествия в единую историю. Я, во всяком случае, не сумею.

Эти эпизоды, которые я привожу и в подлинности которых нет повода сомневаться, я выбираю из целой груды рассказов, значительная доля которых представляет собою сущие басни.

Более счастливым был эпизод из плаваний Нолана, относящийся уже к первым годам войны. Я слыхал эту историю в трех или четырех вариантах. На каком корабле она имела место, не берусь сказать. Так вот, во время большой артиллерийской дуэли нашего и английского фрегатов — это было боевое крещение нашего флота — вражеское ядро ударило прямым попаданием в бортовое отверстие и убило на месте командующего офицера и почти всю прислугу орудия. Можно, конечно, рассуждать о храбрости сколько угодно, но это было страшное зрелище. Когда уцелевшие люди немного пришли в себя и стали вместе с санитарами оттаскивать прочь тела убитых и раненых, вдруг среди них появляется Нолан, без сюртука, с банником в руках, и, приняв на себя командование, приказывает одним унести раненых, другим оставаться на месте, — все это с величайшим спокойствием и с той уверенностью, которая заставляет людей отбросить боязнь и поверить в себя.

Он сам зарядил пушку, навел ее на неприятеля и скомандовал открыть огонь. Он остался командовать, присев на лафет, под вражеским огнем; пока его пушка остывала, поддерживал дух прислуги, обучал ее искусству артиллерийского дела

и наконец добился вдвое большей интенсивности огня, чем любой другой офицер на фрегате. К ним приблизился коммодор, обходивший батареи и подбодрявший людей, и Нолан, коснувшись шляпы, сказал ему:

— Я учу их, сэр, делать так, как это принято у нас в артиллерии.

Тут все варианты этой истории сходятся. Коммодор ответил:

— Я это вижу, и я благодарю вас, сэр. Я никогда не забуду этого дня, сэр, и вы также его не забудете, сэр.

Когда сражение пришло к концу и англичане сдались, коммодор посреди официальной церемонии на шканцах сказал:

— Где же мистер Нолан? Позовите сюда мистера Нолана.

Когда Нолан пришел, он обратился к нему:

— Мистер Нолан, мы все сегодня выражаем вам признательность. Сегодня вы вместе с нами. Ваше имя будет названо в донесении.

И старик снял свою церемониальную шпагу и опоясал ею Нолана. Мне рассказал об этом человек, который там был. Нолан плакал, как ребенок. Он не носил шпаги с того самого проклятого дня в форте Адамсе. После он надевал эту старинную

французскую шпагу, награду коммодора, при всех торжественных случаях.

Имя Нолана было названо в донесении. Говорили, что коммодор ходатайствовал о его помиловании и даже обратился по этому поводу с письмом к военному министру. Ничего из этого не вышло. К тому времени дело Нолана, как я уже говорил, стали игнорировать в Вашингтоне, и заключение Нолана продолжалось в силу той простой причины, что его некому было прекратить.

Все это происходило пятьдесят лет назад. Если Нолану было тогда тридцать, значит он умер почти восьмидесяти. Нужно сказать, что когда ему стукнуло сорок лет, на вид ему можно было дать шестьдесят. С той поры он, как мне кажется, ничуть не менялся. Как можно заключить по рассказам, он побывал за эти годы на всех морях, куда ходят корабли, но почти не бывал in суше. Он свел знакомство, шапочное по крайней мере, с большим числом офицеров нашего флота, чем доводится свести любому морскому министру. Он сказал мне раз со своей степенной улыбкой, что, наверно, никто в мире не ведет такой методический образ жизни, как он. «Вы слыхали, наверно, как ваши друзья называют

меня Железной маской[13], а ведь Железная маска был занятым человеком». Он сказал, что, по его мнению, читать беспрерывно так же дурно, как отдаваться беспрерывно любому другому занятию, но что он читает пять часов в день. «Затем, — сказал он, — я посвящаю время своим тетрадям, записываю мысли, возникающие у меня в связи с прочитанным, потом я вожусь с альбомами». Его альбомы были очень интересны. У него было их семь или восемь штук, по разным предметам. Я помню, один был отведен истории, другой естественным наукам, был также альбом, называвшийся «Всякая всячина». Основной материал альбома составляли вырезки из газет, но это было не все. Там были засушенные растения, раковины, укрепленные на отдельных листах, резное дерево, и кость, и множество прекрасных рисунков. Он великолепно рисовал. Там были самые забавные рисунки и самые трогательные рисунки, какие мне приходилось когда-либо видеть. Интересно, кому теперь достанутся альбомы Нолана!

Итак, он сказал мне, что чтение и записи составляют его основное занятие и что они отнимают

[13] Примечания: 13

Железная маска — легендарный узник Бастилии, которого заставляли постоянно носить маску.

у него ежедневно семь часов. «Каждый человек ищет помимо занятия какого-либо развлечения, — продолжал он; — мое развлечение — мир природы». Этому он отдавал еще два часа. Команда носила ему птиц и морских животных. Но в дальнем плавании ему приходилось ограничивать свои наблюдения сороконожками, тараканами и тому подобной мелкотой. Он был единственным из натуралистов, встречавшихся мне, кто знал в мельчайших деталях повадки москита или домашней мухи.

Таким образом, эти девять занятых часов составляли основное времяпрепровождение Нолана. Остальные часы он беседовал с кем-нибудь или прогуливался по палубе. До самой старости он много ходил. Он придавал большое значение моциону, и я не слыхал, чтобы он когда-либо был болен. Если кто-нибудь другой болел, нельзя было найти более внимательной сиделки; кроме того, он разбирался в медицине много лучше, чем большинство судовых докторов.

Я познакомился с Филиппом Ноланом, когда молоденьким мичманом был впервые назначен на корабль. Это было через шесть или восемь лет после Английской войны. Это было также после

подписания договора о работорговле [14], и наша законодательная палата принимала кое-где кое-какие меры борьбы с гнусной перевозкой негров. С такого рода поручением мы отплыли в южную часть Атлантического океана. Увидев на корабле Нолана, я решил, что это должен быть капеллан[15], особого рода капеллан, в форменном платье. Я никого не спрашивал. Я знал, что задавать вопросы — значит показать себя новичком. Я вполне допускал, что «Штатские пуговицы» имеются на каждом корабле. Раз в неделю я встречал его за обедом, и в этот день за столом прекращались всякие разговоры о родине. Я принимал и это как должное. Я не проявил бы, вероятно, удивления, если бы по определенным дням нам запрещалось говорить, скажем, о планете Марс. Я не видел тогда равным образом основания для тысячи вещей, которые выполнялись на корабле как само собой разумеющиеся.

Впервые я узнал о Человеке без родины, когда мы захватили грязную маленькую шхуну,

---

[14] Примечания: 14

Речь идет о *Гентском договоре*, заключенном США с Англией после войны 1812–1814 годов, но которому американское правительство обязалось преследовать торговлю рабами, похищенными на африканском побережье.

[15] Примечания: 15

Капеллан — священник.

перевозившую живой товар. Офицер, отправленный принять над ней — командование, прислал немедленно лодку с просьбой отправить к нему человека, говорящего по-португальски. Мы все стояли у поручней и страстно жалели, что не знаем португальского и не можем поехать на шхуну. Капитан спросил, кто знает португальский язык. Никто из офицеров не знал, и капитан уже намеревался опросить команду, когда Нолан выступил вперед и сказал, что если капитан ничего не имеет против, он был бы рад быть полезным. Капитан поблагодарил его и приказал спустить другую шлюпку, которую — о, удача! — повел я.

На шхуне нас ожидало зрелище, какое редко приходится наблюдать и которое я не желал бы увидеть еще раз. Непередаваемая мерзкая грязь и сумасшедший хаос. Негров было не очень много. Чтобы дать им понять, что они свободны, Воган приказал сбить с них кандалы и, кстати, заковать мерзавцев из команды шхуны. Негры сновали взад-вперед по грязной палубе и толпились вокруг Вогана, обращаясь к нему на всех языках и диалектах — от щелкающих Зулусских говоров до фантастичнейших негритянских наречий.

Когда мы появились на палубе, Воган воззрился на нас с бочонка, куда он в отчаянии залез, и

сказал:

— Ради всего святого, пусть кто-нибудь из вас сговорится с этими чертями. Мы угостили их ромом, но это их ничуть не успокоило. Я уже два раза стукнул этого парня, и он нисколько не утихомирился. Я обращался к ним на чоктоуском наречии, и пусть меня повесят, если они поняли, что я хочу, чтобы они меня оставили на минуту в покое.

Нолан сказал, что он владеет португальским, и из толпы извлекли двух красивых либерийцев, которые работали у португальцев на побережье Фернандо-По.

— Скажите им, что они свободны, — сказал Воган. — Еще скажите, что мы повесим этих проходимцев, как только обзаведемся веревкой.

Нолан перевел, то есть он передал это на том подобии португальского, которое было доступно либерийцам; они же, в свою очередь, поделились с теми неграми, которые могли сговориться с ними. Тут началось неслыханное ликование, вопли, пляски, вздымание кулаков, целование ног у Нолана и общее поклонение Вогану, который стоял

на бочонке — настоящий deus ex machina[16].

— Скажите им, — продолжал Воган, видимо тронутый, — что я отвезу их к мысу Пальма.

Это заявление не встретило одобрения. Мыс Пальма был так далек от их родных мест, что они не могли оттуда никоим образом вернуться домой. С тем же успехом Воган мог везти их в Новый Орлеан или в Рио-де-Жанейро. Их переводчики сразу сказали: «Ах нет, не к Пальма!» — и стали предлагать наперебой тысячу других мест на тысяче разных языков. Воган был несколько разочарован малым успехом своей декларации и нетерпеливо спросил Нолана, чего негры хотят. Нолан с трудом заставил толпу дать ему говорить. Он побледнел, крупные капли пота выступили у него на лбу.

— Они говорят: «Не к Пальма!» Они говорят: «Отвезите нас домой, на нашу милую родину, к нашему дому, отвезите нас к нашим женам и детям». Вот этот говорит, что у него, остались дома старики — мать и отец и что они умрут с горя, если он не вернется. А этот говорит, что в их деревне все больны и что он ехал на лодке в

[16] Примечания: 16

Deus Ex machina — буквально: «бог из машины» (*лат.*). В античном театре боги неожиданно спускались на сцену с помощью механического приспособления и разрешали запутанный драматический конфликт.

Фернандо за белым доктором, когда его захватили в плен эти дьяволы, и что он полон тревоги за своих соплеменников. А этот, — Нолан задохнулся, — говорит, что он уже шесть месяцев ничего не слыхал о родине, с тех пор как он попал на эту проклятую шхуну.

Воган говорил после, что он поседел за эти пять минут, пока Нолан, запинаясь и тяжело переводя дыхание, делал свой перевод. Я, не имевший понятия, что происходит, вдруг почувствовал, что самый воздух вдруг накалился и близится нечто ужасное. Даже негры смолкли, увидев невыносимое страдание на лице Нолана и мучительное смущение Вогана.

Воган сказал:

— Передайте им, что я отвезу их домой. Да, да, да! Я отвезу их домой, хотя бы мне пришлось пересечь на шхуне пустыню Сахару.

Нолан сообщил неграм решение Вогана. Поднялась новая волна ликования; негры бросились целовать ноги. Один из них непременно желал потереться с Воганом носами.

Силы Нолана подходили к концу. Он распрощался с Воганом, и мы спустились в шлюпку. Когда мы уселись на корме и люди подняли весла, он сказал мне:

— Юноша, пусть это научит вас, что значит не иметь семьи, не иметь дома, не иметь родины. Если вам когда-нибудь придет в голову сказать слово или совершить поступок, который может оторвать вас от семьи, от дома, от родины, молите бога, чтобы он в это мгновение отнял у вас жизнь. Люби свою семью, мальчик, забудь о себе, отдай семье свои заботы. Думай о своем доме, мальчик, пиши домой, вспоминай его ежечасно, пусть он будет тем ближе твоим мыслям, чем дальше от него тебя уносит судьба; спеши домой, когда придет час, как спешат эти бедняги негры. Что же до родины, мальчик, — его голос задрожал, — и до этого флага, — он указал на корабль, — пусть будет у тебя только одна горделивая мечта: служить им до последнего дыхания, хотя бы пришлось пройти тысячу раз через самый ад. Что бы ни случилось с тобой, кто бы ни льстил тебе, кто бы ни оскорблял тебя, никогда не гляди на другой флаг, посвяти все помыслы своему флагу. Помни, мальчик, что за всеми этими людьми, за офицерами, за правительством, за самим народом стоит Родина, твоя Родина, и ты принадлежишь ей так же, как принадлежишь своей-матери. Стой за нее, мальчик, как ты стоял бы за свою мать, если бы на нее напали сегодня эти разбойники!

Я был перепуган сдержанной страстностью этой речи. Я пробормотал, что конечно, все это выполню, что я никогда не думал об этом. Он, казалось, не слышал меня. Он сказал почти шопотом:

— О, если бы кто-нибудь сказал мне это, когда я был молод!

Мне кажется, что это происшествие, о котором я никому не заикнулся, положило начало нашей дружбе. Он был очень добр ко мне. Мы часто беседовали с ним; бывало он вставал ночью, чтобы провести со мною мою вахту. Он привил мне вкус к математике, большей частью своих математических познаний я обязан Нолану. Он давал мне читать книги и помогал разбираться в них. Он больше никогда не возвращался к своей истории; то, что я рассказываю здесь, я узнал за тридцать лет от различных офицеров.

Когда мы расстались по окончании плавания, в Сент-Томасе, я был сильно опечален. Я был очень рад, когда встретился с ним снова в 1830 году. Позднее, когда я стал пользоваться некоторым влиянием в Вашингтоне, я использовал все свои связи, чтобы добиться его освобождения. Но с тем же успехом я мог бы хлопотать о призраке. В министерстве утверждали, что знать не знают

никакого Нолана. Пойдите к ним теперь, они вам ответят то же самое. Возможно, что они в самом деле не знают. Это будет не первая и не последняя вещь, о которой им следовало бы знать и о которой они не знают.

Рассказывают, будто Нолан как-то встретился с Барром, который якобы посетил корабль в одном из средиземноморских портов с группой путешествующих американцев. Я думаю, что это басня или, точнее, легенда ben trovato[17], ибо рассказывающие ее обычно упоминают, как Нолан, проклиная Барра, спросил его, нравится ли ему быть Человеком без родины[18]. Насколько нам известно из биографии Барра, такого эпизода в его жизни не было. Я упоминаю эту историю просто для того, чтобы показать, как вокруг всякого необычного происшествия рождаются слухи и легенды.

Итак, злосчастное пожелание бедного Нолана было исполнено. Я знаю лишь одну судьбу злее этой. Это судьба тех, кто вынужден был покинуть свою страну, ибо умышлял ее погибель, и должен

---

[17] Примечания: 17

Ben trovato — хорошо придумано (из итальянской поговорки).

[18] Примечания: 18

После суда *Барр* вынужден был уехать из США и жил долгое время в Европе.

теперь наблюдать, как страна, освободившая себя от них и их предательских замыслов, цветет и Завоевывает славу. Разве не было страшное пожелание бедного Нолана — мы называем его бедным не потому, что его наказание было чрезмерно велико, а потому, что раскаяние его было слишком очевидно — пожеланием каждого Брэгга и Борегара, изменившего присяге солдата два года назад, каждого Маури и Бэррона, изменившего тогда же присяге моряка. Я не знаю, раскаивались ли они в своем деянии. Я знаю, что они совершили все, что могли, чтобы лишить себя родины, чтобы разорвать в клочки и развеять по ветру все почести, воспоминания и надежды, связываемые с именем родины. Они осуждены теперь влачить оставшиеся дни своей жизни по всяким Болоньям и Лейстер-скверам, цепляясь друг за друга, и назначенная им кара включит не только муки Нолана, но презрение и ненависть каждого, с кем столкнет их судьба. Они этого пожелали, и пожелание их исполнено.

В то время как, написав все это, я обдумывал, не стоит ли мне предать мой рассказ гласности в поучение всем юным Ноланам наших дней, я получил письмо от Дэнфорса с борта «Леванта», посвященное последним часам Нолана. Оно раз-

решило мои сомнения.

Вот это письмо:

«Левант» 2º 2» С 131° W

Дорогой Фред,

Я стараюсь найти в себе силы, чтобы сообщить тебе, что бедного Нолана уже нет в живых. Я сблизился с ним в это плавание более, чем когда-либо, и вполне оценил твое теплое отношение к старику. Я замечал, что его здоровье пошатнулось, но мне не приходило в голову, что близится конец. Доктор последнее время постоянно держал его под наблюдением. Вчера он пришел ко мне и сказал, что Нолан болен и лежит в каюте, — а этого с ним не случалось, сколько я его помню. Он позволил доктору осмотреть себя, — в первый раз он пустил его к себе в каюту, — и просил его позвать меня. Силы небесные! — помнишь, какие дикие выдумки мы сочиняли о нем и о его каюте в старые дни на «Инпернпеде»? Так вот, я вошел в его каюту. Старик лежал на своей койке, улыбаясь, и протягивал мне исхудалую руку. Я огляделся вокруг, — каюта походила на святилище. Звезды и Полосы[19] были трижды обвиты вокруг портрета Вашингтона. Старик

---

[19] Примечания: 19

Принятое название американского флага.

перехватил мой взгляд и сказал, слабо улыбаясь: «Вы видите, здесь у меня родина!» И он указал на стену в ногах койки, где висела нарисованная им по памяти карта Соединенных штатов, которую он всегда имел перед глазами. На ней были сделаны большими буквами странные надписи, от которых пахнуло давно минувшим. Территория Индиана, Территория Миссисипи, Территория Луизиана. Наши отцы, нужно думать, учились по такой карте.

— Дэнфорс, — сказал он, — я умираю. Я уже не вернусь на родину. Теперь вы можете говорить со мной об этом, не правда ли? Но молчите! Молчите! Сперва я должен сказать вам, вы это и так знаете, что на всем этом корабле, во всей нашей стране — да благословит ее бог! — нет более преданного родине сына, чем я. Нет другого человека, который любит каш дорогой флаг, как я его люблю, молится за него, как я молюсь, верит в него, как я верю. Дэнфорс, на нем сейчас тридцать четыре звезды. Я благодарю за это небо. Это вселяет в меня уверенность, что ни один Барр не добился успеха. О, Дэнфорс, Дэнфорс, каким страшным кошмаром кажутся эти мальчишеские бредни о личной славе, о личной власти, когда человек прожил такую жизнь, какая досталась мне! Но

расскажите мне, расскажите мне что-нибудь, расскажите мне все, Дэнфорс, пока я не покончил счеты с жизнью.

Клянусь тебе, Ингэм, я почувствовал себя негодяем, что молчал перед ним все эти годы. Какие соображения щепетильности, какая боязнь риска могла меня заставить тиранить этого седоволосого мученика, искупившего всей своей жизнью бесчестный проступок молодости!

— Мистер Нолан, — сказал я, — я расскажу вам все, что вы захотите. Скажите только, с чего мне начать.

Его бледное лицо осветилось улыбкой блаженства. Он сжал мне руку и сказал:

— Да благословит вас бог! Назовите мне их имена, — и указал на звезды на флаге. — Последний, о котором мне пришлось узнать, был, Огайо. Мой отец жил в Кентукки. Я догадываюсь о Мичигане, Миссисипи и Индиане; Миссисипи должен лежать там, где находится форт Адамс. Вместе это составляет двадцать. Где же остальные четырнадцать? Уже не вздумали ли разделить старые штаты?[20]

---

[20] Примечания: 20

В первой половине XIX века США значительно расширили свою территорию, а также освоили ряд областей, до тех пор мало населенных. Число штатов увеличилось.

Мне легко было начать разговор с этой темы. Я назвал ему имена новых штатов по порядку, как сумел, и он попросил меня снять со стены его прекрасную карту и нанести на нее карандашом новые названия. Он был счастлив, когда я рассказал ему про Техас, сказал мне, что там умер его двоюродный брат; на карте был золотой крестик там, где была его могила. Он был очень доволен, узнав про Калифорнию и Орегон. Он сказал, что подозревал об этом, так как его никогда не пускали на берег на восточном побережье материка, хотя корабли стояли там подолгу. Потом он улегся поудобнее и, сияя счастьем, приготовился выслушать от меня часовой рассказ о событиях пятидесяти лет.

Как я хотел бы, чтобы на моем месте был действительно знающий человек! Я сделал все, что мог. Я рассказал об исходе Английской войны. Я рассказал о Фультоне[21] и первых пароходах. Я припомнил все, что мог о Миссисипи, о Новом Орлеане, о Техасе, о его родном Кентукки. И знаешь, что он тогда спросил? «Кто командует Западным легионом?» Я ответил, что командует

---

[21] Примечания: 21
Фультон — изобретатель парохода.

храбрый офицер по имени Грант[22] и что по последним сведениям он перенес свою штаб-квартиру в Виксбург. Тогда он попросил показать, где находится Виксбург. Я отметил на его карте. Это пришлось примерно на сто миль к северу от его форта Адамса, который, я думаю, представляет сейчас груду развалин.

— Это значит, на плантации старого Вика, — сказал он, — у Ореховых холмов. Да, это новость!

Поверь, Ингэм, было нелегко втиснуть историю половины столетия в беседу с больным человеком. Я уже не помню, как я все это ему рассказал. Я рассказал о передвижении населения на запад, о новых средствах транспорта — железных дорогах, о телеграфе, об изобретениях, о книгах, о новых колледжах, о Вест-пойнтской академии, о морской школе. Если бы ты слыхал его реплики! Это был новый Робинзон Крузо, задававший вопросы, накопившиеся за пятьдесят шесть лет.

Внезапно он спросил, кто сейчас президент. Когда я ответил, он спросил, не приходится ли

[22] Примечания: 22

Улисс Грант — знаменитый генерал армии северян в гражданскую войну. Весной 1863 года он осадил и взял Виксбург, одержав крупную победу над южанами.

Старый Эйб[23] сыном генералу Бенджамену Линкольну. Он сказал, что видел генерала Линкольна, когда еще был мальчишкой, при заключении какого-то договора с индейцами. Я сказал, что нет, что Старый Эйб природный кентуккиец, как и сам Нолан, и что он вышел из народа.

— Вот это хорошо! — воскликнул Нолан. — Это меня радует. Раздумывая все эти годы, я пришел к мысли, что, в постоянной власти людей из родовитых семейств кроется опасность для страны.

Потом я рассказал ему о своей поездке в Вашингтон, рассказал про новые научные учреждения и про исследовательские экспедиции. Я рассказал ему, как выглядит здание правительства, описал его архитектуру и скульптуру на фронтоне. Я рассказал ему обо всем, Ингэм, что могло дать ему понятие о великолепном расцвете нашей — его и моей — родины, но у меня, Ингэм, не повернулся язык сказать ему, о проклятом мятеже[24].

Он упивался моим рассказом, трудно передать его наслаждение. Он привлек меня к себе, поцеловал и сказал на прощанье:

— Когда я умру, Дэнфорс, загляните в мою биб-

---

[23] Примечания: 23
Старым Эйбом называли президента Линкольна.

[24] Примечания: 24
Речь идет о мятеже южных рабовладельцев.

лию.

Я ушел.

Я не думал, что это уже конец. Я думал, что он утомился и хочет уснуть. Я знал, что он счастлив, и хотел оставить его одного.

Но через час доктор вошел в его каюту и нашел его мертвым. На лице Нолана застыла улыбка.

Мы открыли его библию; там лежал клочок бумаги, на котором рукою Нолана было написано следующее:

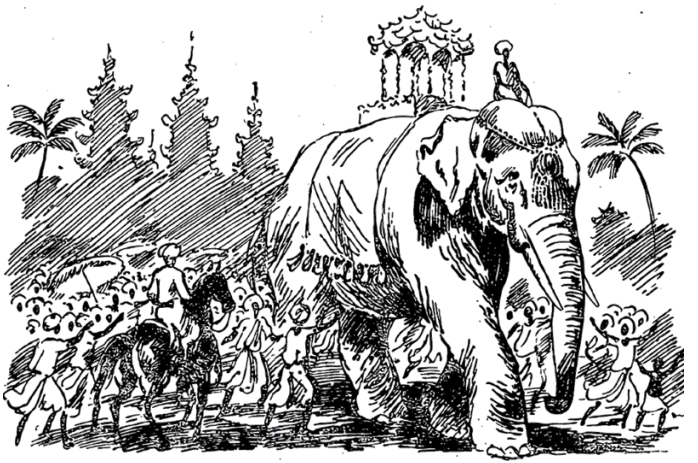
«Похороните меня в море. Море стало моим домом, и я полюбил его. Но не возьмется ли кто воздвигнуть камень в память обо мне в форте Адамсе [или в Орлеане, чтобы j позор, выпавший на мою долю, не был бы больше, чем я того заслужил. Пусть на этом камне будет написано:

В ПАМЯТЬ
О ФИЛИППЕ НОЛАНЕ,
лейтенанте армии Соединенных штатов.
Он любил свою родину, как никто другой,
он был недостойнейшим из ее сынов».

Марк Твен
Похищение белого слона

(Не пошло в книгу «Простаки за границей», так как издатель опасался, что некоторые подробности этого рассказа преувеличены, а другие просто не соответствуют истине. Необоснованность этих подозрений удалось доказать, когда рукопись уже пошла в набор. — М. Т.)

I

Следующую любопытную историю я услышал от одного случайного попутчика в поезде. Добродушная, кроткая физиономия этого джентльмена, которому уже было за семьдесят, и солидное, простое обхождение налагали печать непререкаемой истины на каждое слово, исходившее из его

уст. Вот что он рассказал мне:

Вам, наверное, известно, как почитают в Сиаме белого слона. Вы знаете также, что владеть им может только король — это его священная собственность — и что в известной степени белый слои стоит выше короля, ибо ему воздается не только почет, но и благоговейное поклонение. Так вот. Пять лет тому назад между Великобританией и Сиамом возникли недоразумения по поводу пограничной линии, и, как сразу же выяснилось, Сиам был неправ. Англия незамедлительно получила следуемое ей удовлетворение, и ее представитель в Сиаме заявил, что, будучи вполне доволен исходом переговоров, он рекомендует предать недавние события забвению. Сиамский король облегченно вздохнул и, отчасти в знак признательности, а отчасти, может быть, для того, чтобы в Англии не осталось и тени недовольства им, решил преподнести королеве подарок — ведь на Востоке не знают более верного способа умилостивить врага. Подарку надлежало быть поистине царским. А какое подношение более всего могло соответствовать этому требованию, как не белый слон? Я занимал тогда видный пост на гражданской службе в Индии и был сочтен наиболее достойным че-

сти доставить этот дар ее величеству. Для меня самого и для моих слуг, для военной охраны и целого штата, приставленного к белому слону, был зафрахтован корабль, и, прибыв в положенное время в нью-йоркскую гавань, я водворил своего подопечного вельможу в прекрасное помещение в Джерси-сити. Эта остановка была необходима, ибо прежде, чем пускаться в дальнейший путь, слона следовало подлечить.

Первые две недели все шло прекрасно, а потом начались мои бедствия. Белого слона похитили! Глубокой ночью мне позвонили по телефону и сообщили об этом страшном происшествии. Несколько минут я был вне себя от ужаса и огорчения; я чувствовал полную беспомощность. Потом немного успокоился и собрался с мыслями. Мне стало ясно, что надо предпринять, и каждый разумный человек сделал бы на моем месте то же самое. Несмотря на поздний час, я немедленно выехал в Нью-Йорк и, обратившись к первому попавшемуся полисмену, попросил его проводить меня в главное управление сыскной полиции. К счастью, я поспел туда во-время: начальник полиции, знаменитый инспектор Блант, уже собирался уходить домой. Инспектор, оказался человеком среднего роста и плотного

сложения; когда ему случалось задумываться над чем-нибудь, он хмурил брови и глубокомысленно постукивал себя указательным пальцем по лбу, и это сразу же вселяло в вас уверенность, что вы имеете дело с незаурядной личностью. Я только взглянул на него и, немедленно почувствовав к нему доверие, загорелся надеждой. Я изложил инспектору суть дела. Мои слова ни в коей мере не поколебали его железного самообладания, они произвели на него примерно такое же впечатление, как если бы я сообщил ему о пропаже собачки. Он знаком предложил мне сесть и сказал:

— Разрешите минутку подумать.

С этими словами инспектор сел за свой письменный стол и склонил голову на руки. В другом конце комнаты работали клерки; следующие шесть-семь минут я не слышал ничего, кроме скрипа их перьев. Инспектор сидел, погруженный в глубокие думы. Наконец он поднял голову, и твердое, решительное выражение его лица сразу же показало мне, что мозг этого человека поработал не зря и уже успел составить план действий. Он начал негромким, но внушительным голосом:

— Да, это не совсем обычный случай. Надо дей-

ствовать осмотрительно, надо быть уверенным в каждом своем шаге, прежде чем решаться на дальнейшее. И тайна, глубочайшая, абсолютная «тайна! Никому не рассказывайте о случившемся, даже репортерам. Предоставьте их мне. Они узнают только то, о; чем я сочту нужным Сообщить.

Он позвонил; появился молодой человек.

— Элрик, пусть репортеры подождут.

Молодой человек удалился.

— А теперь приступим к делу — и приступим методически. В нашем ремесле все построено на точности и скрупулезности метода.

Он взял перо и лист бумаги.

— Ну-с, так. Имя слона?

— Гассан-Бен-Али-Бен-Селим-Абдалла-Магомет-Моисей-Алхамалл-Джемсетджеджибой-Дулип султан Эбу-Будпур.

— Прекрасно. Уменьшительное?

— Джумбо.

— Прекрасно. Место рождения?

— Столица Сиама.

— Родители живы?

— Нет, умерли.

— Другие отпрыски имеются?

— Нет, он был единственным ребенком.

— Прекрасно. По этим пунктам сведений до-

статочно.

Теперь будьте добры описать (внешность (слона, не оставляя без внимания ни одной подробности, даже самой незначительной, то есть (незначительной с вашей точки зрения. Для человека моей профессии незначительных подробностей нет.

Я исполнил просьбу инспектора; он записывал все с моих слов. Когда я кончил, он сказал:

— Теперь слушайте. Если тут допущена малейшая неточность, поправьте меня.

Он прочел следующее:

— «Рост 19 футов; длина от темени до начала хвоста 26 футов; длина хобота 16 футов; длина хвоста 6 футов; общая длина туловища, включая хобот и хвост, 48 футов; длина клыков 9 ½ футов; уши в соответствии с общими размерами; отпечаток ноги похож на след от бочонка, если его поставить стоймя в снег; цвет слона грязно-белый; в каждом ухе имеет по одному отверстию для серег размером с блюдце и обладает привычкой поливать зрителей водой, а также колотить хоботом не только знакомых, но и незнакомых; слегка прихрамывает на правую заднюю ногу и имеет небольшой рубец под левой подмышкой — след зажившего нарыва; в момент похищения

имел на спине башню с сидячими местами на пятнадцать персон и чепрак из золотой парчи размера обыкновенного ковра».

Никаких неточностей я не обнаружил. Инспектор позвонил, отдал это описание Элрику и сказал:

— Немедленно напечатать в пятидесяти тысячах экземпляров и разослать во все имеющиеся в стране сыскные отделения и ссудные кассы.

Элрик удалился.

— Ну-с, так. Пока все идет прекрасно. Теперь мне нужен фотографический снимок вашей движимости.

Я дал ему фотографию. Он посмотрел на нее критическим оком и сказал:

— Если лучшей нет, сойдет и эта! Только тут он подогнул хобот и забрал его в рот. Очень жаль! Это рассчитано на то, чтобы сбить с толку. Ведь вряд ли ваш слон всегда держит хобот в таком положении. — Он позвонил. — Элрик, размножить этот снимок в пятидесяти тысячах экземпляров и разослать вместе с описанием примет.

Элрик удалился выполнять приказ. Инспектор сказал:

— Теперь, как водится, надо назначить вознаграждение. Ну-с, назовите сумму.

— А сколько вы посоветуете?

— Я бы начал… ну, скажем, с двадцати пяти тысяч долларов. Дело крайне трудное и путаное.

Воры найдут множество способов скрыться и спрятать свою добычу. У них повсюду есть соучастники и подручные…

— Боже милостивый! Так бы их знаете?

Настороженное выражение лица этого человека, привыкшего таить свои мысли и чувства, и его спокойный ответ не дали мне проникнуть в истину.

— Это не суть важно. Может быть, знаю, а может быть, и нет. Наши подозрения обычно строятся на данных о манере работы грабителя и о размерах его поживы. Можно твердо сказать, что на сей раз мы имеем дело не с карманником и вообще не с мелким воришкой. Тут орудовал не новичок. Поэтому, принимая во внимание все вышесказанное и учитывая предстоящие большие разъезды и тщательность, с которой воры будут заметать свои следы, двадцати пяти тысяч, пожалуй, окажется маловато. Впрочем, думаю, что для начала этого хватит.

Итак, мы решили начать с двадцати пяти тысяч. Потом этот человек, от внимания которого не ускользала ни одна мелочь, если она хотя бы в какой-то мере могла служить ключом к разгадке преступления, сказал:

— История сыска знает немало таких случаев,

когда преступника изобличал его же собственный аппетит. Теперь расскажите мне, что ваш слон ест и в каком количестве.

— Ну, если говорить о том, что он ест, так он ест решительно все. Он способен сожрать человека, сожрать библию. Одним словом, он ест все, начиная с человека и кончая библией.

— Хорошо, превосходно. По это слишком общее указание. Мне нужны подробности — в нашем ремесле больше всего ценятся подробности. Вы говорите, он любит человечину: так вот, сколько человек он может съесть за один присест или, если угодно, за один день — я имею в виду в свежем виде?

— А ему овсе равно, в каком они будут виде — свежие или нет. За один присест он может съесть пять человек среднего роста.

— Прекрасно! Пять человек — так и запишем. Какие национальности ему больше по вкусу?

— Любые, он не привередливый. Предпочитает знакомых, но не брезгует и посторонними людьми.

— Прекрасно! Теперь перейдем к библиям. Сколько библий он может съесть за один присест?

— Весь тираж целиком.

— Это слишком неопределенно. Какое издание вы имеете в виду — обычное, in octavo, или иллюстрированное, для семейного чтения?

— По-моему, он равнодушен к иллюстрациям, то есть ему все равно, что картинки, что текст.

— Нет, ивы меня не так поняли. Я интересуюсь размерами. Обычное издание, in octavo, весит около двух с половиной фунтов, а большое, in quarto, с иллюстрациями — от десяти до двенадцати. Сколько библий с иллюстрациями Дорэ он съедает за один присест?

— Если бы вы знали этого слона лично, вам не пришло бы в голову об этом спрашивать. Ему только дай — он все сожрет.

— Тогда переведем на доллары и центы. Этот вопрос надо уточнить. Библия с иллюстрациями Дорэ, в сафьяновом переплете и с серебряными наугольниками стоит около ста долларов.

— Таких он съест тысяч на пятьдесят, то есть тираж в пятьсот экземпляров.

— Ну вот, это уже более или менее определенно. Сейчас Запишем. Прекрасно! Любит человечину и библии. Так. Что он еще ест? Я должен знать все до последней мелочи.

— Наевшись библий, он перейдет к кирпичам; наевшись кирпичей, он перейдет к бутылкам; на-

евшись бутылок, перейдет к тряпкам; наевшись тряпок, перейдет к кошкам; наевшись кошек, перейдет к устрицам; наевшись устриц, перейдет к ветчине; наевшись ветчины, перейдет к сахару; наевшись сахара, перейдет к пирогам; наевшись пирогов, перейдет к картошке; наевшись картошки, перейдет к отрубям; наевшись отрубей, перейдет к сену; наевшись сена, перейдет к овсу; наевшись овса, перейдет к рису — рисом его вскармливали с детских лет. Точнее говоря, нет такой вещи в мире, которую он отказался бы съесть, за исключением сливочного масла: его в Сиаме не производят.

— Прекрасно! Общее количество потребляемого за один присест — приблизительно?..

— От двух с половиной центнеров до полутонны.

— А пьет он?

— Любое жидкое тело: молоко, воду, виски, патоку, касторку, скипидар, карболовую кислоту. Дальнейшее уточнение, по-моему, излишне. Можете внести в список любую жидкость, какая вам придет в голову. Он пьет все, что подходит под это определение, кроме кофе, которого в Сиаме нет.

— Прекрасно! В количестве?

— Пишите: от пяти до пятнадцати бочек — в

зависимости от степени жажды. Что касается аппетита, то он неизменен.

— Случай действительно не совсем обычный. Тем легче будет выследить его.

Он позвонил.

— Элрик, вызовите ко мне капитана Бернса.

Вскоре появился Бернс.

Инспектор Блант изложил ему дело во всех подробностях. Потом сказал голосом ясным и твердым, как подобает человеку, который пришел к определенному решению и который привык распоряжаться:

— Капитан Бернс, командируйте сыщиков Джонса, Дэвиса, Хэллси, Бэйтса и Хэккета на розыски слона.

— Слушаю, сэр.

— Командируйте сыщиков Мозеса, Дэкина, Мерфи, Роджерса, Таппера, Хиггинса и Бартоломью на розыски воров.

— Слушаю, сэр.

— В то помещение, откуда слон был похищен, поставьте сильную охрану из тридцати самых падежных агентов и выделите им на смену еще тридцать человек. Пусть несут караул день и ночь; без моего письменного разрешения никого не пускать туда, кроме репортеров.

— Слушаю, сэр.

— Вышлите сыщиков в штатском на все железнодорожные и речные вокзалы, паромы и шоссейные дороги, идущие от Джерси-сити. Всех подозрительных личностей Подвергать обыску.

— Слушаю, сэр.

— Раздайте сыщикам фотографии с подробным описанием слона и распорядитесь, чтобы они производили обыски в каждом поезде, на каждом пароме и на всех прочих судах.

— Слушаю, сэр.

— Если слон будет обнаружен, пусть хватают его и дают мне знать об этом телеграммой.

— Слушаю, сэр.

— В случае если кто-нибудь из них обнаружит ключ к разгадке преступления — следы животного или что-либо в этом же роде, (пусть извещают меня немедленно.

— Слушаю, сэр.

— Распорядитесь, чтобы полиция охраняла все набережные.

— Слушаю, сэр.

— Разошлите сыщиков в штатском по всем железнодорожным линиям — к северу до Канады, к западу до Огайо, к югу до Вашингтона.

— Слушаю, сэр.

— Посадите наших агентов во все телеграфные конторы, пусть перлюстрируют каждую телеграмму и требуют расшифровки зашифрованных депеш.

— Слушаю, сэр.

— Все эти мероприятия должны проводиться в тайне, подчеркиваю: в строжайшей тайне.

— Слушаю, сэр.

— С рапортом являйтесь прямо ко мне в обычное время.

— Слушаю, сэр.

— Ступайте!

— Слушаю, сэр.

Он вышел.

Минуту инспектор Блант задумчиво молчал, и огонь, горевший в его глазах, потускнел и, угас. Потом он повернулся ко мне и сказал) спокойным, ровным голосом:

— Хвалиться я не люблю, это не в моих привычках, но слона, мы найдем.

Я горячо пожал ему руку и поблагодарил его — поблагодарил от всего сердца. Чем дальше, тем все больше и больше (нравился доне этот человек, и тем сильнее я дивился тайнам и чудесам его профессии. Расставшись с ним, я отправился к — себе в гостиницу, и сердце у меня билось гораз-

до спокойнее, чем в те минуты, когда я шел сюда.

II

На следующее утро все газеты были полны подробнейшими описаниями моего дела. Не было недостатка и в некоторых дополнительных материалах, а именно в изложении «версий» сыщиков имярек касательно того, при каких обстоятельствах произошла кража, кто были воры и куда они скрылись со своей добычей. Таких версий насчитывалось одиннадцать, и они покрывали собой азсе возможные варианты похищения, что свидетельствовало о выдающейся оригинальности мышления сыщиков. Среди всех этих версий нельзя было найти даже двух схожих между собой; их объединяла лишь одна любопытная деталь, относительно которой все одиннадцать сыщиков придерживались единого мнения. Они утверждали, что хотя задняя стена сарая была проломлена, а единственная его дверь так и осталась на запоре, все же слона вывели из сарая не через пролом, а через какое-то другое (необнаруженное) отверстие. Воры проломили стену для того, чтобы направить сыщиков по ложному следу. Мне и другим непосвященным

лицам эта мысль никогда не пришла бы в голову, но сыщики не дали провести себя. Таким образом, в пункте, который на мой взгляд был единственно ясен и прост, я больше всего отклонялся от истины. Авторы одиннадцати версий называли предполагаемых воров, но среди названных имен не было и двух одинаковых; общее количество лиц, взятых на подозрение, равнялось тридцати семи. Газетные отчеты заканчивались суждение, самым веским из всех предыдущих. Оно принадлежало старшему инспектору Бланту. Привожу выдержку:

«Старший инспектор знает, что главарями этой шайки были Молодчик Даффи и Рыжий Макфэдден. О готовящемся покушении ему стало известно за десять дней, и он начал слежку за этими двумя известными преступниками.

К сожалению, в последнюю ночь следы их были утеряны, и птичка, то есть слон, упорхнула.

Даффи и Макфэдден славятся своей дерзостью. У инспектора есть все основания предполагать, что год назад именно они похитили в холодную зимнюю ночь печку из сыскного управления, вследствие чего сам инспектор и все сыщики очутились к утру в приемном покое, кто с обмороженными руками, кто с ногами, ушами, пальцами и тому

подобное».

Прочтя первую половину сообщения инспектора Бланта, я еще сильнее, чем прежде, был поражен непостижимой мудростью этого загадочного человека. Он не только ясно читал в настоящем, но проникал взглядом в будущее. Я немедленно отправился к нему в кабинет и сказал, что, по-моему, следовало арестовать этих людей заранее, не дожидаясь, когда они причинят столько хлопот и убытков. Но ответ инспектора был настолько прост, что я ничего не смог возразить ему:

— В наши обязанности не входит предупреждать преступление — мы только наказуем его. Карать преступников прежде времени не полагается.

Я высказал далее сожаление, что тайна, которой мы с самого же начала окружили свои действия, сведена на-нет газетами; они предали гласности не только самые факты, но и все наши планы и намерения и даже назвали по именам всех заподозренных лиц, которые теперь, без сомнения, примут меры, чтобы остаться неузнанными, или же постараются скрыться.

— Пусть. Когда ударит час, моя рука, как рука самой судьбы, настигнет их, где бы они ни пря-

тались. Скоро км придется убедиться в этом. Что касается газет, то мы должны поддерживать с ними связь. Известность, слава, постоянное упоминание наших имен в печати — хлеб насущный для нас, сыщиков. Мы должны давать прессе фактический материал, иначе подумают, что у нас его нет; мы должны публиковать — свои версии преступления, ибо на свете нет ничего более поразительного, чем домыслы сыщика, ничто другое не вызывает к нему такого интереса и уважения. Мы должны сообщать в прессу о своих планах, ибо газеты настаивают на этом, а отказать — значит обидеть. Читающая публика должна знать, что мы действуем, иначе у нее создастся впечатление, что мы сидим сложа руки. Гораздо приятнее прочесть в газете: «Остроумная и неожиданная версия, выдвинутая инспектором Блантом, заключается в следующем», чем давать повод для неприятных Или, что еще хуже, саркастических замечаний оно нашему адресу.

— Ваши доводы вполне убедительны. Но, читая сегодняшние газеты, я заметил, что по одному, правда второстепенному, пункту вы отказались высказаться.

— Да, мы всегда так делаем. Это производит хорошее впечатление. Кроме того, я еще не соста-

вил мнения по этому пункту.

Я вручил инспектору солидную сумму денег на текущие расходы и стал ждать сообщений о розысках. По нашим расчетам, первые телеграммы должны были поступить с минуты на минуту. Чтобы не терять даром времени, я снова перечитал газеты, а также описание слона и на этот раз Заметил, что вознаграждение в двадцать пять тысяч долларов предлагалось только сыщикам. Я сказал инспектору, что награду следовало бы предложить всем, кто сможет найти слона. Инспектор ответил:

— Слона найдут сыщики, поэтому вознаграждение достанется тем, кому следует. Если же ваше животное обнаружат посторонние лица, значит они (подглядывали за нашими агентами и воспользовались имевшимися у них в руках путеводными нитями и уликами, а это опять-таки дает право на получение денег только сыщикам. Такие вознаграждения должны поощрять наших работников, которые отдают делу все свое время и все свои знания, а не служить источником наживы для прочих граждан, натолкнувшихся на неожиданную находку волей случая и только.

Его рассуждения показались мне довольно разумным. В эту минуту застучал телеграфный

аппарат, стоявший в углу кабинета, (и мы прочли следующую телеграмму:

«Флауэр-Стэйшен, штат Нью-Йорк, 7 ч. 30 м.

Напал на след. Обнаружил глубокие отпечатки ног на дворе фермы. Шел по ним две мили ос востоку. Безрезультатно. Думаю, слон повернул к западу. Буду выслеживать его в этом направлении.

Сыщик Дарли»

— Дарли — один из наших лучших агентов, — сказал инспектор. — Подождите, скоро он опять даст о себе знать.

Пришла телеграмма № 2:

«Баркер, штат Нью-Джерси, 7 ч. 40 м.

Только что прибыл. Ночью разграблен стеклянный завод, похищено восемьсот бутылок. Большой водный резервуар находится в пяти милях от поселка. Направляюсь туда. Слону захочется пить. Бутылки были пустые.

Сыщик Бейкер»

— Многообещающее начало, — сказал инспектор. — Я же вам говорил, что аппетиты вашего слона дадут нам кое-какой материал в руки.

Телеграмма № 3:

«Тэйлорвиль, Лонг Айлэнд, 3 ч. 15 м.

За ночь исчез стог сена. Возможно, съеден. Напал на след, действую.

Сыщик Хабард»

— Какой он прыткий, ваш слон! — сказал инспектор. — Я знал, что нам предстоит нелегкая работа, но мы его все-таки поймаем!

«Флауэр-Стэйшен, штат Нью-Йорк, 9 ч.

Шел к западу три мили. Следы большие, глубокие, неровные по краям. Встретил фермера: утверждает, что это не слон. Говорит, что ямы остались с прошлой зимы, когда он выкапывал в мерзлом грунте молодые деревца. Жду дальнейших распоряжений.

Сыщик Дарли»

— Ага! Соучастник (грабителей! Становится жарко! — сказал инспектор.

Он продиктовал следующую телеграмму на имя Дарли:

«Арестуйте фермера, заставьте его выдать сообщников. Продолжайте итти (по следам, — если понадобится, до Тихого океана.

Старший инспектор Блант»

Следующая телеграмма:

«Кони-Пойнт, штат Пенсильвания, 8 ч. 45 м.

Ночью ограблена контора газового завода, похищены неоплаченные счета за три месяца. Напал на след, иду дальше.

Сыщик Мерфи»

— Силы небесные! — воскликнул инспектор. — Неужели он станет есть счета за гад?

— Только по неосведомленности. Они совершенно не питательны.

Вслед за этим пришла еще одна ошеломляющая телеграмма:

«Айронвиль, штат Нью-Йорк, 9 ч. 30 м.

Только что прибыл. В городе паника. В пять часов утра Здесь появился слон. Одни утверждают, что он отправился дальше к востоку, другие — что к западу, третьи — к северу, четвертые — к югу. Все так торопились, что не смогли установить этот факт точно. Слон убил лошадь. Кусок лошади приобщил в качестве вещественного доказательства. Животное убито при помощи хобота; судя по результатам, удар был нанесен слева направо. Осмотрев (положение трупа, полагаю, что слон пошел дальше к северу, на Беркли, вдоль полотна железной дороги. Имеет четыре с половиной часа фору. Отправляюсь по его следам немедленно.

Сыщик Хоуз»

Я радостно вскрикнул. Инспектор сидел невозмутимый, как идол. Он спокойно дотронулся до звонка.

— Элрик, вызовите капитана Бернса.

Бернс явился.

— Сколько у вас человек наготове?

— Девяносто шесть, сэр.

— Немедленно вышлите их к Айронвилю. Пусть станут вдоль железнодорожной линии на Беркли, к северу от города.

— Слушаю, сэр.

— Внушите им, что их передвижения должны сохраняться в строжайшей тайне. Освободившихся от дежурств не отпускайте, пусть ждут распоряжений.

— Слушаю, сэр.

— Можете итти.

— Слушаю, сэр.

Поступила еще одна телеграмма:

«Сэйдж-Корнерс, штат Нью-Йорк, 10 ч. 30 м.

Только что прибыл. Слон появился здесь в 8.15. Всем удалось покинуть город, кроме постового полисмена. Слон, повидимому, метил не в него, а в фонарный столб. Погибли оба. Кусок полисмена

приобщил в качестве вещественного доказательства

Сыщик Стамм»

— Итак, слон повернул в восточном направлении, — сказал инспектор. — Но ускользнуть ему не удастся — мои агенты расставлены в этом районе повсюду.

Следующая телеграмма гласила:

«Гловер, 11 ч. 15 м.

Только что прибыл. Поселок обезлюдел. Остались одни больные и старики. Слон появился здесь три четверти часа назад, как раз во время заседания Лиги противников трезвости. Просунул хобот в окно и залил помещение водой, набранной в цистерне. Некоторые наглотались — исход смертельный; есть утонувшие. Сыщики Кросс и О'Шонисси проследовали через поселок в южном направлении, почему и разминулись со слоном. Весь район на много миль в окружности повергнут в панику, люди покидают дома. Но слон настигает их всюду. Много убитых.

Сыщик Брант»

Я готов был зарыдать, так меня расстроили эти бедствия. Но инспектор ограничился следующими словами:

— Вот видите, мы его окружаем. Он это почувствовал и опять свернул на восток.

Однако это грустное сообщение было не последним. Скоро телеграф принес следующую весть:

«Хогенпорт, 12 ч. 19 м.

Только что прибыл. Слон прошел здесь полчаса назад, сея повсеместный ужас и смятение. Свирепствовал на улицах; из двух попавшихся ему водопроводчиков один убит, другой спасся. Всеобщее сожаление.

Сыщик О'Флаэрти»

— Его окружили со всех сторон, — сказал инспектор. —

Теперь ему ничто не поможет.

Вслед за этим поступили телеграммы от сыщиков, которые, рассыпавшись по штатам Нью-Джерси и Пенсильвания, рыскали по следам слона полные надежд на успех, переходивших в твердую уверенность. Прочитав эти телеграммы, инспектор сказал:

— Самое лучшее было бы снестись с ними и послать их дальше, но это невозможно. Сыщик заходит на телеграф только для того, чтобы отправить свое донесение, а потом его не доищешься.

Мы прочли еще одну телеграмму:

«Бриджпорт, 12 ч. 15 м.

Барнум[25] *предлагает 4000 долларов в год за право использования слона в качестве подвижной рекламы до тех пор, пока он не будет изловлен сыщиками.*

Намерен оклеить его цирковыми афишами. Просит ответить без промедления.

Сыщик Боге»

— Какая нелепость! — воскликнул я.

— Вы совершенно правы, — сказал инспектор. — Повидимому, этот мистер Барнум считает себя большим хитрецом, но он плохо знает меня. Зато я его хорошо знаю.

И он продиктовал ответ на эту телеграмму:

«Барнуму отказать. 7000 или ничего.

Старший инспектор Блант»

— Вот так. Ответа долго ждать не придется. Мистер Барнум сидит сейчас не у себя дома, а на телеграфе. Это его обычная манера, когда [предвидится какое-нибудь выгодное дельце. Ровно черед три…

«Согласен.

---

[25] Примечания: 25

Барнум — известный цирковой антрепренер, поражавший американскую публику сенсациями.

П. Т. Барнум»

Таким известием прервал нашу беседу телеграфный аппарат.

Я только собирался высказать свое мнение по поводу этого странного эпизода, как следующая телеграмма направила мои мысли по совершенно новому и весьма грустному пути.

«Боливия, штат Нью-Йорк, 12 ч. 50 м.

Слон появился здесь с южной стороны и в 11 ч. 50 м. проследовал к лесу, разогнав попавшуюся навстречу похоронную процессию и уменьшив количество провожавших на две персоны. Местные жители дали по нему несколько залпов ид мелкокалиберной пушки и ударились в бегство. Сыщик Берк и нижеподписавшийся прибыли сюда с северной стороны с опозданием на десять минут и, приняв глубокие ямы в земле за отпечатки ног животного, потеряли много драгоценного времени. Однако нам удалось напасть на его следы, которые вели к лесу. Мы стали на четвереньки и, не отрывая глаз от земли, чтобы не потерять след, добрались до кустарника. Берк полз первым. К несчастью, животное остановилось в кустах на отдых, и Берк, поглощенный рассматриванием следов, ткнулся головой прямо в задние ноги

слона, не подозревая, что тот находится так близко. Впрочем, он сейчас же вскочил, ухватился за хвост животного и воскликнул ликующим голосом: «Вознаграждение за ми…» Но кончить ему не удалось, ибо слону было достаточно одного удара хоботом, чтобы отправить храбреца на тот свет. Я побежал назад, но слон повернулся и с невероятной быстротой погнал меня к опушке леса. Моя гибель была неизбежна, но, к счастью, на дороге опять появились остатки разогнанной похоронной процессии, которые и отвлекли его внимание. Только что узнал, что от покойника ничего не осталось. Потеря небольшая, ибо сейчас этого добра Здесь более чем достаточно. Слон снова исчез.

Сыщик Малруни»

Некоторое время мы не получали никаких новых известий, если не считать донесений прилежных и обстоятельных сыщиков, действовавших в Нью-Джерси, Пенсильвании, Делавере и Вирджинии и то и дело натыкавшихся на свежие и бесспорные следы. А потом, в начале третьего часа, поступила следующая телеграмма:

«Бэкстер-Сентр, 2 ч. 15 м.

Слон появился здесь, оклеенный цирковыми

афишами, и, ворвавшись на молитвенное собрание, покалечил многих верующих, готовившихся приобщиться благодати. Граждане загнали его в загон и выставили стражу. Приехав вскоре после этого, мы с сыщиком Брауном прошли за ограду и приступили к опознаванию слона, пользуясь фотографическими снимками и описанием его примет. Все совпало в точности, если не считать рубца подмышкой, который нам так и не удалось обнаружить. Сыщик Браун подлез под слона, желая проверить наличие рубца, и немедленно лишился головы. Все бросились наутек, в том числе и слон, раздававший меткие удары направо и налево. Ему удалось скрыться, но кровь, льющаяся из ран, полученных им в результате попаданий пушечных ядер, указывает его путь. Обнаружим в ближайшее время. Он ушел к югу, продираясь сквозь лесную чащу.

Сыщик Брент»

Эта телеграмма была последней. А к ночи на землю спустился такой туман, что на расстоянии трех футов уже ничего нельзя было разглядеть. Туман продержался всю ночь. Движение паромов и даже омнибусов было приостановлено.

III

На следующее утро газеты опять были полны версиями различных знатоков сыска. Уже известные нам трагические факты излагались со всеми подробностями, а кроме этого, приводилось и много других сведений, полученных по телеграфу от специальных корреспондентов. Броские заголовки занимали примерно треть каждой колонки, и когда я читал их, у меня холодело сердце. Общий топ был таков:

«Белый слон на свободе! Он совершает свой губительный путь! Поселки обезлюдели, население в ужасе покидает дома! Ледяной страх предшествует ему, смерть и разрушение идут по его стопам! Сыщики в арьергарде. Разрушенные дома, руины фабрик, загубленный урожай, общественные собрания, разогнанные до последнего человека, кровавые сцены, не поддающиеся описанию! Что думают тридцать четыре виднейших деятеля сыска! Что думает старший инспектор Блант!»

— Вот видите! — торжествующе сказал инспектор Блант, изменяя своему обычному спокойствию. — Блестяще! Такой удачей не может

похвалиться никакое другое агентство в мире. Слава о нас разойдется по всем уголкам земного шара, выдержит любое испытание временем, и мое имя пребудет в веках!

Но я не мог радоваться вместе с ним. Мне казалось, что кровавые преступления слона ложатся на мою совесть, что он является только слепым орудием во всех этих злодеяниях. А как вырос их список! В одном месте он «нарушил ход выборов и уложил на месте пятерых избирателей». Вслед за этим «смерть настигла еще двух несчастных по фамилии О'Данахью и Макфлэниген, которые только накануне обрели пристанище в тихой гавани угнетенных всего мира и были повержены беспощадной дланью сиамского чудовища как раз в ту минуту, когда они, впервые воспользовавшись благородным правом американских граждан, подходили к избирательным урнам». В другом мосте «он встретил рехнувшегося проповедника, готовившегося к своим очередным нападкам на танцы, театр и другие развлечения, которые можно хулить, не опасаясь пощечин с их стороны, и наступил на него». Еще где-то он «убил агента по распространению громоотводов». Таков был список его преступлений, который чем дальше, тем становился все более и более

кровавым к разрывал мне сердце. Шестьдесят человек убитых, двести сорок раненых. Все сообщения свидетельствовали о неутомимой энергии сыщиков и беззаветной преданности их своему делу, и все они заканчивались так: «Это страшное животное видели собственными глазами триста тысяч граждан и четыре сыщика, двое из которых были убиты».

Я с ужасом ждал, не застучит ли снова телеграфный аппарат. И действительно, вскоре начали поступать новые сообщения, но я был приятно разочарован ими. Мало-помалу выяснилось, что слон исчез без следа. Воспользовавшись туманом, он, повидимому, скрылся от преследования и нашел себе надежное пристанище. В телеграммах, поступавших из самых неожиданных и отдаленных пунктов, говорилось, что там-то и в таком-то часу видели сквозь густой туман огромную махину, которая «вне всякого сомнения была не что иное, как слон». Эта огромная, еле различимая сквозь туман махина появлялась в Нью-Хэвене, в Нью-Джерси, в Пенсильвании, в штате Нью-Йорк и даже в самом Нью-Йорке и быстро исчезала, не оставляя после себя никаких следов. Сыщики, откомандированные во все концы страны, ежечасно присылали донесения, и у каждого из

них имелась своя путеводная нить к разгадке преступления, у каждого дело было на мази и каждый был близок к поимке слона.

Но тот день не принес ничего нового.

Следующий тоже.

Прошел и третий день — ничего.

Газетные отчеты становились бледными. Сообщаемые ими факты ничего не давали, путеводные нити никуда не приводили, а очередные версии преступления уже были лишены тех элементов новизны, которые поражают, восхищают и ошеломляют читающую публику.

По совету инспектора я увеличил обещанное вознаграждение вдвое. Прошло еще четыре дня. И вдруг бедные самоотверженные сыщики получили тяжкий удар — редакторы газет отказались печатать их материалы и холодно заявили: «Дайте нам малость передохнуть».

Через две недели после пропажи слона я, по совету инспектора, увеличил вознаграждение до семидесяти пяти тысяч долларов. Это была очень большая сумма, но я предпочитал пожертвовать всем своим состоянием, чем потерять доверие правительства. Теперь, когда сыщики очутились в таком незавидном положении, газеты ополчились на них и принялись осыпать несчастных

ядовитейшими насмешками. Это подхватили бродячие театрики, и актеры, переодетые сыщиками, вытворяли бог знает что, носясь по сцене в поисках слона. На карикатурах сыщики обшаривали поля и леса, вооружившись подзорными трубами, а слон преспокойно воровал у них яблоки из карманов. А как издевались карикатуристы над полицейским значком! Вам, вероятно, приходилось видеть этот значок, исполненный золотым тиснением на обложках детективных романов. На нем изображен глаз, под которым стоит подпись: «Недремлющее око». Если сыщику случалось зайти в бар, то хозяин бара якобы в виде милой шутки задавал ему вопрос, в свое время ходкий среди завсегдатаев таких мест: «Что прикажете подать, чтобы очи продрать?» Сыщикам буквально не давали прохода подобными насмешками.

И только один человек продолжал хранить в такой обстановке спокойствие, независимость и выдержку. Это был непоколебимый сердцем старший инспектор Блант. Его взгляд не терял смелости, его безмятежная уверенность в себе оставалась неизменной. Он повторял:

— Пусть беснуются. Смеется тот, кто смеется последний.

Мое восхищение этим человеком граничило с каким-то благоговейным чувством. Я не отходил от него ни на шаг. Пребывание в его кабинете стало угнетать меня и становилось тягостнее день ото дня. Но я считал, что если он выносит все это, то мне тоже не следует сдаваться, во всяком случае до тех пор, пока хватит сил. И я приходил туда ежедневно и был единственным посторонним человеком, которого хватало на такой подвиг. Все удивлялись мне, и я сам частенько подумывал, не удрать ли отсюда, но одного взгляда на это спокойное и, невидимому, не омраченное тяжелой думой чело было достаточно, и я снова набирался стойкости.

Однажды утром, недели через три после пропажи слона, когда я уже собирался сказать, что мне придется покинуть свой пост и удалиться восвояси, великий сыщик, словно прочитав мою мысль, предложил еще один блистательный, мастерский ход.

В нем предусматривалось соглашение с преступниками. Изобретательность этого человека превзошла все, что я знал до сих пор, хотя мне и приходилось сталкиваться с самыми изощренными умами нашего века. Инспектор заявил: для того чтобы достигнуть соглашения с пре-

ступниками, ста тысяч долларов будет вполне достаточно, и слон найдется. Я ответил ему, что попытаюсь наскрести эту сумму, — но как быть с несчастными сыщиками, которые трудились с такой беззаветной преданностью своему делу? Инспектор сказал:

— В таких случаях они всегда получают половину.

Мое единственное возражение было снято. Инспектор написал две записки следующего содержания:

«Сударыня!

Ваш супруг сможет заработать солидную сумму денег (с полной гарантией, что закон не посягнет на его личность), если он согласится на немедленную встречу со мной.

Старший инспектор Блант»

Одна из этих записок была отправлена с доверенным лицом к некоей особе, которая слыла женой Молодчика Даффи. Другая — к особе, которая слыла женой Рыжего Макфэддена.

Через час пришли два весьма оскорбительных ответа:

«Старый дурень! Молодчик Даффи два года как помер.

Бриджет Магони»

«Старый тюфяк! Рыжего Макфэддена давно замели, отбывает полтора года. Это каждому ослу известно, только сыщики ни уха, ни рыла.
Мэри О'Хулиген»

— Я давно это подозревал, — сказал инспектор. — Вот вам еще одно доказательство безошибочности моего инстинкта.

Если какой-нибудь из планов рушился, этот человек был готов немедленно заменить его другим. Он сейчас же составил объявление в утренние газеты, копия которого у меня сохранилась:

«А. — ксвбл. 242 Н. Тнд. — фз 328 вмлг. ОЗПО, — ,2 м! очв. Тщ-щ!»

— Если вор жив к здоров, — пояснил мне инспектор, — то он обязательно явится в условленное место встречи, где обычно заключаются все сделки между сыщиками и преступниками. Встреча должна состояться завтра в двенадцать часов ночи.

Никаких других дел больше не предвиделось, и я, не теряя времени, с чувством громадного облегчения покинул кабинет инспектора.

Я пришел туда на следующий день в 11 часов вечера, имея при себе сто тысяч долларов наличными. Они, были немедленно вручены самому инспектору Бланту, который вскоре удалился все с той же отвагой и уверенностью во взоре. Невыносимо долгий час уже подходил к концу, когда я вдруг услышал желанные шаги и, еле переводя дыхание, неверными шагами двинулся навстречу инспектору. Каким торжеством сияли его прекрасные глаза! Он сказал:

— Сделка состоялась! Завтра критиканы запоют другую песенку. Следуйте за мной!

Он взял зажженную свечу и опустился вниз, в огромное сводчатое подземелье, где обычно спали шестьдесят сыщиков, а сейчас человек двадцать коротали время, играя в карты. Я шел за ним по пятам. Инспектор быстро направился в дальний полутемный конец подземелья, и как раз в ту минуту, когда я, задыхаясь от невыносимой вони, уже терял сознание, он споткнулся о вытянутые вперед части какой-то необъятной туши и повалился на пол со следующими словами:

— Наша благородная профессия восстановила свою поруганную честь! Вот он, ваш слон!

Меня донесли в кабинет инспектора Бланта на руках и привели в чувство карболовой кислотой.

Явились сыщики в полном составе, и тут началось такое бурное ликование, равного которому мне никогда не приходилось видеть. Вызвали репортеров, откупорили шампанское, провозгласили тост, стали обмениваться рукопожатиями, поздравлениями. Героем дня, разумеется, считался старший инспектор, и его счастье было так полно и так честно заслужено, что даже я радовался вместе со всеми — я, который стоял там, как бездомный нищий, и знал, что мой драгоценный подопечный мертв, что моя репутация погублена, ибо я не сумел выполнить порученной мне высокой миссии. Не один красноречивый взор говорил о преклонении сыщиков перед Своим шефом, не один голос шептал: «Посмотрите на него! Ведь это король сыска! Дайте ему путеводную нить, и от него ничто не скроется!»

Распределение пятидесяти тысяч долларов прошло с большим подъемом. Засовывая в карманы свою долю, старший инспектор произнес коротенькую речь. Вот что он сказал:

— Друзья мои, вы заслужили свою награду. Больше того, благодаря вам наша профессия покрыла себя неувядаемой славой.

Как раз в эту минуту ему подали телеграмму, в которой было написано следующее:

«Монро, штат Мичиган, 22 ч.

Впервые за несколько недель попал на телеграф. Ехал по следам верхом тысячу мыль сквозь густой лес. С каждым днем следы становятся все явственнее, глубже и свежее. Не беспокойтесь, еще неделя — и слон будет найден. Это наверняка.

Сыщик Дарли»

Старший инспектор предложил крикнуть троекратное «гип-гип ура» в честь Дар ли, «одного из самых блестящих наших агентов», и затем приказал вызвать его телеграммой обратно для получения причитающейся ему доли.

Так закончилась эта эпопея с похищением слона. На следующий день все газеты, за исключением одной, снова рассыпались в похвалах сыщикам. А тот презренный листок разразился следующей тирадой: «Славны дела твои, о сыщик! Ты, правда, не всегда проявляешь достаточную расторопность при розыске таких мелочей, как затерявшийся слои; ты гоняешься за ним день-денской, а ночью в течение трех недель спишь по соседству с его разлагающейся тушей, но в конце концов ты обнаружишь пропажу, если тот человек, который затащил слона в твой дом, приведет тебя туда и ткнет в него пальцем».

Бедный Гассан был потерян для меня навеки. Ранения от пушечных ядер оказались смертельными. Он пробрался в это мрачное подземелье под прикрытием тумана и там, окруженный врагами, подвергающийся постоянной опасности быть обнаруженным, угасал от голода и мук и наконец нашел успокоение в смерти.

Сделка с преступниками обошлась мне в сто тысяч долларов, расходы по розыскам — еще в сорок две тысячи. Я не осмеливался просить у правительства какой-нибудь должности. Я стал банкротом, бездомным странником. Но мое преклонение перед этим человеком, перед величайшим сыщиком, которого когда-либо знал мир, не увядает до сего времени и пребудет во мне до конца дней моих.

Джек Лондон
Любовь к жизни

Признаем за ними одно —
Они жили и кости бросали:
Это им выиграть было дано.
Хоть золото кости забрали.

С трудом спустились они с берега; шедший впереди споткнулся о разбросанные на дороге камни. Они устали и ослабели, и лица их выражали

тупое терпение — следствие долгих страданий. Они были тяжело нагружены сделанными из одеял узлами, прикрепленными ремнями к спине. Ремни, поперечно пересекавшие лоб, также поддерживали эти узлы. Каждый из путников нес по ружью. Они шли сгорбившись, опустив плечи, вытянув шею, глазами уставившись в землю.

— Хорошо было бы иметь теперь хоть пару патронов из тех, что спрятаны в нашем тайнике, — сказал человек, шедший сзади.

Голос его был мрачен и совершенно бесстрастен. Он говорил без всякого воодушевления, и человек, что шел впереди и пробирался, спотыкаясь, по камням, покрытым побелевшей от пены водой, не удостоил его ответом.

Второй следовал за ним по пятам. Несмотря на то что вода была холодна, как лед, — настолько холодна, что ломило икры и немели ступни, — они не снимали обуви. В некоторых местах поток с силой ударял их по коленям, и оба, шатаясь, еле удерживали равновесие.

Шедший вторым поскользнулся на гладком камне и чуть не упал, но огромным напряжением сил устоял на ногах и в то же время резко вскрикнул от боли. Он казался слабым, изнемогшим и, шатаясь от головокружения, протянул свобод-

ную руку вперед, по снова пошатнулся и чуть не упал. Тогда он остановился и взглянул на своего спутника, который даже не повернул головы.

Он стоял на месте целую минуту, как бы рассуждая сам с собой. Потом закричал:

— Биль, слушай, я вывихнул ногу!

Биль, не останавливаясь, брел сквозь молочно-белую воду. Он не оборачивался. Оставшийся позади глядел вслед уходящему, и хотя лицо его попрежнему ничего не выражало, глаза напоминали глаза раненого оленя.

Биль, прихрамывая, взобрался на берег и шел не оглядываясь. Оставшийся в потоке смотрел ему вслед. Его губы слегка дрожали, так что заметно было, как двигалась покрывавшая их грубая щетина темных усов. Он смочил языком пересохшие губы.

— Биль! — крикнул он.

Это был крик мольбы сильного человека, очутившегося на краю гибели, но Биль так и не оглянулся. Отставший следил за тем, как другой, странно ковыляя, неуверенным шагом продвигался вверх по склону оврага, как бы идя навстречу мягкой линии горизонта, окаймлявшей невысокий холм; он смотрел вслед Билю до тех пор, пока тот не исчез за вершиной холма.

Тогда он медленно повернул голову и взором воспринял мир, оставшийся ему после ухода Биля.

Над горизонтом тускло сияло солнце, затуманенное бесформенными облаками, производившими впечатление неопределенной, рыхлой массы. Опираясь всей тяжестью тела на здоровую ногу, человек вынул часы. Было четыре часа, а так как стоял конец июля или начало августа, — вот уже около двух недель, как он потерял счет дням, — солнце должно было находиться приблизительно на северо-западе. Он посмотрел на юг, зная, что где-то за этими мрачными холмами лежит Большое Медвежье озеро; он знал и то, что в этом направлении проходит Полярный круг, запретной чертой пересекая канадскую пустыню. Поток, в котором он стоял, впадал в реку Коппермайн, несущую свои воды на север и, в свою очередь, впадающую в залив Коронации и Ледовитый океан. Он никогда не был там, но видел это однажды на карте Компании Гудсонова залива.

Он еще раз обнял взором окружавший его мир. Безотрадное зрелище! Везде вокруг виднелась все та же мягкая линия неба. Со всех сторон невысокие холмы. Ни деревьев, ни кустов, ни травы — ничего, кроме страшной, унылой пустыни, рождавшей ужас в глазах человека.

— Биль, — прошептал он раз и еще раз, — Биль…

Он погрузился в молочно-белую воду потока, как бы подавленный непреодолимой силой пространства, сокрушавшей его ужасом своей невозмутимости. По телу его пробежала лихорадочная дрожь; ружье со всплеском упало в воду. Это вывело его из оцепенения. Стараясь овладеть собой, он боролся с охватившим его страхом и наконец достал из воды ружье. Он сдвинул свой узел на край левого плеча, чтобы сиять часть тяжести с поврежденной ноги. Затем медленно и осторожно, корчась от боли, двинулся к берегу.

Он не останавливался. Он был охвачен отчаянием, граничившим с безумием. Забыв о боли, он поспешно вскарабкался по откосу на вершину холма, за которым исчез Биль. Он был еще более странен и смешон, чем его хромавший и спотыкавшийся товарищ. Но с высоты холма взору его открылась лишь пустынная, лишенная жизни долина. Он снова начал бороться с охватившим его ужасом, преодолел его, еще дальше сдвинул узел на левое плечо и стал спускаться по склону.

Дно долины было пропитано водой, просачивавшейся сквозь густой, подобный губке слой мха. Вода брызгала из-под ног на каждом шагу,

и всякий раз, как он подымал ногу, слышался чавкающий звук, как будто мокрый мох нехотя освобождал ее. Он пробирался с кочки на кочку, идя по следам Биля, ковыляя среди скалистых выступов, торчавших, словно островки, в море мха.

Теперь он был совершенно один — и все же не терял надежды на спасение. Он знал, что достигнет того места, где низкорослые и чахлые сосны и пихты окаймляют берега маленького озера Читчинничили, что на местном языке значит «страна маленьких палок». А в это озеро, он знал, впадает ручеек с прозрачной водой. Там, у ручья, растет только тростник, — это он хорошо помнит, — но нет лесов. Он пойдет вверх по течению до того места, где ручей теряется в горах. Он перевалит через хребет и дойдет до истоков другой речки, текущей на запад; затем пойдет вниз по ее течению до реки Диз, в которую она впадает, и вот здесь, под опрокинутой лодкой, он найдет патроны для ружья, крючки, удилища, небольшую сеть для ловли рыбы — все, что нужно для добывания пищи. Там будет и мука, правда немного, кусок солонины и немного бобов.

Там будет ждать его Биль, и они вместе поплывут по течению реки Диз на юг, к Большому Медвежьему озеру. Они пересекут озеро, держа

курс неуклонно на юг, пока не достигнут реки Мекензи. И на юг, все дальше на юг пойдут они, в то время как зима будет тщетно гнаться за ними и обратит в лед водовороты, а дни сделает пронизывающе холодными, — на юг, к одному из постов Гудсоновской компании, где тепло и где растут высокие и пышные леса и где бесконечно много всякой еды.

Таковы были мысли человека, с усилием пробиравшегося вперед. И как ни тяжела была борьба с телесными страданиями, еще труднее было ему бороться со своими мыслями. Он старался убедить себя, что Биль не покинул его, что он, несомненно, подождет его у тайника. Ему приходилось так думать, иначе дальнейшая борьба была бы бесполезна и ему оставалось бы только лечь и ждать смерти. И к тому времени, когда тусклый солнечный диск медленно закатился на северо-западе, он уже много раз успел рассчитать каждый дюйм пути, который он совершит вместе с Билем, убегая на юг от наступавшей зимы. Снова и снова перебирал он в уме запасы пищи, находившейся в тайнике и на посту Гудсоновской компании. Он не ел уже два дня и значительно дольше не ел досыта. Он часто нагибался и срывал бледные болотные ягоды, клал их в рот,

разжевывал и глотал. Эти ягоды представляли собой комочки семян, насквозь пропитанные водой. Во рту вода вытекала, а семя приобретало острый и горький вкус. Человек знал, что эти ягоды совершенно непитательны, но продолжал терпеливо жевать их, движимый надеждой, которая сильнее знания и не считается с опытом.

В девять часов он ушиб палец об острый выступ скалы и от страшной усталости и слабости зашатался и упал. Некоторое время он пролежал неподвижно на боку. Затем выскользнул из ремней, державших узел, и неуклюже, с трудом присел. Еще не стемнело, и в мерцавшем полумраке он стал шарить между грудами камней в поисках сухого мха. Собрав целую охапку, он развел костер, дымный и тлеющий костер, и поставил кипятить воду в котелке.

Он распаковал свой узел и первым делом сосчитал спички. Их было шестьдесят семь. Для верности он пересчитал их трижды. Он разбил их на несколько пачек, завернул в вощеную бумагу, спрятал одну пачку в пустой табачный кисет, другую — в подкладку своей обтрепанной шляпы, третью — на грудь, под рубашку. Не успел он покончить с этим, как его охватил внезапный страх, и он снова развернул спички и опять пересчитал

их. Их было попрежнему шестьдесят семь.

Он обсушил у огня свою промокшую обувь. Его мокассины[26] превратились в лохмотья, насквозь пропитанные водой. Сшитые из одеяла чулки протерлись в нескольких местах, ноги были ободраны и кровоточили. Вывихнутая щиколотка болела, и человек осмотрел ее. Она распухла и стала толстая, как колено. Путник оторвал длинную полосу от одного из своих двух одеял и туго перевязал щиколотку; он оторвал еще несколько полос и обмотал ими свои ноги; полосы должны были заменить и мокассины и чулки. Затем: он выпил котелок горячей воды, завел часы и залез под одеяло.

Он спал, как убитый. К полуночи не надолго стемнело, и стало опять рассветать. На северо-востоке взошло солнце — по крайней мере, можно было понять, что это так, потому что в этой части неба стало светлеть, но само солнце было скрыто за серыми облаками.

В шесть часов путник проснулся, спокойно лежа на спине. Он поднял глаза к серому небу и почувствовал голод. Опершись на локоть, он тревожно вздрогнул от громкого храпа и увидел

---

[26] Примечания: 26
Мокассины — обувь из оленьей шкуры.

самца карибу[27], вглядывавшегося в него с осторожным любопытством. Животное находилось от него не дальше пятидесяти шагов, и человек в тот же миг представил себе куски мяса карибу, с шипеньем и соблазнительным запахом жарящиеся над огнем. Он машинально схватил свое незаряженное ружье, прицелился и спустил курок. Карибу захрапел и рванулся в сторону, гулко топая копытами по камням.

Человек выругался и отшвырнул ружье. Сделав усилие подняться на ноги, он громко застонал. Это было медленное и трудное дело. Суставы его были подобны ржавым петлям. Суставные связки двигались тяжело и болезненно, и малейшее сгибание и разгибание требовало громадного напряжения воли. Когда ему удалось наконец твердо стать на ноги, он потратил еще несколько минут на то, чтобы принудить себя стать прямо, по-человечески.

Он вскарабкался на небольшой бугор и осмотрелся вокруг. Ни деревьев, ни кустов, ничего — сплошное море серого мха; и только серые скалы, серые озерки и серые ручейки вносили в это море некоторое разнообразие. Небо серое. Ни

---

[27] Примечания: 27
Карибу — канадский олень.

солнца, ни намека на солнце. Он не мог сообразить, где север, и забыл, с какой стороны вчера пришел к этому месту. Но он не заблудился; в этом он был уверен. Скоро он придет к «стране маленьких палок». Инстинкт говорил ему, что это недалеко, где-то влево, может быть, даже там, за ближайшим холмом.

Путник вернулся, чтобы сложить и увязать свой узел и следовать дальше. Он убедился, что все три пакетика со спичками в целости, и не стал тратить время на их пере-считывание. В раздумье остановился он над плоским мешочком из оленьей кожи. Мешочек был невелик; он мог уместиться в двух его пригоршнях. Но человек знал, что мешочек весит столько же, сколько весь остальной груз — пятнадцать фунтов, и это беспокоило его. Наконец он отложил мешочек в сторону и начал упаковывать узел. Потом остановился еще раз взглянуть на мешочек из оленьей кожи. Вдруг он поспешно схватил его опять и бросил вызывающий взгляд вокруг, как бы опасаясь, что пустыня ограбит его. И когда он поднялся и неверным шагом двинулся в путь, мешочек снова находился в узле за его спиной.

Человек направился влево, то и дело останавливаясь нарвать болотных ягод. Щиколотка у него

одеревянела, хромота заметно усилилась, но боль в ноге совершенно заглушалась болью в желудке. Приступы голода были остры и мучительны. Они грызли и грызли его, пока он не перестал соображать, какого направления нужно держаться, чтобы добраться до «страны маленьких палок». Болотные ягоды не заглушали голода и только своим соком раздражали и щипали язык и нёбо.

Человек добрался до долины, где птармиганы[28], шумя крыльями, взлетали с камней и кочек. «Кэр-кэр-кэр!» кричали они. Он бросал в них камнями, но не мог попасть. Он снял с плеч узел и начал красться вслед за ними, как кошка за воробьями. Острые камни врезались ему в ноги, и колени оставляли кровавый след, но муки голода заглушали боль. Он полз по мокрому мху, насквозь промочив одежду и застудив тело. Терзаемый лихорадочным голодом, он не чувствовал даже и этого. И все время перед ним, хлопая крыльями, взлетали куропатки, пока их крик «кэр-кэр-кэр» не стал звучать насмешкой над ним; и он проклинал их и громко посылал им вслед их собственный крик.

Один раз он наткнулся на птицу, которая, по-

---

[28] Примечания: 28
Птармиган — белая куропатка.

видимому, спала. Он не заметил ее, как вдруг она вылетела из своего убежища прямо ему в лицо. Вздрогнув от неожиданности, он успел лишь сделать инстинктивное движение, чтобы схватить птицу, и в руках у него остались два-три пера из ее хвоста. Он глядел ей вслед, полный ненависти, точно она причинила ему какое-нибудь страшное зло. Затем вернулся и поднял узел.

Среди дня он достиг долин и низменностей, где дичи было больше. Мимо прошло стадо карибу — двадцать с чем-то животных, — мучительно близко, на расстоянии ружейного выстрела. Его охватило безумное желание броситься вслед за ними. Ему казалось, что он может догнать их. Черная лисица, держа в зубах птармигана, подошла близко к нему. Человек закричал. Это был ужасный крик. Лисица испугалась и убежала, но не выронила куропатки.

Под вечер он шел по течению потока, мутного от известковой почвы и пробивавшегося сквозь разбросанные пучки тростника. Крепко сжав тростник почти у — самого корня, путник вытащил нечто вроде молодой луковицы, величиной не больше обойного гвоздя. Луковица была очень нежная, и зубы человека с хрустом впились в нее; он уже предвкушал наслаждение от еды.

Но волокна луковицы оказались жесткими. Они пропитались водой так же, как и болотные ягоды, и были совершенно несъедобны. Несмотря на это, человек отбросил в сторону свой узел и на руках и на коленях полез в гущу тростника, хрустя и чавкая, как жвачное животное.

Он очень устал и часто испытывал желание отдохнуть, лечь и заснуть; но что-то все время заставляло его двигаться вперед — даже не желание добраться до «страны маленьких палок», а просто голод. Он искал в лужах лягушек и ногтями рыл землю в поисках червей, хотя знал, что ни те, ни другие не водятся так далеко на севере.

Он тщательно заглядывал в каждую лужу и наконец, когда уже спустились долгие сумерки, заметил в одном из маленьких прудков одинокую рыбу, похожую на пескаря. Он погрузил руку по плечо в воду, но рыба ускользнула. Тогда он принялся ловить ее обеими руками, подымая со дна мутную грязь. От волнения он упал в лужу и промок до пояса. После этого вода еще больше замутилась, было совершенно невозможно разглядеть рыбу, и он вынужден был ждать, пока муть осядет.

Преследование возобновилось и длилось, пока вода опять не стала» мутной. Но он уже не мог

ждать. Отвязав свое жестяное ведерко, он принялся вычерпывать воду из лужи. Вначале он черпал с дикой яростью, забрызгивая самого себя и выливая воду на такое близкое расстояние, что она текла обратно в лужу. Потом стал работать с большей осторожностью, стараясь сохранять хладнокровие, хотя сердце его отчаянно билось и руки дрожали. Через полчаса лужа была осушена. На дне не оставалось и чашки воды. Но рыбы не было. Он нашел скрытую между камнями щель, через которую она спаслась в смежную, большую лужу; эту лужу он не мог бы вычерпать в целые сутки. Если бы с самого начала он знал о существовании этой щели, он мог бы заложить вход в нее камнями, и рыба была бы в его руках.

С такими мыслями он выкарабкался из лужи и опустился на сырую землю. Сначала он тихо заплакал, потом громко зарыдал на всю безжалостную пустыню, кольцом охватившую его со всех сторон, и еще долго (после этого он вздрагивал от громких всхлипываний без слез.

Путник развел огонь и согрел себя тем, что пил кружками горячую воду; затем устроился на ночь на каменистом бугре, как и в прошлую ночь. Ложась спать, он осмотрел, не отсырели ли его спички, и завел часы. Одеяла вымокли и стали

липкими. Ноющая боль в щиколотке не утихала. Но он чувствовал только одно — голод, и сквозь тревожный сон ему чудились пиры и празднества и пища в самых разнообразных видах.

Он проснулся, окоченевший от холода и больной. Солнца не было. Казалось, что земля и небо стали еще более серыми. Дул сырой, холодный ветер, и вершины холмов белели изморозью. Пока он разводил огонь и кипятил воду, воздух сгустился и побелел. Снег был мокрый — не то снег, не то дождь, хлопья крупные и водянистые. Они таяли, не успев коснуться земли, но их падало все больше и больше, они покрывали землю и тушили огонь, не давая мху разгореться.

Это было для человека сигналом к тому, чтобы снова завязать узел и, спотыкаясь, брести вперед, не зная куда. Его не интересовали больше ни «страна маленьких палок», ни Биль, ни тайник под перевернутой лодкой у реки Диз. Он был во власти одного слова — «есть». Он обезумел от голода. Он не обращал внимания на взятый им путь, лишь бы этот путь вел его по топким низинам. Он пробирался по мокрому снегу к водянистым болотным ягодам, с корнем вырывал тростник. Но эта безвкусная пища не могла удовлетворить его. Он нашел какую-то травку, имевшую кислый

вкус, и съел все, что мог найти, но ее было очень мало, так как это было ползучее растение, скрывавшееся под несколькими дюймами снега.

В эту ночь у него не было ни огня, ни горячей воды, и он залез под одеяло, чтобы уснуть тревожным сном голодного. Снег превратился в холодный дождь. Человек несколько раз просыпался, почувствовав, что дождь падает ему прямо на лицо. Наступил день — серый, бесконечный. Дождь перестал. Острота голода притупилась. Чувствительность, поскольку она выражалась в страстном желании есть, исчезла. Осталась лишь тупая, тяжелая боль в желудке, но она не особенно беспокоила путника. Он стал немножко спокойнее и снова почувствовал интерес, главным образом к «стране маленьких палок» и к тайнику у реки Диз.

Он разодрал на полосы остатки одного из своих одеял и перевязал кровоточащие ноги. Забинтовал также свою поврежденную щиколотку и сделал приготовления ко дню пути. Подойдя к узлу, он долго стоял в раздумье над плоским мешочком из оленьей кожи, но в конце концов взял его с собой.

От дождя снег растаял, и только вершины холмов еще белели. Показалось солнце, и путнику

удалось определить страны света, но он уже понял, что заблудился. По всей вероятности, за последние дни пути он слишком далеко отклонился влево. Теперь он держал правее, чтобы снова попасть на правильный путь.

Несмотря на то что муки голода были теперь не так нестерпимы, как раньше, он сознавал, что сильно ослабел. Он вынужден был часто останавливаться для отдыха и набрасывался на болотные ягоды и тростник. Язык его пересох, распух и покрылся как бы тонким волосатым покровом; во рту был горький вкус. Сердце тоже причиняло ему немало страданий. Через каждые несколько минут оно безжалостно начинало выстукивать своё «тук-тук-тук», мучительно билось и кидалось то вверх, то вниз. Он задыхался и изнемогал, голова у него кружилась.

К полудню он нашел в большой луже двух пескарей. Вычерпать ее было невозможно, но теперь он больше владел собой, и ему удалось поймать их жестяным ведерком. Они были не длиннее его мизинца, но он не ощущал особенного голода. Тупая боль в желудке становилась все более тупой и слабой. Можно было подумать, что желудок его дремлет. Он съел рыбу сырой, жуя ее с добросовестной тщательностью, потому

что только рассудком принуждал себя к Этому. Ему не хотелось есть, но он знал, что это нужно, чтобы жить.

Вечером он поймал еще трех пескарей, двух съел, а одного оставил на завтрак. Кое-где солнце высушило отдельные клочья мха, и он имел возможность согреться кипятком. В этот день он прошел не более десяти миль, а на следующий день, продвигаясь вперед, когда сердце не беспокоило его, он прошел не больше пяти. Но желудок не причинял ему теперь ни малейшего беспокойства, он как бы уснул. Человек шел теперь по незнакомой местности, где было больше карибу и волков. Вой последних часто разносился по пустыне, и однажды перед ним появились три волка, но тотчас же скрылись.

Еще одна ночь; наутро, став благоразумнее, он развязал кожаный ремешок, которым был связан плоский мешочек из оленьей кожи. Из его открытого отверстия желтым потоком полился крупный золотой песок и посыпались золотые самородки. Путник разделил золото на две приблизительно равные части, одну половину спрятал, завернув ее в кусок одеяла, на каменном бугре, а другую всыпал обратно в мешочек. Он начал отрывать полосы от единственного остав-

шегося одеяла, чтобы обвязывать ими ноги. Но он не хотел расстаться со своим ружьем, потому что в тайнике у реки Диз находились патроны.

Погода была туманная, и в этот день снова явился голод. Путник был очень слаб и страдал от частых головокружений, совершенно ослеплявших его. Он часто спотыкался и падал и однажды, споткнувшись, упал прямо на гнездо птармиганов. Там было четыре едва вылупившихся птенца, всего лишь по одному дню от роду — маленькие трепещущие комочки; каждый из них можно было проглотить одним глотком. Он пожирал их с яростной жадностью, запихивая в рот живыми; они хрустели под его зубами, как яичная скорлупа. Мать кружилась вокруг него, испуская громкие крики. Он пытался убить ее ружьем, как палкой, но она отлетела в сторону. Тогда он начал бросать в нее камнями и случайным ударом переломил ей крыло. Птица отлетела, прыгая и волоча свое крыло, а он все продолжал преследовать ее.

Маленькие птенчики только раздразнили его аппетит. Неуклюже прихрамывая и качаясь на своей поврежденной ноге, бросал он камни и хрипло кричал; по временам он ковылял молча, терпеливо и угрюмо поднимаясь после каждого

падения и протирая рукою глаза, когда головокружение грозило одолеть его.

Преследование привело его к болотистому дну долины, и он внезапно наткнулся на человеческие следы в пропитанном водой мху. Это были не его следы — он это ясно видел. По всей вероятности, это были следы Биля. Но остановиться он не мог, потому что птица продолжала удаляться. Прежде всего нужно было поймать ее, а потом вернуться к следу и посмотреть, в чем там дело.

Наконец он загнал птицу, но и сам остался без сил. Она лежала на боку, задыхаясь. Он лежал, также задыхаясь, в десяти шагах от нее, не имея сил подползти к ней. Когда же он оправился, птица, отдышавшись, перелетела на другое место, как только он протянул к ней свою жадную руку. Погоня возобновилась. Наступила ночь, и птица спаслась. От слабости человек споткнулся и, с узлом за плечами, упал лицом вниз, разбив себе щеку. Он долго лежал не двигаясь, потом повернулся на бок, завел часы и так пролежал до утра.

Еще один туманный день. Половина последнего одеяла была изодрана на обмотки для ног. Человек отказался от намерения разыскивать следы Биля. Это было ни к чему. Голод вынуждал его итти вперед — только… только он хотел бы

знать: неужели и Биль заблудился? К полудню тяжесть узла стала ощутительней. Он снова разделил золото, на этот раз высыпав половину его прямо на землю. К концу дня он выбросил весь остаток долота; у него оставалась лишь половина одеяла, жестяное ведерко и ружье.

Путника начинала мучить галлюцинация: какое-то неясное чувство говорило ему, что в ружье находится еще один патрон. Ему казалось, что патрон остался в магазинной коробке и он не заметил его. С другой стороны, он твердо знал, что магазинная коробка пуста. Но галлюцинация не унималась. Несколько часов он боролся с ней, но в конце концов открыл ружье и убедился, что оно пусто. Разочарование было таким горьким, как если бы он в самом деле рассчитывал найти там патрон.

Еще с полчаса тяжело брел он дальше, но галлюцинация возобновилась. Он снова начал бороться с ней, но галлюцинация настойчиво преследовала его, и просто для успокоения, чтобы разубедить самого себя, он снова открыл ружье. По временам мысли его начинали безотчетно блуждать, и, тяжело ступая, он шел, как автомат, а причудливые мечты и капризные видения, точно черви, копошились в его мозгу. Но эти минуты,

когда он терял сознание, были непродолжительны, потому что острые муки голода неизменно возвращали его к действительности. Один раз он мгновенно пришел в себя от странного видения, от которого у него помутилось в голове. Он пошатнулся и, качаясь, как пьяный, еле удержался на ногах. Перед ним стояла лошадь. Лошадь! Он не верил своим гладам. Густой туман, усеянный блестящими огоньками, застилал их. Он яростно протер глаза, чтобы яснее видеть, — и вот перед ним уже не лошадь, а большой бурый медведь. Зверь глядел на него с враждебным любопытством.

Человек успел наполовину поднять ружье к плечу и лишь тогда опомнился. Он опустил ружье и из прикрепленного к поясу бисерного чехла вытащил охотничий нож. Перед ним было мясо и жизнь! Он провел большим пальцем по лезвию ножа. Нож был остер. Конец ножа тоже был остер. Он набросится на медведя с ножом в руке и убьет его. Но сердце его предостерегающе забилось — тук-тук-тук! Затем оно дико рванулось кверху и начало выбивать мелкую дробь; лоб сдавило точно железным кольцом, затуманенное сознание отказывалось работать.

Прилив отчаянной храбрости сменился волной

страха. Что если медведь нападет на него теперь, когда он совсем обессилел? Он выпрямился, принял более внушительную позу, крепко держа нож и смотря прямо в глаза зверю. Медведь неуклюже сделал два шага вперед, стал на задние лапы и испустил дикий, вызывающий рев. Если бы человек вздумал бежать, медведь побежал бы за ним, но человек не бежал. Теперь он был воодушевлен храбростью страха. Он тоже зарычал — дико, страшно, выражая звуком свойственный жизни страх, коренящийся в ее глубочайших недрах.

Медведь с угрожающим ревом отступил в сторону, пораженный видом этого таинственного существа, стоящего прямо и, повидимому, не боящегося его. Но человек не тронулся с места. Он стоял, как статуя, пока опасность не миновала; затем его охватила лихорадочная дрожь, и он опустился прямо на мокрый мох.

Овладев собой, он двинулся дальше, но страх снова обуял его. Это не была боязнь умереть от недостатка пищи, — теперь он начал бояться того, что погибнет насильственной смертью, прежде чем голод истощит в нем последнюю частицу воли к жизни. Ведь тут были волки. Со всех сторон разносился по пустыне их вой, превращая самый воздух в какое-то орудие угрозы,

настолько осязательное, что человек вдруг заметил, как руками отталкивает его от себя, точно развеваемые ветром стены палатки.

Время от времени волки — по два и по три — перебегали через дорогу. Но они держали путь мимо. Они были в недостаточном для нападения числе и, кроме того, предпочитали охотиться на карибу, которые не умели сопротивляться, между тем как от этого странного двуногого существа можно было ждать, что оно начнет царапаться и кусаться.

Под вечер человек наткнулся на груду разбросанных костей — это была жертва волков. Здесь они растерзали молодого карибу, час назад еще кричавшего, скакавшего, полного жизни. Он задумчиво созерцал кости, обглоданные и блестящие, розовые от еще не угасшей в них клеточной жизни. Возможно, что и он превратится в такие же кости еще до наступления следующего дня. Такова жизнь: напрасная, мимолетная. И только она — жизнь — причиняет страдания. После смерти мук нет. Умереть — значит заснуть; смерть — это вечный покой. Почему же он не хочет умереть? Но он недолго философствовал. Скорчась на мшистой кочке, он держал во рту кость и высасывал из нее последние жизненные

соки, окрашивавшие ее в бледнорозовый цвет. Сладковатый вкус мяса, тонкий и неуловимый, почти как далекое воспоминание, сводил его с ума. Он стиснул кость челюстями и начал, хрустя, грызть ее. Иногда с хрустом ломалась кость, иногда — его зубы. Затем он разбил кости о камни, растолок их в мягкую массу и проглотил. Второпях удар иногда приходился по пальцам, и он удивлялся, что им было не очень больно.

Наступили ужасные дни, дождливые и снежные. Человек уже не сознавал, когда делает привал и когда отправляется дальше. Он шел вперед ночью так же, как и днем. Он отдыхал там, где падал, и снова полз вперед, когда угасавшая в нем жизнь опять вспыхивала более ярким огоньком. Как человек он уже перестал бороться. Это сама жизнь в нем не хотела умирать и заставляла его двигаться вперед. Он не страдал. Нервы его притупились и замерли, в то время как мозг был наполнен парующими видениями и сладостными грезами.

Но он неизменно продолжал сосать и жевать разбитые кости теленка карибу, остатки которых собрал и носил с собой. Он уже больше не пересекал холмов и водоразделов, но просто машинально брел по берегу большой реки, стру-

ившейся по широкой низменной долине. Он уже не видел ни этой реки, ни долины. Он не видел ничего, кроме своих грез. Душа и тело шли, или, вернее, ползли бок о бок, но отдельно — так тонка была связующая их нить.

Как-то человек проснулся с совершенно ясной головой, лежа на спине на выступе скалы. Солнце сияло тепло и ярко. Вдали слышалось блеяние телят карибу. В его мозгу сохранились смутные воспоминания о дожде, о ветре, о снеге, но он не помнил, сколько времени его трепала буря — два дня или две недели.

Довольно долго он лежал без движения; живительные солнечные лучи согревали его, насыщая теплотой его жалкое тело. «Прекрасный день!» подумал он. Может быть, ему удастся определить, где он находится. С мучительным усилием повернулся он на бок. Внизу медленно струилась широкая река. Он недоумевал: местность была ему совершенно незнакомая. Он медленно следил глазами за рекой, широкой лентой извивавшейся между мрачными голыми холмами, мрачнее и обнаженнее которых он никогда не встречал. Медленно, задумчиво и бесстрастно, с чисто отвлеченным интересом следил он за течением этой незнакомой реки до самого горизонта

и увидел, что она впадает в яркое, сияющее море. Но и это не взволновало его. «Совершенно необычайный мираж, — подумал он, — скорее, просто видение, плод моей расстроенной фантазии!» Его окончательно убедил в этом вид корабля, стоявшего на якоре посреди сверкающего моря. На некоторое время он закрыл глаза, затем снова открыл их. Странно, навязчивое видение не исчезало. Впрочем, что здесь странного? Ведь он знал, что в глубине этой пустыни нет ни морей, ни кораблей, как раньше знал, Что в незаряженном ружье нет патрона.

Человек услышал позади сопение — не то кашель, не то полупридушенное дыхание. Очень медленно, преодолевая все растущую слабость и оцепенение, он повернулся на другой бок. Вблизи ничего не было видно, но он терпеливо выжидал. Снова послышалось сопение или кашель, и в нескольких шагах от себя человек увидел серую голову волка, четко вырисовывавшуюся между двумя зубчатыми камнями. Острые уши не торчали так резко, как у других волков; глаза были тусклы и налиты кровью; голова неуклюже и уныло свесилась набок. Зверь беспрестанно щурил глаза на солнце. Он казался больным. Когда человек посмотрел на него, зверь снова засопел и закашлял.

«Вот это, по крайней мере, реально!» подумал человек и повернулся на другой бок, чтобы убедиться в реальности мира, затуманенного прежде его видениями. Но попрежнему в отдалении сверкало море и можно было ясно различить корабль. Неужели это действительно существует в конце концов? Он закрыл глаза, долго думал и наконец сообразил. Он шел на северо-восток, по направлению от реки Диз к долине реки Коппермайн.

Широкая и медленная река — это Коппермайн; сверкающее море — это Ледовитый океан; ко-

рабль — это китобойное судно, занесенное далеко на восток от устья реки Мекензи и стоящее на якоре в бухте Коронации. Он вспомнил виденную им когда-то карту Гудсоновской компании, и все стало ясным и понятным.

Он сел и решил заняться тем, что нужно было сделать в первую очередь. Изготовленные из одеял обмотки совершенно износились, и ноги его напоминали бесформенные груды сырого мяса. Последнее одеяло было уже целиком использовано. Ружье и нож потеряны. Он потерял где-то и шляпу вместе со спичками, вложенными в подкладку, но за пазухой, в целости и невредимости, сохранились спички, завернутые в вощеную бумагу и спрятанные в кисет. Он взглянул на часы. Было одиннадцать часов; часы шли. Очевидно, он заводил их вовремя.

Человек был спокоен и сосредоточен. Несмотря на крайнюю слабость, он не ощущал боли. И голода не было. Мечты о пище теперь были даже неприятны ему, и все, что он делал, управлялось одним лишь рассудком. Он оторвал от своих брюк куски материи, от низа до колен, и обвязал ими ступни. Каким-то образом у него еще уцелело жестяное ведерко. Он выпьет немного горячей воды, прежде, чем отправится в путь к кораблю:

он предвидел, что путь этот будет ужасен.

Движения его были медленны. Он трясся, как паралитик. И когда он решил набрать сухого мха, оказалось, что он не может подняться. Еще и еще раз пробовал он встать и наконец пополз на четвереньках. Один раз он подполз к больному волку. Животное, волочась по земле, неохотно оттащилось в сторону, облизываясь языком, который казался совершенно бессильным. Человек заметил, что этот язык не был обычного красного цвета, как у здорового волка. Он был желтовато-бурый и казался покрытым отвратительной полусухой слизью.

Выпив кружку кипятку, человек почувствовал, что в состоянии держаться на ногах и даже итти вперед не хуже всякого другого умирающего. Через каждую минуту он вынужден был останавливаться для отдыха. Он шел слабым и неуверенным шагом, как и волк, который брел вслед за ним; и в эту ночь, когда блестящее море было скрыто мраком, он знал, что приблизился к нему не больше чем на четыре мили.

Всю ночь он слышал кашель больного волка, а иногда и блеяние молодых карибу. Вокруг него была жизнь, но это была крепкая, бодрая, здоровая жизнь, и он знал, что больной волк идет

вслед за ним в надежде, что человек умрет первым. Утром, открыв глаза, он снова увидел перед собою волка, смотревшего на него пристальным и голодным взглядом. Волк стоял съежившись, держа хвост меж ног, как жалкий побитый пес. Он дрожал от холодного утреннего ветра и уныло оскалил зубы, когда человек прошептал ему несколько слов.

Поднялось яркое солнце, и все утро человек, шатаясь, брел по направлению к кораблю на сверкающем море. Была великолепная погода. Стояло короткое бабье лето. Оно могло продлиться неделю, оно могло кончиться завтра, послезавтра.

К концу дня человек набрел на след. Это был след другого человека, который не шел, а полз на четвереньках. Он подумал, что это, может быть, след Биля, но подумал равнодушно, не проявляя к этому ни малейшего интереса. Он не чувствовал никакого любопытства. Всякая чувствительность и способность к восприятию впечатлений были утрачены. Он больше не ощущал боли. Желудок и нервы заснули. Однако теплившаяся в нем жизнь гнала его вперед. Он был очень утомлен, но что-то в нем отказывалось умирать. Именно эта искра жизни и заставляла его есть болотные ягоды и пескарей, пить горячую воду и неустанно

следить за больным волком.

Путник направился по следу того человека, который полз здесь, и скоро дошел до конца следа — до кучки свежеобглоданных костей, вокруг которых на влажном мху виднелись отпечатки волчьих ног. Он увидел плоский мешочек из оленьей кожи — такой же, как его собственный — разодранный острыми зубами. Он поднял мешочек, хотя тот был слишком тяжел для его ослабевших пальцев. Биль нес его с собой до конца. Ха-ха! Теперь он мог бы посмеяться над Билем. Он выживет и донесет мешочек до корабля на сверкающем море. Он смеялся хриплым и страшным смехом, похожим на карканье, и больной волк присоединился к нему, испуская заунывный вой. Человек внезапно замолк. Как мог он издеваться над Билем, если то, что перед ним, это Биль, если кучка гладких розовато-белых костей есть Биль?

Он отвернулся. Ну что ж, Биль покинул его, но он не возьмет его золота и не будет сосать его когтей! «Биль, однако, сделал бы это, если бы дело обстояло наоборот!» размышлял он, ковыляя дальше.

Он добрел до наполненной водою ямы. Нагнувшись над нею в поисках пескарей, он вдруг, как

ужаленный, откинул голову назад. Он увидел отражение своего лица. Оно было так страшно, что в нем снова пробудилась способность воспринимать впечатления, и он был прямо потрясен. В луже находились три пескаря, но она была слишком велика, чтобы вычерпать ее; и после нескольких безуспешных попыток поймать их ведерком он отказался от этой мысли. Он боялся, что из-за своей слабости упадет в воду и утонет. По той же причине он не решался поплыть по реке верхом на одном из пловучих бревен, которых было так много на песчаных отмелях.

В этот день он уменьшил расстояние между собой и кораблем на три мили; в следующий день — на две, потому что он полз теперь с такою же скоростью, с какой полз Биль. К концу пятого дня расстояние между ним и судном равнялось все же семи милям, но он уже не мог пройти и одной мили в день. Все еще стояло бабье лето, и он продолжал ползти. Он полз, терял сознание и снова полз; а по следам его, хрипя и кашляя, неотступно плелся больной волк. Колени человека, так же как и ступни, превратились в куски сырого мяса, и хотя он перевязывал их оторванными от рубахи полосами, красный след шел за ним по камням и по мху. Однажды, оглянувшись, он увидел, что

волк лижет его кровавый след, и с особой остротой понял, какой конец ждет его, если только он сам не одолеет волка.

Тогда началась страшная, необычайная трагедия борьбы за жизнь — больной человек, ползущий на четвереньках, и больной, ковыляющий волк: два умирающих существа, волочащих свои скелеты по пустыне, охотились друг за другом.

Будь это здоровый волк, человек относился бы к этому спокойнее, но мысль о том, что он может очутиться в брюхе омерзительного полуживого существа, была невыносима. Он был брезглив. Его мысли снова начали блуждать, его охватили галлюцинации, а промежутки просветления приходили все реже и становились короче.

Однажды, потеряв сознание, он был разбужен каким-то сопением прямо над своим ухом. Волк, хромая, отскочил в сторону, от слабости потерял равновесие и упал. Это было забавно, и все же не рассмешило человека. Он даже не был испуган. Он был уже за гранью страха. Но это было моментом просветления, и он лежал и размышлял. Он был не далее четырех миль от корабля. Когда он протирал глаза, чтобы рассеять окутывавший их туман, он совершенно ясно различал судно, видел белый парус на маленькой лодке, проре-

завшей сверкающие воды моря. Но ему никогда не проползти этих четырех миль. Он это знал и думал об этом совершенно спокойно. Он твердо знал, что не может проползти и полумили. Тем не менее он хотел жить. Умереть после всего пережитого было бы нелепо. Судьба требовала от него слишком многого. И умирая, он отказывался умереть. Быть может, это было просто безумием, но, уже цепко схваченный смертью, он вызывал ее на бой, отказываясь умереть.

Он закрыл глаза и с бесконечной осторожностью расправил свои мышцы. Железным усилием он заставил себя преодолеть слабость, которая, спирая дыхание, волной прилива охватила все его существо. Она была похожа на море, эта смертельная слабость, она все поднималась и поднималась и пядь за пядью затопляла сознание. Иногда он весь погружался в нее, неверными взмахами плывя сквозь туман; и опять, по какой-то странной алхимии души, он находил новый обрывок воли и сил, чтобы выплыть на поверхность.

Без движения лежал он на спине, слыша, как, все приближаясь к нему, больной волк со свистом вдыхал и выдыхал воздух; прошло бесконечно много времени, но человек не двигался. Волк на-

гнулся над самым его ухом. Шероховатый сухой язык, точно наждачная бумага, оцарапал щеку лежавшего. Человек сделал резкое движение рукой, вернее — он хотел сделать его. Пальцы были скрючены, как когти хищной птицы, но они сжались в воздухе в кулак. Быстрота и уверенность требовали силы, а силы у человека не было.

Терпение волка было ужасно. Терпение человека было не менее ужасно. Полдня лежал он неподвижно, борясь с потерей сознания и выжидая, что сделает тот, кто хочет насытиться им и кем он думал насытиться сам… Временами волны слабости захлестывали его, и перед ним проносились долгие грезы; но все время, во сне и наяву, он ждал, что услышит свистящее дыхание и почувствует грубое прикосновение волчьего языка.

Но он не услышал дыхания, медленно очнулся от какого-то сна и почувствовал прикосновение языка к своей руке. Он все ждал. Слегка нажали волчьи клыки; давление усилилось; напрягая последние силы, волк старался впиться Зубами в долгожданную пищу. Но и человек тоже ждал долго, и его уже пораненная рука взяла волка за челюсть. Медленно, пока волк слабо сопротивлялся, а рука слабо сжимала челюсть, подползла

с другой стороны вторая рука и сдавила волчье горло. Пять минут спустя человек всей тяжестью тела повалился на волка. Рука не обладала достаточной силой, чтобы задушить зверя, но человек лицом прижался к его горлу, и рот у него был полон шерсти. К концу получаса человек почувствовал у себя в горле какую-то теплую струю. Это не было приятно. Похоже было, что ему насильно вливают в желудок расплавленный свинец, и только усилием воли он заставил себя делать это. Через некоторое время человек перевернулся на спину и уснул.

На китобойном судне «Бедфорд» находилось несколько членов научной экспедиции. С палубы они заметили на берегу какой-то странный предмет. Он двигался вниз по склону, приближаясь к воде. Не будучи в состоянии классифицировать его, они, как истые люди науки, сели в висевшую у борта судна шлюпку и поехали к берегу. И они увидели нечто живое, но вряд ли заслуживавшее название человека. Это существо было слепо, бессознательно. Напрягаясь, оно ползло по земле, как какой-то чудовищный червь. Почти все его усилия были тщетны, но оно было настойчиво, корчилось, извивалось и все же ползло вперед со скоростью каких-нибудь нескольких футов в час.

Три недели спустя в каюте китобойного судна «Бедфорд» человек со слезами, катившимися по впалым щекам, рассказывал, кто он и что он перенес. Он также бессвязно бормотал что-то о своей матери, о залитой солнцем Калифорнии и о своем домике среди апельсиновых рощ и цветов.

Прошло с того времени еще несколько дней, и он уже мог сидеть за столом вместе с учеными и офицерами корабля. Он пожирал глазами разложенное перед ним обилие пищи, с беспокойством следя, как она исчезает во рту у других. С каждым их глотком у него в глазах появлялось выражение глубокого сожаления. Он был психически совершенно здоров, однако во время еды он ненавидел этих людей. Его преследовал страх, что может нехватить пищи. Он расспрашивал всех — повара, юнгу, капитана — о запасах еды. Они множество раз успокаивали его, но он не мог поверить им и тайком прокрадывался к складам провианта, чтобы убедиться собственными гладами.

Замечено было, что человек жиреет. Он с каждым днем становился все толще и толще. Ученые качали головами и делали догадки. Они ограничили его в еде, но он все увеличивался в талии и чудовищно разбухал.

Матросы лишь скалили зубы. Они знали, в чем дело. И ученые тоже узнали, когда стали следить да человеком. Они увидели, как он после завтрака, потупив глада, прокрался на бак и, как нищий, с протянутой рукой подошел к матросу. Матрос с усмешкой дал ему кусок морского сухаря. Он жадно схватил сухарь, взглянув на него, как скупой на золото, и спрятал за пазуху. Такое же подаяние он получил от других ухмылявшихся матросов.

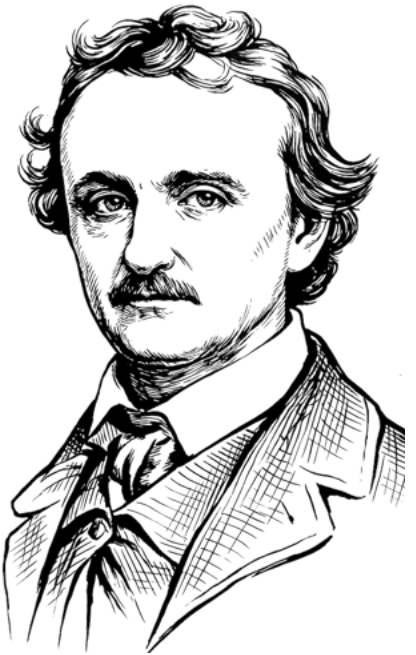
Ученые были сдержанны и не назойливы. Они оставили его в покое. Но без его ведома они осмотрели его каюту. Она была доверху наполнена сухарями; матрац был тоже набит сухарями. Тем не менее человек был здоров. Он просто принимал меры предосторожности против возможной голодовки. «Он вылечится от этого», сказали ученые, и он действительно вылечился еще прежде, чем «Бедфорд» бросил якорь в бухте Сан-Франциско.

От составителя

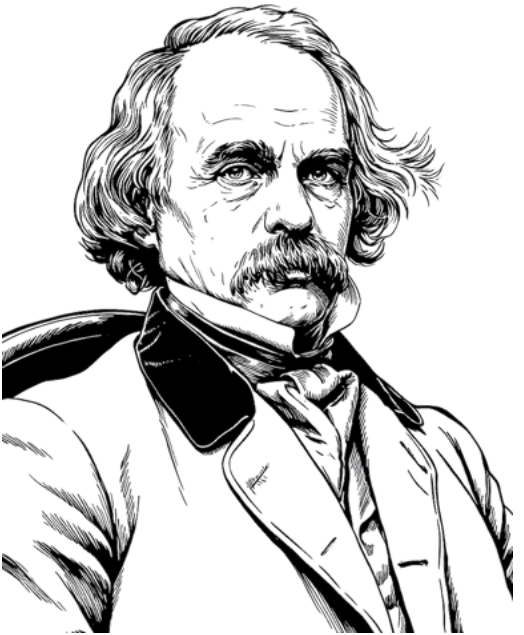
Американская новелла пользуется в мировой литературе широкой известностью. Сами американцы — считают короткий рассказ своим национальным жанром. Действительно, американская новелла отличается значительными достоинствами: большим разнообразием и драматизмом содержания, остротой сюжета, законченностью композиции. Крупнейшие американские писатели-классики были выдающимися мастерами рассказа.

В настоящем сборнике представлена классическая американская новелла в своих лучших образцах.

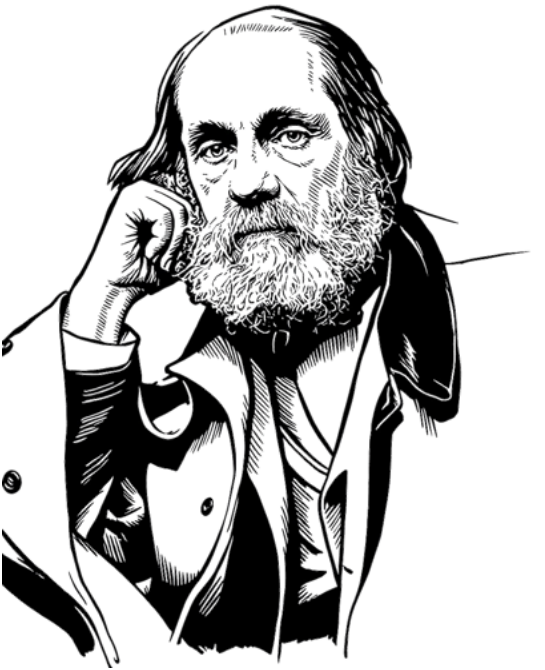
Эдгар Аллен По (1809–1849) — знаменитый американский писатель-романтик. Его рассказ «Золотой жук», написанный сто лет тому назад, самый известный авантюрный рассказ в мировой литературе; он оказал влияние на Всю последующую художественную литературу приключений вплоть до «Острова сокровищ» Стивенсона.

Этот рассказ свободен от болезненных мотивов, характерных для творчества По, и написан в Ясных, радостных тонах. Подробно изображенное в рассказе разгадывание зашифрованного текста, помогающего герою найти сокровище, увлекает читателя своей логической стройностью. По считал, что упражнение аналитических способностей ума должно вызывать такое же наслаждение, какое «физически сильный человек получает от тренировки мускулов».

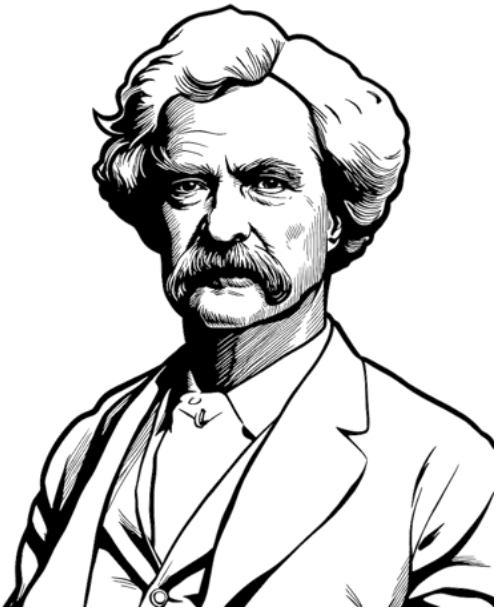
Начинатель Готорн (1804–1864) — писатель романтического направления, один из наиболее замечательных новеллистов в американской литературе. При виртуозности головоломного сюжетного построения «Гибель мистера Хигинботама» сохраняет черты реалистичности. Готорн юмористически, с большой наблюда-

тельностью зарисовывает американскую жизнь первой половины XIX столетия.

Эдвард Эверет Гейл (1822–1909) известен, главным образом, своим «Человеком без родины», который считается одним из самых знаменитых

американских рассказов. Этот рассказ был написан в 1863 году в разгар гражданской войны Севера с рабовладельческим Югом. Хотя действие рассказа относится в основном к более раннему периоду, в нем нашел отражение патриотический подъем, вызванный в американском народе мятежом плантаторов-южан, которые подняли оружие против родной страны во имя сохранения рабства. Политические намеки, рассыпанные в рассказе, имели поэтому для читателей-современников живой, злободневный интерес. Сюжет «Человека без родины» лишен, конечно, исторической достоверности, хотя остроумная композиция рассказа и искусное использование автором действительных и вымышленных имен, фактов и документов заставили многих вначале поверить в реальность. Филиппа Нолана.

Марк Твен (1835–1910) — самый известный и любимый у нас американский писатель. В «Похищении белого слона» Твен со своим обычным трезвым насмешливым юмором пародирует рассказы о таинственных преступлениях и ловких сыщиках, пользовавшиеся у читателей его времени большим успехом.

Джек Лондон (1876–1916) воплотил в своих рассказах многие сильные стороны классической американской новеллы. «Любовь к жизни» принадлежит к числу его лучших рассказов. В своих воспоминаниях о Ленине Надежда Константиновна Крупская пишет: «За два дня до его Ленина смерти читала я ему вечером рассказ Джека Лон-

дона — он и сейчас лежит на столе в его комнате — «Любовь к жизни». Сильная очень вещь. Через снежную пустыню, в которой нога человеческая не ступала, пробирается к пристани большой реки умирающий с голоду больной человек. Слабеют у него силы, он не идет, а ползет, а рядом с ним ползет тоже умирающий от голода волк; идет между ними борьба, человек побеждает, — полумертвый, полубезумный добирается до цели. Ильичу рассказ этот понравился чрезвычайно».

А. И. Старцев